

Inv. A. 5892

837742

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

И. В. ЯГИЧА.

Donațiunea
ION BOGDAN

28839

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1889.

CONTROL 1953

pe 273/06

1956

1951

L

BIBLIOTECA CENTRALA UNIVERSITARA
BUCURESTI
COTA 24 892

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ, Июль 1889 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.

B.C.U. Bucuresti

C28839

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поручило мнѣ, какъ своему члену, написать разборъ труда профессора А. И. Соболевскаго, появившагося въ свѣтъ въ прошломъ году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго языка“ и представленнаго въ академію на соисканіе преміи имени графа Д. А. Толстаго. Всегда готовый поддерживать научные интересы этого высшаго ученаго учрежденія, я тѣмъ охотнѣе взялъ на себя порученіе его, что трудъ профессора Соболевскаго, вполне заслуживающій внимательнаго разбора, затрогиваетъ предметъ, которому я и самъ посвятилъ не мало времени въ бытность мою профессоромъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Такимъ образомъ и у меня нашлось подъ рукою не мало матеріаловъ, которыми я считалъ возможнымъ отчасти восполнить пробѣлы разбираемыхъ здѣсь „лекцій“, отчасти выставить и оправдать свои особые взгляды.

Глубоко запали мнѣ въ душу тѣ незабвенные годы, когда я передъ многочисленною аудиторією русской молодежи читалъ лекціи о русскомъ языкѣ, старомъ и новомъ, какъ въ университетѣ такъ на высшихъ женскихъ курсахъ; съ тронутымъ сердцемъ вспоминаю также отношеніе ея ко мнѣ, всегда полное вниманія и довѣрія. Пусть эти „критическія замѣтки“ будутъ выраженіемъ моей благодарной памяти за прошлое, пожеланія же еще болѣе блестящихъ успѣховъ моему преемнику.

И. В. Ягичъ.

Моимъ бывшимъ

ученикамъ и ученицамъ

на память.

ВВЕДЕНИЕ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ вышелъ первый трудъ, имѣющій прямое отношеніе къ исторіи русскаго языка. Это было не систематическое изложеніе въ видѣ знаменитой исторической грамматики Якова Гримма, не было также нѣчто похожее на «исторію нѣмецкаго языка», написанную тѣмъ же Гриммомъ, лѣтъ тридцать спустя послѣ его грамматики. Это были пока только «Мысли» объ исторіи русскаго языка, предварительныя соображенія И. И. Срезневскаго¹⁾. Предметъ, затронутый въ этихъ «Мысляхъ», заключалъ въ себѣ столько любопытныхъ и важныхъ вопросовъ по отношенію къ русской старинѣ, что талантливому, молодому тогда еще профессору, обладавшему, какъ извѣстно, большимъ остроуміемъ и немалою долею краснорѣчія, не трудно было, и не входя въ подробности, представить читателю нѣсколько очень живо написанныхъ картинъ изъ жизни языка вообще, изъ взаимныхъ отношеній между славянскими нарѣчіями и наконецъ изъ

¹⁾ «Мысли объ исторіи русскаго языка Измаила Срезневскаго, доктора славяно-русской филологіи, экстраординарнаго профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета» напечатаны какъ приложение къ «Годичному торжественному акту въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ, бывшему 8 февраля 1849 года» С.-Пбгъ 1849, на стр. 61—186. «Дополнительныя примѣчанія» обнимаютъ стр. 187—280.

историческихъ судьбъ русскаго языка. «Мысли» И. И. Срезневскаго, надо полагать, читались съ тѣмъ большимъ интересомъ¹⁾, чѣмъ рѣже появлялись въ русской литературѣ подобнаго рода общія разсужденія о языкѣ, о ходѣ и развитіи его въ связи съ исторіею народа.

Книжка И. И. Срезневскаго и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Вторая глава ея «о первоначальномъ образованіи языковъ» отличается поэтичностью изложенія, взамѣнъ положительныхъ данныхъ являются яркія краски разсказа. Но и третья глава, рисующая типъ русскаго праязыка, и часть пятой, въ которой излагается «общій ходъ» измѣненій въ русскомъ языкѣ, выдерживаютъ съ нѣкоторыми поправками критику нашего времени. Менѣе всего удовлетворяютъ насъ теперь два главныхъ положенія, легшія въ основаніе разсужденій нашего незабвеннаго академика. Первое положеніе гласитъ, что въ началѣ исторической жизни русскаго народа господствовало еще полное единство русскаго языка, такъ что «части народа отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка» (стр. 96), и что «русскій языкъ X—XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ» (ib. 90). Тутъ не все ясно. Какъ мы должны понимать единство языка и въ то же время переходное состояніе его? Когда же это переходное состояніе началось. Почему мы знаемъ, что не было его и раньше X—XIV вѣка? Такая же неопредѣленность замѣтна въ отзывахъ И. И. Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковнославянскому. Онъ говоритъ, что русскій языкъ «въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходитъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго славянскаго строя» (стр. 89) и что онъ «къ старославянскому былъ

¹⁾ «Мысли» И. И. Срезневскаго были перепечатаны въ Библіотекѣ для Чтенія 1849 года, но безъ «Дополнительныхъ примѣчаній».

ческому» употребленію ъ вм. е, что «галицко-волинскій» типъ безъ него и немислимъ? Если считать галицкое евангеліе 1144 г. памятникомъ «галицко-волинскимъ», въ чемъ трудно сомнѣваться (см. мои соображенія въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 85—98), то видно въ немъ постепенное развитіе типа, не обнаружившаго сразу всѣ признаки, между прочимъ и замѣна е черезъ ъ тутъ еще не существуетъ. Точно такъ было бы, какъ мнѣ кажется, преждевременно теперь уже, пока еще исторія русскаго языка очень мало разработана, отрицать существованіе «систематическаго» употребленія ъ вм. е въ памятникахъ кievскихъ, по той только причинѣ, что этого нѣтъ въ сборникѣ 1073 года. Чего не было въ концѣ XI столѣтія, могло существовать въ концѣ XII-го. Съ этими знаменательными признаками вообще большая бѣда. Впервыхъ ихъ пока отыскано очень немного, — не всѣми воспользовался даже профессоръ Соболевскій, напр. онъ не обратилъ вниманія на форму «скербъ» — примѣту южнорусскаго памятника; — во вторыхъ же они не выступаютъ послѣдовательно, то нѣтъ одного, то нѣтъ другого, то преобладаетъ одинъ, то другой, однимъ словомъ — они сбиваютъ насъ съ толку. Смотря по тому, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, возрѣнія наши по неволѣ расходятся. У автора «Очерковъ» на первомъ планѣ конечно выдвинутое имъ особенное, скажемъ южнорусское, употребленіе буквы ъ; поэтому онъ не много заботится о томъ, что памятники, подогнанные имъ подъ одну мѣрку, не совпадаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ; въ угоду своему ъ онъ предпочелъ лучше исключить изъ своего канона галицкое евангеліе 1144 года, чѣмъ нарушить стройность системы. Кто наоборотъ придаетъ значеніе такимъ признакамъ, какъ смѣшеніе начальнаго в съ у, какъ замѣна жѣд черезъ жѣч, и только рядомъ съ этимъ также употребленію ъ — для того вопросъ становится иначе. Я напр., не отрицая важности примѣты, выдвинутой профессоромъ Соболевскимъ, нахожу все-таки очень знаменательнымъ также смѣшеніе в съ у. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отсутствіе этой черты въ такихъ рукописяхъ, которыя знаютъ

«южнорусское» *ъ*, которыя знаютъ *жч* и *ти* (вм. *тъ*), обозначало что другое, какъ вѣрное отраженіе особенности говора, не знавшаго этой черты. Я согласенъ съ Соболевскимъ, когда онъ на стр. 88 своего новѣйшаго сочиненія говоритъ, что «въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *ѳ* нѣтъ»; по крайней мѣрѣ и мнѣ кажется, что этотъ переходъ въ Кіевскихъ памятникахъ стараго типа не былъ распространенъ. Но какъ разъ это соображеніе заставляетъ меня думать, что памятники, располагающіе впрочемъ всѣми чертами «галицко-волынскаго» типа (употреблю терминъ «Очерковъ»), не смѣшивающіе же *ѳ* съ *у* — должны быть вынуты изъ «галицко-волинской» среды, и перенесены на почву другую, сосѣдственную, ближе къ тому типу русскаго языка, который не зналъ и не знаетъ этой смѣны, стало быть дальше на востокъ — въ землю Кіевскую и Черниговскую древней Россіи. Чѣмъ дальше я изучаю памятники, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что это такъ. Вотъ напр. въ скоромъ времени предстоитъ изданіе замѣчательнаго памятника древнерусской письменности подъ редакцію профессора И. В. Помяловскаго. Благодаря его любезности, я могъ уже познакомиться съ большею частью текста этого памятника и засвидѣтельствовать фактъ, что «Житіе св. Савы», въ рукописи пергаменной, принадлежавшей прежде князьямъ Вяземскимъ и подаренной покойнымъ княземъ Павломъ Петровичемъ Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, заключаетъ въ себѣ текстъ южнорусскаго извода, со всѣми прочими особенностями «галицко-волынскаго типа», только безъ смѣшенія *у* съ *ѳ*. Тутъ имѣется большое число примѣровъ «южнорусскаго *ъ*» (напр. камѣникъ 125. 177. 501, корѣникъ 37. 59. 87. 177, вѣсѣликъ 231. 385, много другихъ существительныхъ на -ѣникъ: гонѣникъ, молѣникъ, извѣщѣникъ, сматѣникъ, срѣтѣникъ, хоулѣникъ, послужѣникъ, осужѣникъ, наслажѣникъ, исъшѣникъ, знамѣникъ, явлѣникъ, поклонѣникъ, пегыѣникъ, оуклонѣникъ, приложѣникъ, падѣникъ, оуспѣникъ, и т. д.; потомъ: вѣльваоудъ 461—463, зѣмныхъ 73, зѣмноє 209, зѣликъ 237, сѣдыло 235, осѣдылати 127, сѣвро

гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу и по строю» (стр. 153), что русскій народъ, когда онъ обратился къ христіанству, «нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчій, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ» (стр. 98), и все-таки въ томъ же сочиненіи допускается существованіе въ древней Россіи двухъ отдѣльныхъ языковъ «собственно народнаго» и языка «книгъ и людей, образуемыхъ книгами» (стр. 96). Трудно согласить эти положенія. Если бы въ IX — X вѣкѣ между церковнославянскимъ и русскимъ языками существовала дѣйствительно такая поразительная близость, какую изображалъ здѣсь покойный академикъ, то нѣтъ сомнѣнія, при громадномъ вліяніи языка церковнаго на общественную и государственную жизнь древней Россіи, вмѣсто дѣйствительнаго дуализма развилось бы и образовалось скорѣе полное единство, одинъ языкъ не то литературный, не то народный. Существованіе же наоборотъ двухъ языковъ, вѣрно подмѣченное И. И. Срезневскимъ, свидѣтельствуетъ лишь о невѣрности посылокъ его. Слишкомъ большой, чуть ли не до полнаго единства доходившей близости между обоими языками не было, но не было и того идеальнаго единства русскаго языка, о которомъ думалъ И. И. Срезневскій. Напротивъ, существовали нарѣчія и говоры съ переходами другъ въ друга, иногда еле замѣтными, иногда довольно рѣзкими, въ особенности если сопоставить рядомъ противоположные концы. Что же касается быстро распространенія церковнославянскаго языка у славянъ, конечно не у всѣхъ, какъ неточно выражался авторъ «Мыслей», — то причина этому заключалась вовсе не въ томъ, какъ онъ говоритъ, что проповѣдники «могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчій всюду куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными» (стр. 153), а въ различныхъ бытовыхъ и культурно-политическихъ условіяхъ; самъ же языкъ былъ только относительно близокъ и понятенъ, именно въ сравненіи съ окружающими славянъ и навязывавшими имъ свое господство чужими языками:

нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ. На счетъ совершеннаго пониманія всѣми и всюду не надо слишкомъ увлекаться и преувеличивать дѣйствительность.

И второе главное положеніе «Мыслей» объ исторіи русскаго языка въ настоящее время должно быть отвергнуто. Если не было полнаго единства русскаго языка въ X столѣтіи, если не было очень близкаго отношенія къ нему языка церковнаго, то нѣтъ разумной причины относить «образованіе книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ» (стр. 155) только къ XIII — XIV вѣку. Невѣрно было бы говорить о XIV столѣтіи какъ той эпохѣ, въ которую впервые «элементъ народный уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ» (стр. 156); еще же менѣе позволительно было бы считать это позднее время — XIII — XIV вѣка — началомъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Нѣсколько лѣтъ позже И. И. Срезневскій считалъ, правда, возможнымъ допустить болѣе раннее существованіе говоровъ, но не нарѣчій (Изв. V, 68), но и отъ этой оговорки вопросъ не выплываетъ. Провести границу между говоромъ и нарѣчіемъ всегда было и будетъ очень трудно. Если считать нарѣчіе по отношенію къ говорамъ болѣе крупною единицею, обособленной множествомъ одинаковыхъ, но характерныхъ отступленій, то можно бы спросить, не будетъ ли слишкомъ рано постановить даже XIII — XIV вѣкъ какъ крайній предѣлъ для сложившагося будто бы уже окончательно полнаго различія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ? Развѣ слѣдующіе вѣка, XV — XVII, протекли безслѣдно, не затронувъ больше этого отношенія? едва ли!

Послѣдователи И. И. Срезневскаго развивали его мысли далѣе. Самый выдающійся изъ нихъ, П. А. Лавровскій, кончившись въ подробномъ изслѣдованіи языка сѣвернорусскихъ памятниковъ¹⁾, сдѣлалъ уже маленькую уступку: онъ призналъ

¹⁾ О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.-Пбгъ 1852.

существованіе новгородскихъ особенностей древнерусскаго языка уже задолго до XIV столѣтія. Такимъ образомъ теоріи о первоначальномъ единствѣ нанесенъ первый ударъ. Разнообразіе въ иныхъ чертахъ языка стали допускать по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверу, но все еще указывали какъ на фактъ не подлежащій сомнѣнію, что до XIV столѣтія въ письменныхъ памятникахъ «не обнаруживается того раздѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ настоящее время». Само собою наблюденіе это вѣрно: до XIV столѣтія дѣйствительно не было, да и въ XIV столѣтіи еще не могло быть въ языкѣ древнерусской письменности того различія, какое выходитъ наружу въ позднѣйшее время, но оттуда выведено совсѣмъ невѣрное заключеніе, что вообще никакого различія не было. При этомъ умозаключеніи упущены изъ виду слѣдующія обстоятельства: вопервыхъ, отыскивая слѣды русскаго языка, чѣмъ дальше пробираемся въ старину, тѣмъ слабѣе замѣтно въ памятникахъ древнерусской письменности присутствіе и участіе элемента народнаго; въ особенности же на югѣ Россіи, гдѣ духовное просвѣщеніе поддерживало болѣе тѣсныя сношенія съ Константинополемъ и южными славянами, господство чистаго церковнаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ. Въ вторыхъ, вслѣдствіе тяжелой судьбы, постигшей югъ Россіи, число южнорусскихъ памятниковъ, сохранившихся, несравненно меньше чѣмъ сѣвернорусскихъ, да и тѣ памятники, о южнорусскомъ происхожденіи которыхъ можно догадываться, по большей части сохранились въ спискахъ, не то передѣлкахъ, неюжныхъ. Наконецъ въ то время, когда вопросъ о старобытности русскихъ нарѣчій выступилъ впервые въ русской литературѣ какъ предметъ достойный серьезнаго изслѣдованія, памятниковъ древней письменности было издано еще очень не много, да и то ограниченное число не было подвергнуто тщательному анализу; въ особенности же относительно южно- или малорусскаго нарѣчія не была сдѣлана хоть бы такая попытка

историческаго анализа, какая по отношенію къ сѣверу представлена въ сочиненіи П. Лавровскаго.

При такихъ условіяхъ извѣстная полемика пятидесятихъ годовъ—между Погодинымъ и Максимовичемъ—оказалась нѣсколько преждевременною; она не выяснила спорнаго вопроса, потому что вращалась на почвѣ не филологическихъ аргументовъ, а личныхъ впечатлѣній. Однакожъ и этотъ споръ имѣлъ свою хорошую сторону: онъ указалъ на пробѣлы въ свѣдѣніяхъ какъ по исторіи языка, такъ и по отношенію къ живымъ нарѣчіямъ. Въ то время этнографическое изслѣдованіе западныхъ окраинъ Россіи доставило уже довольно богатый и для діалектологіи очень важный матеріалъ, научная разработка котораго была на очереди. Съ другой же стороны явился Вл. Даль со своимъ словаремъ, со своею характеристикою живыхъ нарѣчій или говоровъ великорусскихъ. Заслуги Даля оцѣнены по достоинству со стороны нашей академіи, по этому теперь уже не повредитъ его памяти откровенное признаніе, что нерасположеніе въ немъ этнографа къ филологу и грамматикѣ не было въ прокъ его изслѣдованіямъ по великорусскимъ говорамъ. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о себѣ въ сравненіи съ Максимовичемъ: «онъ (Максимовичъ) владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы нарѣчій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи; я рѣдко затрудняюсь узнать по говору родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, *но я не сумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія грамматическія правила*».

Чего недоставало Далю, по его собственному признанію, тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію

въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ. По его стопамъ шель также незабвенный труженикъ въ этой области М. Колосовъ. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, вышедшемъ лѣтъ десять тому назадъ, онъ подвелъ итоги своимъ и чужимъ діалектологическимъ разысканіямъ въ очень полезномъ сочиненіи: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава, 1878). Но Колосовъ сдѣлалъ уже раньше шагъ впередъ также по исторіи русскаго языка. На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ ему изданіями Востокова, Срезневскаго, Буслаява и другихъ, онъ составилъ въ 1872 году «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка». Эту небольшую книжечку можно назвать первымъ опытомъ, сдѣланнымъ въ мало изслѣдованной области, въ исторической грамматикѣ русскаго языка, такъ какъ изданное уже раньше сочиненіе О. И. Буслаява (историческая грамматика) касалась болѣе церковнославянскаго языка на почвѣ русской, чѣмъ древнерусскаго, затрогивала болѣе особенности нынѣшнихъ народныхъ говоровъ, чѣмъ проявленіе ихъ же въ древнерусскихъ памятникахъ. Колосовъ взялся за дѣло съ очень скромными средствами. Не располагая другимъ запасомъ кромѣ того, что было издано, не имѣя возможности восполнить пробѣлы или хотя бы провѣрить то, что возбуждало сомнѣніе, по подлинникамъ, хранящимся въ богатыхъ собраніяхъ рукописей, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ сдѣлалъ все-таки очень много, исполнилъ свою скромную задачу очень добросовѣстно. Онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи не исторію русскаго языка съ XI по XV вѣкъ — такъ далеко его желанія не простирались — а только главныя особенности въ звукахъ и формахъ того языка, который, судя по памятникамъ, былъ употребляемъ въ древнерусской письменности съ XI по XV вѣкъ. Выводы изслѣдованія сгруппированы, довольно механически, по столѣтіямъ, и при немногочисленности и неполнотѣ источниковъ не отличались конечно полнотою. Все содержаніе книжки производитъ впечатлѣніе отрывочности, нуждающейся въ поправкахъ и дополненіяхъ. Но этого мало. Въ сочиненіи Колосова кромѣ того не принято

въ расчетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые въ настоящей исторіи языка никакъ не должны быть обойдены. Объ одномъ изъ нихъ самъ авторъ упомянулъ въ предисловіи къ своей книжкѣ (на стр. VIII), о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія, о чемъ онъ отозвался нѣсколько самонадѣянно такъ: отвѣтитъ рѣшительно на этотъ вопросъ «мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было». Допустимъ, что удачные отвѣты на столь сложные вопросы даются дѣйствительно не такъ легко, но это не избавляетъ изслѣдователя отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса: попытками, хоть бы не сразу достигающими цѣли, прокладывается мало по малу дорога къ раскрытію истины. Впрочемъ это не единственный вопросъ, отъ обсужденія котораго уклонился Колосовъ. Еще важнѣе, пожалуй, то, что у него источники, по которымъ дѣлается характеристика языка, не распределены по мѣсту происхожденія; нужды нѣтъ, точно ли оно извѣстно или же опредѣляется только гадательно. Много неточностей прокрадывается такимъ образомъ въ выводы. Наблюденія надъ памятниками ведутся абсолютно и безусловно, добытые результаты распространяются на всю область русскаго языка, какъ будто бы всѣ особенности, отмѣченныя въ томъ или другомъ памятникѣ, непременно выражали качества общія всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ русскаго языка. По моему это самый существенный недостатокъ сочиненія Колосова. Онъ намъ показываетъ, въ какомъ состояніи находилась исторія русскаго языка въ началѣ семидесятихъ годовъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области должны были двигаться не въ одномъ только направленіи: желательно было не только прибавленіе новыхъ матеріаловъ (изданія текстовъ, разборовъ отдѣльныхъ памятниковъ), но также болѣе обдуманное примѣненіе ихъ къ стоящимъ на очереди вопросамъ. Исторіи русскаго языка предстояла задача съ подобающею осторожностью вникнуть глубже въ вопросъ объ отношеніи языка письменныхъ памятниковъ къ языку живому народа своего времени, съ точ-

нымъ по возможности опредѣленіемъ той области русской земли, изъ которой тотъ или другой памятникъ, та или другая группа ихъ вышла, и тѣхъ чертъ или особенностей, которыя, судя по памятникамъ, каждой отдѣльной области свойственны. Эта нелегкая задача выпала на долю новѣйшихъ изслѣдованій, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ труды профессора А. И. Соболевскаго, къ оцѣнкѣ которыхъ я теперь и приступаю.

I.

Уже первый трудъ молодого ученаго «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (Варшава, 1881) отличался нѣкоторыми достоинствами, которыя сразу обратили на него вниманіе критики: обширное знакомство съ памятниками древнерусской письменности, богатая сообразительность, хотя въ то же время и нѣкоторая смѣлость въ попыткахъ объясненія разныхъ сторонъ русской грамматики, которыхъ нельзя всегда назвать удачными, — смѣлость извинительная усердіемъ или увлеченіемъ молодости. Хотя далеко не со всѣмъ можно было согласиться, что тутъ предложено авторомъ — отъ иныхъ объясненій, должно быть, онъ и самъ уже отказался, — но нѣкоторыя части труда явились дѣйствительно новымъ вкладомъ, внесеннымъ въ будущую историческую грамматику русскаго языка. Напр. разборъ окончанія род. пад. един. ч. ж. рода на *ю*, и такихъ же окончаній имен. и вин. падежей мн. ч., если и не можетъ имѣть притязанія на окончательное рѣшеніе этого вопроса, все-же впервые вывелъ эти окончанія изъ тьмы забвенія.

Гораздо важнѣе былъ слѣдующій трудъ А. И. Соболевскаго: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884). Я

позволю себѣ на этомъ сочиненіи нѣсколько подробнѣе остановиться, отчасти потому, что считаю его главнымъ трудомъ автора и дѣйствительнымъ обогащеніемъ нашихъ свѣдѣній по исторіи русскаго языка, отчасти же и потому, что съ нѣкоторыми выводами я несогласенъ, а такъ какъ они безъ существеннаго измѣненія вошли и въ новѣйшее сочиненіе автора, о которомъ рѣчь впереди, то кстати будетъ подвергнуть ихъ разбору здѣсь по поводу сочиненія, въ которомъ они впервые высказаны. «Очерки» А. И. Соболевскаго задались похвальною цѣлью внести въ хаотическую массу памятниковъ древнерусской письменности, описанныхъ и неописанныхъ, нѣкоторый порядокъ, провести извѣстную сортировку ихъ, и на основаніи этого выдѣлить нѣсколько типовъ. Попытки подобнаго рода были уже раньше его сдѣланы другими. Какъ извѣстно, типъ новгородскій давно уже опредѣленъ П. Лавровскимъ. Указанія на типъ южнорусскій имѣются въ изслѣдованіяхъ Буслаева, Потебни, Житецкаго. Въ особенности же важною я считаю статью Ал. Шахматова, напечатанную въ моемъ «Архивѣ»¹⁾, гдѣ впервые затронуть вопросъ о примѣненіи примѣтъ древнерусскихъ памятниковъ къ опредѣленію древнерусскихъ нарѣчій и объ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ къ этимъ примѣтамъ. На одну не мало важную примѣту, переходъ окончанія *тъ* въ *ти*, здѣсь даже впервые указано какъ на признакъ южнаго происхожденія памятника. И такъ желаніе осмыслить различныя данныя древнерусскихъ рукописей, привязавъ ихъ къ почвѣ русскихъ нарѣчій, замѣтно уже раньше появленія «Очерковъ». Несмотря на все то, сочиненіе профессора Соболевскаго сдѣлало значительный шагъ впередъ, оно расширило рамку наблюденій, внесло новыя примѣты въ характеристику древнерусскихъ памятниковъ, освѣтило историческій фонъ удачнымъ сопоставленіемъ древнерусскаго употребленія буквы *ѣ* съ нѣкоторыми звуковыми особенностями нынѣшняго малорус-

¹⁾ Archiv für slavische Philologie. B. VII «Beiträge zur russischen Grammatik» von Al. Schachmatoff, стр. 57—77.

скаго нарѣчія. Изучивъ около пятнадцати рукописей, отчасти доселѣ мало извѣстныхъ, сопоставивъ ихъ и открывъ въ нихъ много общаго въ пріемахъ правописанія по отношенію къ звукамъ и формамъ, авторъ построилъ на этомъ основаніи типъ «галицко-волинскаго» нарѣчія XII—XIV вѣковъ. Вотъ результатъ добытый имъ въ первой части «Очерковъ». Но я считаю только часть этого результата не подлежащею возраженіямъ. Только тамъ, гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго *i* (изъ протяжнаго *e*), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напр. замѣна начальнаго *ѡ* чрезъ *у* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* чрезъ *жч*, переходъ окончанія *тъ* передъ *и* въ *ти* — въ эакомъ случаѣ нѣтъ повидимому причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежатъ не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія. Придерживаясь начала а *potiori fit denominatio*, можно согласиться съ авторомъ и въ выбранномъ имъ названіи для этого нарѣчія: пусть оно будетъ «галицко-волинское», такъ какъ иныя рукописи этой группы несомнѣнно указываютъ на предѣлы Галиціи и Волыни какъ на мѣсто ихъ происхожденія. Но гдѣ нѣтъ всѣхъ выше приведенныхъ примѣтъ, а есть только одно особенное употребленіе *ѣ* вм. *е* (какъ напр. въ Добриловомъ евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волинской области подлежитъ для меня еще большому сомнѣнію. Не хочу утверждать, что эти памятники сѣверные — отсутствіе въ нихъ главнѣйшей новгородской примѣты, смѣшенія *и* съ *ч*, рядомъ съ одною положительною чертою, отзывающеюся чѣмъ-то южнорусскимъ, не допускаетъ считать ихъ новгородскими — но въ то же время не могу согласиться съ мнѣніемъ, что всѣ эти памятники, и знающіе не только *ѣ* вм. *е*, но также еще *ѡ* вм. *у*, *жч* вм. *жд*, *ти* вм. *тъ*, и не знающіе послѣднихъ замѣнъ, представляютъ одинъ и тотъ же типъ «галицко-волинскій». Мнѣ кажется необходимымъ въ этой постановкѣ сдѣлать маленькую по-

правку. Надо будетъ или замѣнить названіе «галицко-волинскій типъ» болѣе широкимъ терминомъ «южнорусскій типъ», или же изъ «галицко-волинскаго типа» нѣкоторые памятники выдѣлить и постановить для нихъ особую группу. Прошу только сопоставить особенности волинскаго Ефрема Сирина или Вѣнскаго октоиха съ Хутынскимъ служебникомъ или хоть бы съ Добриловымъ евангеліемъ; врядь ли можно допустить, что всѣ эти памятники произведеніе одной школы; трудно также повѣрить, что въ нихъ отразилось вліяніе той же мѣстности, того же народнаго элемента. Конечно правильности нашихъ выводовъ сильно мѣшаетъ важный въ исторіи русскаго языка факторъ — случайность. Надо вѣдъ допустить, что признаки народныхъ нарѣчій въ иныхъ памятникахъ случайно совсѣмъ отсутствуютъ, въ другихъ же ихъ очень мало присушихъ, въ третьихъ довольно много. О каждомъ отдѣльномъ памятникѣ надо бы, такъ сказать, предварительно рѣшить вопросъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ: къ разряду ли памятниковъ строго сохраняющихъ книжное преданіе или же къ памятникамъ по отношенію къ церковному языку невнимательнымъ, уступающимъ много мѣста вліянію живого народнаго нарѣчія. Отъ этого общаго характера памятника существенно зависитъ сила аргументовъ, почерпаемыхъ изъ него. Такъ напр. зная, что Остромирово евангеліе памятникъ новгородскій, хотя въ немъ нѣтъ ни одного случая самой главной примѣты новгородскаго нарѣчія, смѣшенія *и* съ *ч*, я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе тѣхъ, кто хочетъ Мстиславова или Юрьевское евангеліе непременно сдѣлать южнымъ, на основаніи только отсутствія той же примѣты. Оба памятника представляютъ собою тщательное сохраненіе церковнославянскихъ приемовъ правописанія; поэтому не удивительно, что въ нихъ нѣтъ чертъ діалектическихъ, нѣтъ сѣверныхъ, но нѣтъ и южныхъ. Я говорю такъ, насколько можно судить по отрывкамъ этихъ не вполне еще изданныхъ памятниковъ. Другое дѣло такой памятникъ какъ Добрилово евангеліе. Оно очевидно не стѣснялось дѣлать большія уступки живому нарѣчію. И вотъ въ немъ все-таки нѣтъ или почти нѣтъ ни

одного примѣра смѣшенія *в* съ *у*, нѣтъ *жч* вм. *жд*, — двухъ очень выдающихся чертъ «галицко-волинскаго» типа. Какъ это понимать? Можно конечно и здѣсь прибѣгнуть къ прежнему аргументу — случайности, но при такомъ «развязномъ» памятникѣ не совсѣмъ удобно ссылаться на случайность; лучше будетъ, я полагаю, выводить изъ него такое заключеніе, что отсутствіе въ немъ примѣровъ для замѣны *в* черезъ *у* и наоборотъ, или замѣны *жд* черезъ *жч*, свидѣтельствуетъ лишь о особенномъ характерѣ народнаго говора, вліявшаго на этотъ памятникъ; тотъ же не могъ отпечатлѣться на памятникѣ тѣмъ, чего въ немъ не было, т. е. повидимому не было перехода *в* въ *у*, и вѣроятно не было также *жч* вм. *жд*, хотя насчетъ этой послѣдней примѣты я еще нѣсколько колеблюсь, не допустить ли ее все-таки нѣсколько дальше на юговостокъ, т. е. въ область Кіевскую. Кажется, что такихъ памятниковъ въ древнерусской письменности существовало не малое число. Къ нимъ я причисляю Изборникъ Святослава 1073 г. — по крайней мѣрѣ ради перехода *тѣ* въ *ти*; — сборникъ Успенскаго собора — тоже ради *ти* вм. *тѣ*; — сборникъ Вяземскаго, въ которомъ житіе св. Савы, — ради *ѣ* вм. *е*, *ти* изъ *тѣ*; — служебникъ Хутынской, Типографское евангеліе № 7, Прологъ Погодинскій № 60, Ирмолой Погодинскій № 55, и т. д. Куда намъ помѣстить подобные памятники? Въ группу галицко-волинскую по видимому такъ же мало, какъ въ новгородскую. Такъ какъ эти памятники все-таки ближе примыкаютъ къ галицко-волинскимъ, чѣмъ къ новгородскимъ, обнаруживая то *и* вм. *ѣ*, то южнорусское употребленіе *ѣ* вм. *е*, то *ти* вм. *тѣ*, изрѣдка даже *жч* вм. *жд*, то я не прочь видѣть въ нихъ типъ кіевскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ. Такимъ образомъ мы избѣгаемъ фальшивое положеніе, въ которомъ должны очутиться тѣ, кто толкуетъ о нарѣчій Галиціи и Волини и при этомъ молчаніемъ обходитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находящійся Кіевъ.

Профессоръ Соболевскій говоритъ о своихъ пятнадцати рукописяхъ: «ни одна изъ описанныхъ нами выше рукописей не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ». Едва ли это такъ. Нѣтъ, конечно, прямого указанія на Кіевъ, но не о всѣхъ можно утверждать также противоположное, т. е. что онѣ уже непремѣнно некіевскія. Выходитъ такъ, что приблизительно двѣ трети его матеріала или источниковъ несомнѣнно рукописи галицко-волинскія, послѣдняя же треть (Добрилово евангеліе, Типографское евангеліе № 7, Ирмолой В. И. Григоровича, Хутынский служебникъ, Часословъ XIV вѣка), не раздѣляющая всѣхъ особенностей «галицко-волинскаго» типа, по моему представляетъ особенную южнорусскую отрасль, которую я такъ и назову восточной или кіевской, имѣя въ виду естественное отношеніе этихъ рукописей съ одной стороны къ древнѣйшимъ кіевскимъ памятникамъ (Изборнику Святослава 1073 г.), съ другой къ вышеупомянутымъ галицко-волинскимъ. Профессоръ Соболевскій отстаиваетъ свой взглядъ указаніемъ на то обстоятельство, что памятники XII—XV вѣковъ, которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ въ Добриловомъ евангеліи и проч.—систематическаго употребленія *ъ* вм. *е*. Противъ этого аргумента можно возразить вонервыхъ то, что памятниковъ навѣрно писанныхъ въ Кіевѣ мѣстными жителями мы почти не знаемъ. Этого мнѣнія и самъ авторъ, смягчившій въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (на стр. 15) рѣзкость прежнихъ выраженій, относительно кіевскихъ старинъ, въ слѣдующее изреченіе: «доставѣрные памятники кіевскаго говора имѣются только за XI-й и отчасти за XII-й вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора». Мнѣ же кажется, что мы снова откроемъ потерянный слѣдъ кіевской старины, какъ скоро повнимательнѣе всмотримся въ такъ названную «галицко-волинскую» группу и выдѣлимъ изъ нея то, что туда не идетъ. Вовторыхъ же спрашивается, вправѣ ли мы придавать такое исключительное значеніе особенному «системати-

289. 387. 453, трѣткою 463, трѣтникомъ 419; словѣсную 3, камѣнную 51, свѣтрянѣи 83, свѣтрьскыи 75. 195, сѣлана 345, наслѣвникъ 183. 267. 289. 329. 333, защитительъ 511, служительъ 425, свидѣтельствуютъ 491, матѣжь 327. 331, дѣцѣрь 365; нѣмь 11. 47. 49 и т. д., нѣи 27. 67. 85. 119. 151. 229 и т. д., сѣмь 77. 99. 131. 135 и т. д., сѣи 325. 327. 333 и т. д., всѣи 485, чѣмь 89, нашѣмь 5. 101. 251. 277 и т. д., нашѣи 267; часто нѣ); имѣется также жч (изрѣдка): повѣжчену 41, дѣжча 345, одѣжчивъ 409, вездожчьемь 375. 378 (но также дождь 383, дѣждю 465, вездю 345), ижчену 499, ижченути 311, ражчегьса 311; встрѣчается ти (вм. ть): дондеже обавити и бѣ 169, да поустиити и 239, извѣсти и 259, моллхути и 391; а также ы - и: да бы погалы и съ совою 91; попадаетъ характерная форма слова скервь: скервемъ 145. 507, скервацема 45, и несомнѣнно южное каблык 19. 25. Всѣ эти примѣты слишкомъ громко говорятъ, что текстъ писанъ на югѣ Россіи, но смѣшенія в съ ѹ въ немъ мнѣ не встрѣтилось, за исключеніемъ примѣра оупрашаше юго 381 (и въ галицкомъ ев. 1444 года только этотъ примѣръ и есть, сл. Чет. стат. 88). Не указываетъ ли эта отрицательная черта памятника на другую среду его происхожденія, чѣмъ та, которая повліяла напр. на нынѣшній списокъ кievской и вольнской лѣтописи слѣдующими примѣрами: ѹ съ лѣто (возлѣ: к се лѣто), ѹ своа си (возлѣ: въ своа си), не въспѣша вм. не успѣша, владивъ, владившса, возлѣ: ѹладити, и т. д.

Кромѣ «галицко-волинскаго» типа авторъ «Очерковъ» попытался еще уловить черты нарѣчія или говора Псковской области. Онъ подобралъ до десяти памятниковъ, принадлежащихъ этой области. Потомъ недавно сдѣлана* имъ же попытка опредѣлить смоленско-полоцкій говоръ. Какъ бы ни неполными выходили первыя попытки подобнаго рода, мы принимаемъ ихъ съ радостью. Надо вѣдь наконецъ приступить къ дѣлу серьезно. Конечно и кой-кто другой занимался подобными вопросами уже раньше — укажу на свои лекціи, — но всѣ мы охотно уступаемъ автору

339

«Очерковъ» ту заслугу, что онъ смѣло рѣшился поставить эти вопросы въ филологической литературѣ на очередь, не испугавшись незаконченности своихъ наблюденій.

II.

Новѣйшій трудъ профессора А. И. Соболевскаго, представленный имъ на премію, касается тѣхъ же вопросовъ. Онъ озаглавленъ: «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888); его значеніе, въ сравненіи съ предыдущими, не столько чисто научное, сколько дидактическое. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который сообразно съ уровнемъ слушателей попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень спеціальными. Это еще не «исторія», и также не «историческая грамматика» русскаго языка, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древнерусскаго языка. Обѣимъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древнерусскихъ говоровъ. Съ этой очень незамысловатой системою изложенія я вполне согласенъ, такъ какъ и самъ придерживался ея въ своихъ лекціяхъ въ послѣднее время, между тѣмъ какъ прежде, подражая Колосову, я излагалъ предметъ хронологически, но потомъ убѣдился, что удобнѣе такъ, оставаясь въ рамкѣ грамматики. Я долженъ только замѣтить, что у меня общая характеристика русскаго языка нарисована нѣсколько иначе. Мнѣ казалось, да и теперь еще кажется необходимымъ, приступая къ

исторіи русскаго языка, опредѣлить прежде всего, что такое русскій языкъ. А для этого хочется выставить на первый планъ все то, что этому языку даетъ отпечатокъ органическаго цѣлаго и что обособляетъ его по отношенію къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Поэтому тѣ черты русскаго языка, которыя онъ раздѣляетъ съ нѣкоторыми другими славянскими нарѣчіями, напр. потеря носовыхъ гласныхъ, отсутствіе *đ* передъ *л*, *н*, мягкое *л* послѣ губныхъ вм. *j* — по моему не могутъ для него имѣть такое значеніе, какъ то, что ему исключительно свойственно, напр. русское полногласіе или замѣна сочетанія *dj* черезъ *ж*. И у профессора Соболевскаго выступали бы «главныя звуковыя особенности» русскаго языка гораздо рельефнѣе, если бы онъ началъ изложеніе именно съ тѣхъ исключительныхъ чертъ русскаго языка, значить съ полногласія, съ перехода *к* — *к* въ *о* — *е*, *ж* — *ж* въ *я* — *у*, *dj* — *tj* въ *ж* — *ч*, и т. д. Напирать на совокупность отличительныхъ чертъ русскаго языка тѣмъ важнѣе, что дѣйствительно еще до сихъ поръ въ различныхъ сочиненіяхъ высказываются сбивчивыя воззрѣнія на взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій между собою и къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такими приговорами, какъ «эти лица дѣлаютъ крупную ошибку» (стр. 2), ошибочныя мнѣнія не исправляются, въ особенности когда они опираются на авторитетъ лицъ громкой извѣстности въ славянской наукѣ. Надо было показать, что даже наиболѣе удаленные другъ отъ друга говоры или нарѣчія русскія по научной классификаціи представляютъ цѣлый рядъ характерныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ этого языка, въ различіе отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій или языковъ. Авторъ замѣчаетъ справедливо, что «первое полногласіе въ главной части своихъ явленій свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей» (стр. 26), но почему онъ самъ умаляетъ значеніе этой «самой важной» особенности, излагая ее только надъ пятымъ пунктомъ? Нужно ли нарочно прибавить, что при всѣхъ чертахъ единства русскаго языка, выводимыхъ научной классификаціею, все-же

остаётся большой просторъ и для различій, совокупность которыхъ можетъ тому или другому нарѣчію придать особое значеніе. Научное изложеніе такого нарѣчія рядомъ съ другимъ, выдвинутымъ историческою судьбою въ общій литературный языкъ, обусловлено потребностями практическаго свойства. Нѣтъ причины удивляться, еще же менѣе быть недовольнымъ тѣмъ, что въ сравнительной грамматикѣ Миклошича возлѣ русскаго языка рядомъ излагается также малорусское нарѣчіе. Его отношеніе къ русскому языку этимъ не измѣняется, въ сравнительную грамматику оно попало несомнѣнно потому, что на западной окраинѣ русскаго народа та часть малороссовъ, которая живетъ въ предѣлахъ Галиціи, пользуется своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, какъ органомъ мѣстной литературы.

Выразивъ желаніе, чтобы авторъ при новомъ изданіи передѣлалъ эту главу своихъ лекцій, соотвѣтственно выше упомянутымъ замѣчаніямъ, укажу еще на нѣкоторыя объясненія, съ которыми не могу согласиться. На стр. 21 приведены исключенія будто бы изъ правила, по которому церковнославянскому жд (вм. *dj*) соотвѣтствуетъ *жс*: «досаждать, обижать, проклаждать, пригождать, урождать». Согласенъ, что эти формы не церковнославянскія, а народныя русскія; но для объясненія слѣдовало прибавить, что тутъ видна комбинаторная аналогія: изъ существующихъ рядомъ словъ: «обида, обидный, обидѣть» съ одной и «обижать» съ другой стороны народъ образовалъ комбинаторную форму «обиждать», и т. д. Къ формамъ прилагательныхъ на -ущій, -ящій, *и* которыхъ авторъ хотѣлъ бы выводить изъ *stj*, укажу на соотвѣтствующую параллель чешскаго языка, гдѣ имѣются многочисленныя прилагательныя на -*isci* (ср. статью Гебауера въ *Filol. listy* 1887. XIV. 360—372). Чешское окончаніе -*isci* конечно не допускаетъ словопроизводства, предлагаемаго въ «лекціяхъ»; относительно предпочтенія церковнославянскаго *и* передъ русскимъ *и* можно сослаться на сербскія аналогіи, какъ: «лѣтушти нѣмушти», но настоящей причинѣ этого предпочтенія я не умѣю догадаться. Не вѣрится мнѣ также,

чтобы существующія въ русскомъ языкѣ формы «младъ, сладокъ, мразъ» или «время, трѣзвъ» и т. д. происхожденіемъ своимъ обязаны были какимъ либо другимъ факторамъ, помимо вліянія церковнославянскаго языка. Отдѣльные случаи съ *lo*, *po* вм. *olo* — *oro* принадлежатъ западнорусскимъ говорамъ и вѣроятно полонизмы въ родѣ слова «строгъ», но въ формѣ «время» не вижу надобности искать польскаго сочетанія, такъ какъ здѣсь несравненно ближе вліяніе церковной формы. Прилагательное «плохъ» не совпадаетъ этимологически съ «полохъ», «плахъ», а «трѣба», «потрѣба» должно быть церковныя формы. Если слово «упрекъ» не различнаго происхожденія отъ «поперекъ», такъ оно осталось въ церковнославянской формѣ вслѣдствіе ствоего отвлеченнаго значенія.

Къ случаямъ «перваго полногласія» отнесены также русскія формы съ *o*: «лодья, ровный, розъ» и т. д. Едва ли это такъ. Гдѣ нѣтъ формы «олодья», не можетъ быть рѣчи о полногласіи; слово же «ровнь» уже потому не принадлежитъ сюда, что въ зендскомъ языкѣ существуетъ съ краткимъ *a* слово «gavan»: долина, равнина; тамъ же есть и *gavanh*, объясняющее наше «ровесникъ». Гласная *o* менѣе нуждается здѣсь въ объясненіи, чѣмъ *a* формы церковной и южнославянской «равнь». Спрашивается, не на сторонѣ ли послѣднихъ нарѣчій здѣсь отступленіе отъ правильной вокализациі, происшедшее подъ вліяніемъ перехода *og*, *ol* со согласною въ *ga*, *la* со согласною? Въ послѣднее время Миклошичъ не производитъ уже частички «разъ» отъ «рѣзати», а отъ кореннаго «орз-», стало быть и здѣсь «роз-» болѣе оправдано, чѣмъ южнославянское «раз-». Для «роз-» можно бы по аналогіи съ «без-», «из-» довольствоваться корнемъ *er*, существующимъ въ литовскомъ глаголѣ *irti*, дальше *ardyti*, слав. «орити». У Соболевскаго не указана форма «розвъ», встречающаяся въ древнерусскихъ памятникахъ, напр. въ словѣ Ипполита о антихр. 19. 37.

Относительно примѣровъ какъ «молоко», при общеславянскомъ * *melko*, надо было сослаться на известную склонность русскаго языка къ сочетанію *ol* (чл), гдѣ этимологія предполагаетъ

el (ѡл): «молоко» образовалось изъ *melko* такимъ же движеніемъ вокализма, какимъ изъ *vьlkъ* вышло «вълкъ — волкъ». Напрасно Соболевскій говоритъ (на стр. 29), что здѣсь русскій языкъ «сохранилъ» *ѡр, ѡл*; если бы о сохраненіи дѣло шло, то русскій языкъ долженъ бы произносить и писать «вълкъ — велкъ». Такіе случаи, единичные, какъ «долото», не должны служить образцомъ для всѣхъ русскихъ словъ съ *оло*; здѣсь дѣйствительно и чешскій языкъ имѣетъ форму *dláto* и польскій *dlóto*, стало быть уже для общаго славянскаго надо предположить двойную форму *delto* и *dołto* (при суффиксахъ -тъ, -то бываютъ такіе случаи, сл. «мостъ» при «метъ», «тенето» и «тоното», «хуботъ» при «ошнѣ» и т. д.).

Не вижу надобности вносить въ «главныя звуковыя особенности» совокупнаго русскаго языка такъ называемое «второе полногласіе», значеніе котораго въ лекціяхъ сильно преувеличено. Не отрицая втораго полногласія для нынѣшняго русскаго языка, какъ діалектической черты нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говоровъ, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что въ древнерусской письменности всякое удвоеніе слабой гласной при слоговомъ *р* или *л* выражало звуковыя отгѣнки. Если бы въ написаніи Остромирова евангелія «скъръкъ» или «мълъваце» дѣйствительно отражалось произношеніе двухъ слабыхъ гласныхъ одинакаго достоинства, скажемъ двухъ очень краткихъ, нѣскольکو закрытыхъ *о*, то мы ожидали бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ, положимъ въ тѣхъ, которые любятъ этотъ орфографическій приѣмъ, нѣкоторую послѣдовательность, чего уже никакъ нельзя сказать, такъ какъ одно и то же слово въ томъ же памятникѣ пишется и такъ и сякъ¹⁾. Потомъ же, съ конца XII сто-

¹⁾ Я указывалъ въ моихъ лекціяхъ на такіе факты, что въ одномъ и томъ же памятникѣ, при участіи различныхъ писцовъ, господствуютъ различныя приѣмы (для примѣра приведу изборникъ 1073 года, слова Григорія по списку Импер. публ. бібліотеки XI в., Успенскій сборникъ XII в.). Кромѣ того я сравнивалъ памятники того же содержанія и той же мѣстности, гдѣ несмотря на все то видна въ приѣмахъ разница сообразно съ личнымъ расположеніемъ писавшаго. Для примѣра я взялъ mineю 1096 г. и mineю праздничную Импер. публ. библ. XI—XII вѣка. Оба памятника — новгородской области, и все-таки

лѣтїя, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ слабая гласная передъ плавною замѣнялась уже и въ письмѣ (въ устномъ произношенїи несомнѣнно гораздо раньше) гласною о или ѣ, мы ожидали бы въ замѣнѣ прежнихъ формъ «скъръвь», «мълъваще» переходъ обѣихъ слабыхъ гласныхъ въ полныя, т. е. такія формы, какъ «скоробъ», «моловаще». Такихъ формъ нѣтъ, за исключенїемъ нѣкоторыхъ случаевъ, обусловленныхъ по большей части накопленїемъ согласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ, такъ напр. при «черный», «чернецъ» въ косвенныхъ падежахъ вм. «чернца» встрѣчается и «чернеца» и «черенца», при «торжокъ» въ косв. падежахъ возлѣ «торжка», «торжку» также «торожка», «торожку», при «волга» возлѣ «поколжи» также «поволожье». Это «второе» полногласїе въ сущности совпадаетъ съ общою склонностью облегчить слишкомъ сложныя сочетанїя согласныхъ внесенїемъ гласной, какъ напр. «огонь» при «огнь», «огня», «дологъ» при «долга», «остеръ» вм. «остръ» и т. д. Старый языкъ былъ въ этомъ отношенїи подвижнѣе и гибче нынѣшняго: при именит. «розчетъ» въ старину говорилось «по розочтѣ» (моск. грам. 1388. 1389).

Кто съ Соболевскимъ ищетъ слѣда второго полногласїя въ мягкомъ произношенїи слова «верхъ» какъ «верхъ», долженъ будетъ допустить, что и въ польскомъ языкѣ существовало когда-то полногласїе, потому что и тутъ до сихъ поръ произносится *wierzch*, такихъ же словъ прежде было еще больше.

Не могу похвалить автора «лекцій» за то упорство, съ какимъ онъ все-еще продолжаетъ отрицать знаменательность одной черты русскаго языка, допускаемую всѣми; я говорю о началь-

первый изъ нихъ пишетъ стѣльпъ, кърминае, кърминанкоу, тържство, немълачно, второй же: стѣлпъ, кърминае, кърминанкоу, тържство, немълачно; первый пишетъ: държитъ, штвркгъша, мъртвци, оумърщенты, стѣврѣзмъ, пьрваго, второй же: държимъ, стѣврѣгъша, мъртви, оумърщенты, стѣврѣзмъ, пьрваго и т. д. Наконецъ я обращалъ вниманїе на палеографическїй прїемъ древнихъ памятниконъ, по которому прерывая слово и перенося часть его въ слѣдующую строку, любили въ концѣ предыдущей строки послѣ согласной ставить еще ѣ или ѥ. Многіе примѣры такъ называемаго второго полногласїя обязаны своимъ существованїемъ именно этой случайности.

номъ о въ иныхъ словахъ русскаго языка, взамѣнъ общеславянскаго ю. Не буду повторять того, что сказано мною уже давно въ «Архивѣ», гдѣ нарочно приведено нѣсколько примѣровъ съ начальнымъ о изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: но что изъ этого слѣдуетъ? теряетъ ли отъ этого весь вопросъ значеніе для характеристики русскаго языка? Ни чуть не бывало. Если бы не было другихъ примѣровъ, а только слѣдующіе три: «одинъ», «озеро», «олень» при общеславянскихъ «единъ», «езеро», «елень» (е пусть обозначаетъ извѣстную долю мягкости, не доходившей еще до ю) — я думаю, и этого сопоставленія было бы достаточно для доказательства, что тутъ русскій языкъ расходится со всѣми остальными славянскими нарѣчіями, а больше намъ и не нужно. Параллели, приводимыя авторомъ теперь уже второй разъ изъ нѣкоторыхъ говоровъ греческаго языка, полезны, пожалуй, и могутъ пригодиться для освященія фактовъ русскаго языка, но ими нисколько не устраняется значеніе самого факта для русскаго языка. Не греческій же языкъ повліялъ на образованіе русскихъ формъ «одинъ», «озеро», «олень»! Что же касается личныхъ именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, то не надо забывать, что въ южнославянскихъ памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о в м. е (есть же и наоборотъ съ ю в м. о), тогда какъ въ русскомъ языкѣ, въ особенности народномъ, такихъ словъ довольно много, причемъ замѣчательно вотъ что: судя по письменнымъ памятникамъ, «народныя» формы съ о попадаютъ не сразу, а мало по малу; потребовалось не мало времени, пока произошла передѣлка этихъ словъ на народный ладъ. Не отрицаю, что инныя формы греческихъ словъ у южныхъ славянъ сложились подъ вліяніемъ простонароднаго греческаго произношенія, но такихъ словъ вообще могло быть очень мало; для нашего же случая какъ разъ различіе между южнославянскимъ и русскимъ произношеніемъ тѣхъ же словъ доказываетъ, что русское начальное о в м. е (ю) обязано своимъ существованіемъ не грекамъ и не южнымъ славянамъ, а самому себѣ. Если

бы произношеніе подходящихъ сюда словъ съ начальнымъ *o* вм. *e*, заимствовано было отъ грековъ южными славянами, или хоть бы самими русскими, но сообразно съ произношеніемъ тѣхъ, оно непременно должно бы развернуться съ полной силой уже на страницахъ древнѣйшихъ памятниковъ.

Ни малѣйшей убѣдительности не нахожу въ аргументаціи профессора Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, въ то время, когда были заимствованы слова «варангъ», «клябугъ», «судъ», «оугринъ» (на стр. 20). Въ формахъ съ *л* и *оу* я вижу только доказательство, что русскій языкъ вслѣдствіе своей чуткости, свойственной каждому языку въ раннія эпохи его, не могъ вынести сочетаній *ing*, *ung*, *und*, а замѣнилъ ихъ по своему — и больше ничего.

Очень коротенькою и мало содержательною вышла слѣдующая глава «о главныхъ звуковыхъ особенностяхъ древнерусскихъ говоровъ» (33 — 37). Читая эти нѣсколько страницъ, чувствуешь какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области. Заботливость автора объ исторіи русскихъ нарѣчій заслуживаетъ полнаго признанія, только напрасно онъ ломаетъ себѣ голову даже о говорѣ «тмутороканской земли» (стр. 15)! Я не беру серьезно также попытку его упрочить слабые проблески прочихъ древнерусскихъ говоровъ за кой-какими племенами древней Руси, перечисляемыми въ первоначальной лѣтописи. Это сопоставленіе только своего рода игра въ Кривичи, Дреговичи, и т. д.

Примѣтъ діалектическаго значенія и безъ того очень мало, а указанія на попадающеея иногда смѣшеніе *o* съ *y* я все-таки не встрѣтилъ, какъ будто бы оно въ самомъ дѣлѣ ничего не доказывало! По отношенію къ говору «Полянъ» авторъ и здѣсь крайне молчаливъ, несговорчивъ. «Можно думать, говорить онъ, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* черезъ *и*». Вотъ и все. Мнѣ же сдается, что какъ разъ замѣны *ѣ* черезъ *и* въ древнѣйшее время Кіевская земля еще не знала. Въ житіи св. Савы, о которомъ была рѣчь выше, гдѣ есть и «южно-

русское» ѣ и жч и ти (вм. ть), замѣны ѣ черезъ и еще нѣтъ, зато есть случаи, гдѣ ѣ передается черезъ ѣ. Не придаю большого значенія формамъ, какъ «делеса» 47. 169, «делесъ» 101, «делесъ» 27. 79. 99. 183, или «телеснѣна» 133. 145. «телеснѣмъ» 137—это могли быть не народныя формы, а церковнославянскія—но тутъ же мы читаемъ «старенишимъ» 43, «севера» 119, 431, «наместѣхъ» 365, «изѣденъ» (вм. изѣденъ) 169, «въскоре» 431, «вѣде» (сѣдѣ) 383, 439, «сповѣде» 469. Какъ хотите, примѣры эти не говорятъ въ пользу ѣ=и. Взамѣнъ этой черты, довольно сомнительной, лучше указать на переходъ «тъ-и» въ «ти-и», о которомъ самъ авторъ теперь уже допускаетъ, что эта «ассимиляція» существовала преимущественно въ кievскомъ говорѣ».

Я сказалъ уже, что при опредѣленіи діалектическихъ различій инныя формы словъ выступаютъ какъ отличительныя черты. Въ начинающей только что развиваться исторической діалектологіи не слѣдуетъ пренебрегать и такими мелочами. Я постоянно указывалъ въ своихъ лекціяхъ на форму слова «скръкъ», она нашла широкое распространеніе, если не исключительно, такъ по крайней мѣрѣ преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ¹⁾. Я обращалъ вниманіе также на форму слова «сесѣць», попадающую тоже преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ (сл. напр. въ погодинскомъ прологѣ № 60: сесѣць имъ мечемъ

¹⁾ Пока еще не выходило наружу ѣ, писалось ѣ въ этомъ словѣ: «скръкъныхъ» 1073. 100 а. «скръкинъ», «скръки» въ типогр. минеѣ № 195 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 066. 080), «скръки» въ типогр. минеѣ № 203 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 358), «не скръки», «о скръкъхъ» усп. сб. XII в. (въ библ. листахъ А. Попова I. 16. 17); скръкитъ, скръки патер. син. XI—XII в. у Срезн. малоиз. пам. № 82. Сличн примѣры съ ѣр изъ Добрилова евангелія у Соболевскаго, Очерки 4, изъ типогр. ев. 7, тамъ же 9 (съ ѣр), изъ типогр. ев. 6, тамъ же (съ ѣр), изъ вѣнскаго октоиха «скръки» 26 б. 83 б., «скръкацихъ» 42; изъ гал. ев. 1266—1300 у Соболевскаго 23, Срезн. малоизв. пам. № 69; изъ Ефрема Сирина волынскаго у Соболевскаго 56, изъ Поликарп. ев. тамъ же 37; изъ пролога Погодинскаго № 60 (южнаго происхожденія) «скръки» 4 б; изъ Троицк. сборника XIV в. у Тихонравова пам. отреч. лит. I. 22 23 «скръкно», «скръки».

оурѣзана). Недавно я наткнулся на случай подобнаго рода въ житіи св. Савы: «никакоже врѣженъ вешью» (*μηδὲν βλαβεῖς τὸ σύνολον*), гдѣ «вешью» стоитъ вм. «вошью»; впрочемъ это слово пишется съ *ь* также въ новгородскомъ памятникѣ, сл. въ Р. достопам. II. 197: *вхъма*. Давно уже указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнорусскимъ памятникамъ. За этими и другими подобнаго рода формами (припомнимъ выше приведенное «авлыкѣ» и примѣры у Соболевскаго на страницѣ 52: «дрыва» и т. д.), знаменательными для происхожденія памятниковъ, надо зорко слѣдить; инья изъ нихъ потомъ вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и съ того времени конечно перестали имѣть значеніе діалектическихъ примѣтъ. Такъ напр. свѣдительство сдѣлалось потомъ очень распространеннымъ словомъ; точно такъ «сесь» первоначально выступаетъ только въ южныхъ и югозападныхъ памятникахъ, но потомъ встрѣчается также въ московскихъ грамотахъ.

Перехожу къ главѣ пятой, тоже очень небольшой. Она толкуетъ о звукахъ древнерусскаго языка вообще, т. е. о физиологическихъ свойствахъ гласныхъ и согласныхъ. Если уже говорить объ этихъ свойствахъ отдѣльно, то было бы полезно разработать эту главу подробнѣе. Напр. для опредѣленія звукового значенія буквы *ѣ* кстати было бы воспользоваться многочисленными описками въ древнерусскихъ текстахъ, смѣшивающими то *о* съ *ѣ*, то *ѣ* съ *о*. Очень часто выходитъ такъ, что писецъ написалъ было *о*, но спохватившись тотчасъ же передѣлалъ *о* въ *ѣ*. Иногда же, наоборотъ, осталось *ѣ* для этимологическаго *о*, сл. напр. «*къньць*» мнн. 1096 г. 39 а., «*ръгъ спсѣннѣ*» пс. XI в. Срезн. № 42. Вполнѣ соглашаюсь, даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ сказано на стр. 45, настаиваю и я на томъ, что *ѣ* уже въ XI столѣтіи не было вездѣ выраженіемъ звука, а иногда только знакомъ; но если такъ, то желательно было бы поближе коснуться вопроса, гдѣ *ѣ-ь* уже въ первое время исторической, намъ доступной, жизни русскаго языка представляли только знаки, твердый

и мягкій. Переносить приемы новаго языка на языкъ XIII—XIV, или даже XI—XII вѣка, было бы нѣсколько поспѣшно. Примѣры, какъ въ изб. 1073 «золотоу», или въ жит. Феодосія «золотѣи», или въ грамотѣ Мстислава 1130 г. «изоостанеть», въ словахъ Григ. бог. «изо овожъ» 154 Ѳ, или въ житіи св. Савы «везо оуспѣха» 507, или «отонимуть», «подоиметь» въ моск. грамотахъ 1327. 1362. 1388 годовъ и т. д., свидѣтельствуютъ о бывшей тогда еще бѣльшей чуткости языка по отношенію къ слабымъ гласнымъ, чѣмъ нынѣ.

Я вполне согласенъ и давно уже самъ излагалъ, что древнерусское *ѣ* не было нынѣшнее малорусское или южнославянское твердое *e*, а скорѣе великорусское мягкое *e* (приблизительно); иныя слова, судя по древнѣйшимъ памятникамъ, встарину произносились еще съ чистымъ *ѣ*, какъ «ѣда», «ѣдѣва», «ѣзеро», «ѣи», «ѣтеръ», на это указалъ уже Козловскій въ Изслѣдованіяхъ о языкѣ Остр. евангелія 18; но тамъ же упомянуто, что въ Остр. евангеліи чаще пишется «ѣре» чѣмъ «ѣре», стало быть про это слово нельзя съ положительностью утверждать, что оно тогда произносилось «ѣре». Жаль, что Соболевскій не воспользовался замѣчаніемъ того же Козловскаго (тамъ же на стр. 29), по которому «во всемъ Остромировомъ евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано *к послѣ р*». Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ. Такъ въ Евгеніевской псалтыри пишутъ *лѣ*, *нѣ*, но только «море», «сѣмиреньна», «сѣмѣренъныхъ»; въ Чудовской псалтыри употребляется знакъ смягченія для сочетанія *лѣ*, *нѣ*, но слогъ *ре* пишется безъ знака; въ Путятиной минеѣ при правильномъ *лѣ*, *нѣ* (напр. «банѣжъ» 14, «сѣгнѣтенъ» 12, «селѣннѣ» 15 и т. д.) пишется «море», «заре», «воурежъ» и т. д. Я полагаю, что между «воурѣ» и «воурею» или «зарѣти» и «зарейю» существовало приблизительно такое же отношеніе, какъ между «отѣцю», «сѣрдѣцю» и «отѣца», «сѣрдѣца», т. е. іотація или мягкость слышалась въ различныхъ сочетаніяхъ въ различной степени. Сличи нынѣшнее малорусское *мо рѣ* — моря.

Гдѣ о **ѣ** рѣчь идетъ, я считалъ бы не лишнимъ напомнить, что эта буква подчасъ, передавала по южнославянскому книжному преданію звукъ *и*. Въ Остромировомъ евангеліи читаемъ «слав-лѣаше», «срамлѣж сѧ» или «въшкнѣаго», «послѣднѣя» и т. д., гдѣ **лѣ**, **нѣ** передаютъ сочетаніе *ля*, *ня*. Эту мелочь надо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки такихъ формъ, какъ въ Остром. евангеліи «покажѣте сѧ» (сличи тамъ же «сѣважатѣ»), или «ищѣте» рядомъ съ «ищате» (Козловскій, Изслѣд. 84).

Предполагая, что когда-то существовала разница между единственнымъ числомъ *иже* и множественнымъ числомъ *иже*, приблизительно такая же, какъ между *и* въ «имж» и «възнимаж» — только первое и выходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ наружу какъ **ь**: «въ-нѣ», «въз-ьмж» — я думаю, что «богатыи» (*ὁ πλούσιος*) никогда не произносилось «богатыи», какъ это поясняетъ г. Соболевскій (на стр. 45); по моему только въ множ. числѣ «богати» (*οἱ πλούσιοι*) можно бы пояснить черезъ «богати», а въ «богатыи» конечное *и* уже издавна было *ѣ*, чѣмъ и объясняется окончаніе **ѣи** или **ои**. Сочетаніе **ѣ + и** переходило въ **ѣи** (*уі*, не *уіі*), и внутри слова въ **ѣ** (ср. «въ истовѣиуѣ» ἐν τοῖς χαρίσις Григ. богосл. 29 γ, «въ иконѣ» мин. 1096. 35^б или «възыграимѣ» мин. 1097. 79^а); сочетаніе же **ѣ + ѣ** оставалось **ѣѣ** или переходило въ **ои**. Я не вижу теперь больше достаточной причины считать окончаніе **ои** въ прилагательномъ именительнаго падежа заимствованіемъ изъ церковнославянскаго (стр. 159). Изрѣдка такія формы попадаются уже въ памятникахъ XI вѣка: «день соудной» Евг. псалт. 160^а, «да не хвалить сѧ силнои» ів 164^а, «възьметъ сѧ нечѣстивои» 164^б; «тѣлообразнои видѣ» мин. 1096. 36^а и т. д.

III.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ излагается «исторія» звуковъ: гласныхъ на стр. 45—80, согласныхъ на стр. 81—104. Эта часть лекцій должна бы объемомъ и содержательностью превышать всѣ остальные, въ ней мы желали бы видѣть центръ тяжести всего изслѣдованія. Признаюсь откровенно, обѣ главы не произвели на меня такого впечатлѣнія. Это скорѣе сухое извлечение, безъ системы, изъ несуществующаго пока еще цѣлаго, чѣмъ плавное изложеніе. Здѣсь какъ-то особенно замѣтна спѣшность труда. Прочтя эти двѣ главы, въ которыхъ должна быть изложена многовѣковая судьба русскихъ звуковъ, то продолжающихъ свое существованіе до сихъ поръ, то смѣнявшихся въ теченіе столѣтій, по неволѣ спрашиваешь, дѣйствительно ли здѣсь изложена «исторія звуковъ русскаго языка»? не заключается ли въ ней ничего болѣе важнаго, чѣмъ то, что содержатъ эти двѣ главы? Или же все это можетъ быть и важно, но рассказано какъ-то не важно, не увлекательно!

Авторъ отчасти самъ ослабилъ эффектъ своего изложенія не совсѣмъ удачнымъ распредѣленіемъ матеріала и вопросовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію. Такъ онъ началъ (на стр. 45) исторію гласныхъ съ «исчезновенія глухихъ», а черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 51) рѣчь идетъ о «переходѣ глухихъ въ чистыя». Но не идутъ ли «исчезновеніе» и возобновеніе глухихъ, или лучше, слабыхъ гласныхъ по большей части рука объ руку, такъ что между обоими явленіями существуетъ взаимодѣйствіе? Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что разница между ѣ въ «сънѣ» и между ѣ въ «съна» становилась тѣмъ болѣе замѣтною, чѣмъ болѣе улечивалась слоговая дѣятельность второго ѣ въ «сънѣ». Итакъ — исчезновеніе и возобновеніе слабыхъ гласныхъ, это только различные фазисы одного и того же событія, важнаго въ исторіи славян-

скихъ нарѣчій настолько, что стоитъ остановиться на подробномъ разборѣ причинъ его. У профессора Соболевскаго говорится только, «что во второй половинѣ XI вѣка какъ въ многихъ случаяхъ глухіе, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конечное и исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ». Но почему перестали слышаться, что могло вызвать это прекращеніе жизни одного звука въ словѣ, объ этомъ не говорится прямо, только косвеннымъ образомъ мы узнаемъ, что тутъ причастно было — удареніе. Но играло ли оно главную роль или только мимоходомъ вліяло — этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Несказано также ничего о томъ, насколько былъ уже самими «глухими» подготовляемъ этотъ послѣдній шагъ языка — исчезновеніе ихъ? не затронуть вопросъ о томъ, было ли звуковое и слоговое значеніе «глухихъ» во всѣхъ положеніяхъ слова одинаково? Повидимому нѣтъ, въ этомъ я вполне убѣжденъ. Я уже намекнулъ, что полное равенство обѣихъ гласныхъ въ словѣ «сънь» заходитъ далеко за предѣлы историческаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Не для всѣхъ былъ ѣ или ѥ одинъ и тотъ же звукъ уже тогда, когда создавалась церковно-славянская письменность. Если бы основателямъ древне-славянской письменности пришлось прислушиваться къ древнѣйшему произношенію слова «сънь» у предковъ нынѣшнихъ русскихъ славянъ, въ теченіе IX — X вѣка, я убѣжденъ, они не остановились бы на правописаніи «сънь», а придумали бы разницу между первымъ и вторымъ ѣ. Авторъ полагаетъ (стр. 51), «что переходъ ѣ и ѥ въ о, е произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ ѣ и и»; я согласенъ съ этимъ относительно стоявшихъ въ концѣ словъ неслоговыхъ ѣ, ѥ, исчезнувшихъ въ смыслѣ слоговой службы дѣйствительно уже издавна; но несомнѣнно также то, что слоговое ѣ уже въ XI столѣтіи очень значительно различалось отъ обыкновеннаго о, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей, гдѣ писцамъ постоянно приходилось передѣлывать о въ ѣ, чтобы попасть въ тонъ и въ правописаніе церковнославянскаго, литературнаго

языка. Внятнѣе произносились, должно быть, звуковая окраска гласной *ь*, ее легче было различать отъ чистаго *е* и отъ чистаго *и*. Это былъ звукъ средній между *е* и *и*. Поэтому попадаются сплошь да рядомъ замѣны *ь* то черезъ *е*, то черезъ *и*. Напр. «въ дене» Евг. псалт., «алефесока», «келесна», «несоуменьнымъ разоумьльмъ» 1096, «срдценѣи очн», «питателеницу», «къ съпасенѣи стьзи» мин. праздн. XII в. 30. 45, «весемоу» жит. Бор. Гл. XII в., «кожедо» жит. св. Савы 375, «повѣдоносещи» ib. 521, «вниси» Остр. ев., «птицами», «различинкъ» изб. 1073. 20 — 21, 94 d, «ноцинжжъ» Григ. бог. За, «нечистикмъ» ж. Б. и Гл., «овицимъ» жит. св. Савы 479. Близость гласныхъ *ь* и *е* засвидѣтельствована также противоположною замѣною: зват. пад. «родительницъ» (вм. — це), «кольсница» мин. 1096. 46. 25 б, «проповѣдателькъ», «родитлькъ» мин. праздн. 11 а. 18 а и т. д.

Множествомъ примѣровъ легко доказать, что въ древнерусскомъ языкѣ слабая гласная *ь* не всегда тамъ исчезала и тамъ переходила въ *е*, гдѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, въ особенности литературномъ. Гибкость языка распространилась встарину дальше чѣмъ нынѣ. Авторъ коснулся этого вопроса лишь слегка (на стр. 47), и не совсѣмъ точно. Нельзя, я думаю, утверждать, что формы «жерца» и «жреца» шли рядомъ; рядомъ шли долгое время чуть ли не исключительно «жрець» и «жерца» и т. д., форма же «жреца» — явленіе позднѣйшее, вызванное вліяніемъ установившагося уже прочно именительнаго падежа «жрець». Слово напр. «чтець» въ старину (скажемъ въ XIII столѣтіи) въ косвенныхъ падежахъ переходило въ «четца» (Истор. библ. VI. 105); слово «игрець» въ косвенныхъ падежахъ склонялось «игръца», еще не полное «игреца» (ibid. 104. 107). Нынѣшнія формы названій городовъ «Смоленскъ», «Полоцкъ» — это послѣдніе выводы изъ косвенныхъ падежей «Смоленска», «Полотьска» вм. болѣе древнихъ именительныхъ «Смолнескъ» пск. лѣт. II. 17, «Полтескъ» ипат. лѣт. 412, пск. лѣт. II. 2. 8 (сл. ипат. 412 «Полотьска» и т. д.). Разница между стариннымъ и современнымъ языкомъ видна иногда и внутри слова, такъ вм. нынѣшняго

«менѣе» въ старину писалось также «мне»: «не мне» Ист. библ. VI. 92; возлѣ «день», косв. пад. «дни» и т. д. существовала также форма «деню»: «тою деню» Истор. библ. 17. 44. Тогда еще писалось и говорилось «лжаю» рядомъ съ «легчаю» ib. 58. 62, говорилось «конь не потокнеться» Павс. сб. Срезн. 274, говорилось «тъкомо» (возлѣ «токмо») златоостр. 150 а, и т. д.

Рядомъ съ исчезновеніемъ глухихъ авторъ вычисляетъ «слѣдствія» этого факта. Первымъ «слѣдствіемъ» онъ считаетъ «возникновеніе новыхъ глухихъ» (стр. 48). Такъ, безъ оговорки, это изреченіе поражаетъ. Для того ли глухія исчезли, чтобы замѣнить ихъ появились опять новыя глухія?! У первоначальныхъ глухихъ было этимологическое значеніе, это были когда-то полныя гласныя, сдѣлавшіяся «глухими» только послѣ продолжительнаго постепеннаго ослабѣванія, обусловленнаго положеніемъ этихъ гласныхъ, чаще всего въ концѣ слова, но иногда и внутри, въ неударяемыхъ, безъ полной гласной легко произносимыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. Новыя глухія, какъ разъ наоборотъ, понадобились именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе исчезнувшей этимологической гласной, принявшей наконецъ видъ очень незначительной глухой, образовалось накопленіе согласныхъ, неудобно произносимое. Чтобы извести эти накопленія, явились новыя, вспомогательныя гласныя, не имѣющія уже никакого отношенія къ первоначальнымъ глухимъ. О нихъ было бы лучше говорить отдѣльно, это такъ называемыя «сварабактическія» гласныя, въ родѣ «манотья» новгор. требн. XIV в. 54 (изд. Общ. Л. Д. П.) или «харотья», «харотьяхъ» панд. ник. черног. XIII в. Понятіе удобопроизносимости — конечно очень перемѣнчиво, смотря по мѣсту и времени; поэтому существовали также двойныя формы. При обыкновенномъ «семь» (septem), существовавшемъ уже въ XI вѣкѣ, имѣется также «седьмь» слова Ипполита 52. 53. 54.

Вторымъ «слѣдствіемъ» исчезновенія глухихъ приводится «удлиненіе о и е» (стр. 48—9). И противъ этого положенія можно бы очень много возражать, напр. спросить бы, почему это дѣйствіе не распространяется на остальные гласныя, а только на

о и е? почему даже на о и е не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ? Какъ бы то ни было, исчезновеніе глухихъ находится съ удлиненіемъ о и е только въ очень отдаленномъ сношеніи.

Менѣ всего понятнымъ для меня становится третье слѣдствіе исчезновенія глухихъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ лекціяхъ профессора Соболевскаго (стр. 50): образовались-де «плавныя гласныя»! Это для меня, а вѣроятно и для многихъ другихъ, нѣчто совсѣмъ новое и неслыханное. Къ счастью или къ сожалѣнію, какъ хотите, изумленіе прекращается, какъ скоро, читая дальше, наталкиваемся на слѣдующее изреченіе: «во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составляя слуга и произносился какъ польскій *g* въ *kgwi*». Ну такъ и есть, авторъ, значить, только подшутилъ надъ нашею любознательностью, слогового *p* въ древнерусскомъ языкѣ не было.

Съ исчезновеніемъ глухихъ на ряду ставится еще исчезновеніе «чистаго и въ концѣ и иногда въ срединѣ словъ» (стр. 45). Едва ли это сопоставленіе справедливо, меня оно нисколько не удовлетворяетъ. Прежде всего нѣтъ основанія говорить, что въ произношеніи напр. дательнаго падежа «моей» (два слога) вм. бывшаго когда-то «мои» (три слога) исчезло и. Тутъ нѣтъ исчезновенія, и только сгустилось или осѣло въ *й* (і въ *ĭ*, *j*) — явленіе напоминающее не исчезновеніе, а только сокращеніе неударяемаго и въ концѣ слова послѣ согласныхъ въ *ь* («дати: дать», «буди—будь»). Трудно сказать, съ какого времени произошло это сокращеніе, потому что въ письмѣ оно не отразилось. Ссылка на примѣры, какъ «мо» вм. «мой», «скою» вм. «скоюй» неубѣдительна, это безъ сомнѣнія простыя описки ¹⁾. Скорѣе можно указать на

¹⁾ Авторъ вообще не рѣдко прибѣгаетъ къ несомнѣннымъ опискамаъ, придавая имъ не случайное значеніе. Какъ можно напр. единственному примѣру «гратанъ» (вм. гратанъ, стр. 32) придать значеніе чего-то загадочнаго, трудно объяснимаго, гдѣ описка очевидна? На вышеприведенный примѣръ похожа въ житіи св. Савы слѣдующая описка: «каше державкѣ» 333, или въ актахъ юрид. стр. 110: въ нижю (вм. нижней) Кехтк.

случаи смѣшенія и съ *е* въ концѣ слова, какъ на доказательство, что произношеніе гласной колебалось между краткимъ и и *е*, слышалось не то и, не то *е*, т. е. именно й: «трѣхъ дворцѣ» вм. «трѣй дворцѣ», дательный падежъ «моужьскою дчери», «чюжею женѣ», мѣстный падежъ «въ чюноу земли», именительный падежъ «попъ новгородскоу» — примѣры изъ грамоты 1263 года, изданной Куникомъ-Напіерскимъ, № 5.

Переходу *е* въ *о* (такъ ли, не лучше ли *е* въ *ѣ*?) посвящено нѣсколько страницъ, но изложеніе страдаетъ на мой взглядъ сбивчивостью. Оно начинается съ перечня, конечно не полного, но все-таки значительнаго числа случаевъ этого перехода, почерпнутыхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ, причемъ не различаются явленія, общія всей старинѣ, съ извѣстнаго времени, отъ чертъ діалектическихъ; потомъ оно переходитъ къ современному языку, гдѣ опять нѣтъ строгаго различія между общимъ и діалектическимъ; наконецъ оно снова поворачиваетъ въ старину, къ исторіи языка. Не лучше было бы начать съ не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ нынѣшняго языка, по всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ его; потомъ же, перейдя съ общезвѣстнаго современнаго къ мало извѣстному прошлому, поставить такіе вопросы: 1^о какіе факты нынѣшняго языка находятъ себѣ подтвержденія въ старомъ языкѣ и съ какого времени? 2^о не попадаютъ ли въ памятникахъ древней письменности и такіе случаи перехода *е* въ *о* (*е* въ *ѣ*), которымъ въ современномъ языкѣ нѣтъ подтвержденія, по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ въ той же области? какіе это случаи и какъ объяснить ихъ?

Отправляясь такимъ путемъ къ наблюденію, мы замѣчаемъ, что извѣстная черта нынѣшняго южнорусскаго нарѣчія, наклонность его къ слогамъ *чо*, *жо*, *шо* внутри словъ, при общерусскомъ *че*, *же*, *ше* (напр. «чоло, жона, пионо»), черта которую съ нимъ раздѣляютъ также бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія (только что въ послѣднихъ неударяемое *о* слышится какъ *а*, и переходъ не ограничивается сочетаніями *ча*, *жа*, *ша*), въ древнерусскихъ памятникахъ раньше четырнадцатаго столѣтія

не появляется въ коренныхъ слогахъ, — примѣръ изъ изборника 1073 года, 179 d «чоловѣка» безспорно описка — но зато въ окончаніяхъ падежей, иногда даже лицъ, примѣры сочетаній *жо, цю, цю*, уже съ конца XII столѣтія не рѣдкость, и они не ограничиваются какою либо одною мѣстностью или областью языка, а встрѣчаются повсюду, какъ въ памятникахъ южно- и западно-русскихъ, такъ и сѣверныхъ (хотя въ послѣднихъ примѣровъ все-таки, кажется, меньше). Самые ранніе примѣры у Соболевскаго отмѣчены изъ слова Ипполита объ антихристѣ, памятника несомнѣнно не новгородскаго (выразительныхъ признаковъ южно-русскаго происхожденія въ немъ тоже нѣтъ); я нашелъ тамъ же только слѣдующіе: «влагонъ 99, раздѣлившомъ 40, държачомъ 104 и князомъ 24». Въ тѣхъ же размѣрахъ существуетъ этотъ переходъ въ замѣчательномъ житіи св. Савы: дат. мн. ч. «вѣлѣзоуцномъ» 275, «смоуцаюцномъ» 327 и «оуражонъ» 501. Ни одного примѣра въ родѣ «чоло», «жона» здѣсь еще нѣтъ. По памятникамъ они впервые являются въ той области, которую заселяетъ бѣлорусское племя, въ грамотахъ Смоленска. Такъ называемая «Смоленская правда» — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ — сохранилась въ многихъ одновременныхъ спискахъ, которые сводятся къ двумъ редакціямъ: къ первой редакціи принадлежатъ списки *A, B, C* (по означенію Куника), ко второй *D, E, F*; — во главѣ первой кладутъ обыкновенно списокъ *A*, во главѣ же второй списокъ *D*. Оба они пергаменные, приблизительно около 1229 — 1230 года написанные. Замѣчательно, что въ спискахъ первой редакціи нѣтъ примѣровъ для интересующаго насъ перехода, но зато въ списокѣ *D* мы встрѣчаемъ не только такіе случаи: «оутвържонъ, должонъ, неразроушонъ, соужона, стареншомоу, коупцомъ, немцомъ» (5 разъ), не только въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ: «тажо, ожо, ѳжо», но также въ коренномъ слогѣ внутри слова: «съ жоною, оу своеѳ жонъ». Кто не видитъ въ этихъ примѣрахъ первообразъ нынѣшняго бѣлорусскаго произношенія: *жанá, жанóю, жанý, и параллели къ*

нынѣшнему «выша-нижа» (вм. выше-ниже)?—Въ спискахъ *E, F* той же редакціи примѣровъ съ *o* опять нѣтъ. Это свидѣтельствуеть только о хрупкости источниковъ для исторіи русскаго языка. Прочія грамоты той же области (Смоленскъ—Витебскъ—Полоцкъ) изъ болѣе поздняго времени (конца XIII, первой половины XIV столѣтія) подтверждаютъ эти данныя множествомъ дальнѣйшихъ примѣровъ: Смоленскъ-Рига 1287—1297 (Русск. лив. акты № 35) «чоловѣка». См. Р. 1284 (ib. № 37) «немьцомъ», Витебскъ-Рига ок. 1300 (ib. № 49): княжо (28 разъ!), жо (4 раза), ажо (3 раза), шолъ, пошолъ, пришолъ, пришодъ, емшо, хочомъ, отъ отчовъ (вм. «оу чомъ» у Куника напечатано «оу томъ»); Полоцкъ-Рига 1396 (у Смирнова № 73): чоловѣтъе, нашого, нашом.

Всѣ эти примѣры, вмѣстѣ съ указанными у Соболевскаго (на стр. 52—52), свидѣтельствуютъ о томъ, что такіе переходы допускались только послѣ небныхъ (шипящихъ и свистящихъ) согласныхъ. Какъ же понимать то обстоятельство, что нѣтъ *o* при другихъ согласныхъ? Можно бы, пожалуй, думать, что подобные переходы послѣ другихъ согласныхъ слишкомъ далеко отступали бы отъ преданія церковнославянскаго языка и что уже произносили «пѣро», но еще писали «перо». Мнѣ кажется однакожъ, что аргументація подобнаго рода не внушала бы довѣрія. Правдоподобнѣе во всякомъ случаѣ допустить, что въ то время народное произношеніе любило переходъ въ *o* пока еще только при небныхъ согласныхъ. Это тѣмъ менѣе удивительно, когда знаемъ, что малорусское нарѣчіе въ сущности и до сихъ поръ ограничивается этимъ случаемъ перехода е въ *o*. Въ немъ произносятся съ удареніемъ и безъ ударенія: чолó, чоловѣкъ, чотѣрі, вчорá-учорá, бичовá, мáчоха, жонá, жолúдокъ, бджолá-бчолá, пшонó, шолудѣвий, щокá и т. д., но въ то же время съ чистымъ *e*: ледъ, рѣбра, дѣшево, тѣпий, тѣсанний, одѣжа, зелѣний, далѣко, несé, ведѣшь, печѣнный; овесь, козѣлъ, песь, верѣвка, легкѣй, стѣжка, тѣща и т. д.

Нельзя съ положительностью отвѣчать, были ли сочетанія

выше приведенныхъ примѣровъ XIII вѣка *чо, жо, шо, цо* еще мягкими или уже твердыми по нынѣшнему произношенію. Соболевскій приводитъ изъ Галицкаго евангелія 1266 года примѣръ очень сомнительнаго свойства «*морю жю*» (стр. 53) — если тамъ нѣтъ ни одного примѣра для *жо*, такъ и этотъ единственный *жю*, въ особенности послѣ слова «*морю*», не что другое, какъ описка; — потомъ изъ Луцкаго евангелія два примѣра: «*ѡдучю, пиюцю*» — но ничего не говоритъ, какъ онъ понимаетъ это *ю*. Мнѣ кажется возможнымъ допустить, что сочетанія *чо, жо, цо* нѣкоторое время могли еще быть мягкими и что формы «*ѡдучю, пиюцю*», за неимѣніемъ другого графическаго средства, выражали произношеніе «*ѡдучѣ, пиюці*». Впрочемъ примѣровъ у меня для этого факта слишкомъ мало, чтобы можно было дѣлать прочные выводы. Въ галицкихъ грамотахъ конца XIV и первой половины XV столѣтія я отмѣтилъ себѣ по изданію Я. Головацкаго слѣдующіе: по нюи 1359, на скоки котнинѣ 1398, на скоюмъ селѣ 1398, скоки женѣ 1393, у нашюмъ дворѣ 1407, по вожьюмъ пороженѣмъ 1393, Касилювѣ синѣ 1366, грошювѣ 1378, оу Шюльжичювѣ 1366 (род. мн. ч.), чтюнкъ 1398, 1440, по нюмъ 1422, — не берусь рѣшить, произносилось ли въ этихъ случаяхъ еще *ѣ* или уже *ю*. Примѣръ «*дали юсмы*» (въ грамотѣ 1398 г. Наук. сборн. I, 195) могъ бы говорить въ пользу *ѣ*. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ (включительно до конца XIV в.) нѣтъ ни одного не подлежащаго сомнѣнію примѣра съ *у*, а есть только указанные съ *ю*, или же съ *о*, такіе: чотири 1388, чорьторьшскыи 1403, чортковичъ 1404, ничого 1421, 1428, 1442, корчюнкъ 1424, човотомъ 1445, почоншы 1458—9, нашего 1403, нашомоу 1438, въ нашомъ дворѣ 1430, и т. д.

Насъ не поражаютъ эти формы ни въ смоленско-витебско-полоцкихъ (бѣлорусскихъ), ни въ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотахъ, но мы не ожидали бы ихъ въ грамотахъ московскихъ XIV—XV вѣка, гдѣ кромѣ двухъ примѣровъ изъ духовной Ивана

Калиты, приведенныхъ у Соболевскаго (на стр. 53), еще такіе попадаются: «старѣишому», «молодшому», «по душовнои грамотѣ» (1428), «меншому», «натцовъ твоихъ», «молодшого» (1433), «старешому», «молощого», «молощю», «вашого», «о вашомъ доврѣ», «пригожо», «Ржову», «грамотѣ по душовнои», «въ нашо нелюбье» (1440), «старожилцовъ», «инокиащомъ» (тамъ же и «старожилцамъ») 1449 у Иванова. Примѣровъ этихъ впрочемъ очень не много въ сравненіи съ множествомъ другихъ, обнаруживающихъ правильное *ѣ*; поэтому нужно считать ихъ или случайно занесенною стихією, должно быть подъ вліяніемъ кievской письменности, или же временнымъ вторженіемъ одной новой черты языка въ область, въ которой она не могла удержаться.

Въ современномъ языкѣ говорится не только «понява», а также «понёва»; если у Срезневскаго, Пам. русск. языка 151, вѣрно напечатано «поновою прѣпоисаса» (изъ Постной Трiоди XI вѣка), это былъ бы одинъ изъ очень раннихъ примѣровъ передачи произношенія *ѣ* черезъ *о*, но какъ-то не вѣрится, что это такъ, сл. у Срезн. тамъ же 185 обыкновенное: «понавоу». Примѣры, приводимые у Соболевскаго на стр. 54, нуждаются въ болѣе подробномъ изслѣдованіи. Не убѣдилъ меня авторъ въ правдоподобности объясненія «журавль», «муравей» посредствомъ аналогіи съ «журить» и «мурава» (стр. 59).

IV.

Какъ произносилось *ѣ* въ древнерусскомъ языкѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ проф. Соболевскій двумя главами своихъ лекцій: «Отожествленіе *ь* съ *е*» (стр. 59—62), и «переходъ *ь*

въ *и*» (стр. 62—63). Суть ихъ заключается въ слѣдующемъ. Первый пунктъ гласитъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. «различіе между *ѣ* и *ѣ̣* было очень слабо, гораздо слабѣе чѣмъ на югѣ Руси», и что «въ говорахъ сѣвернорусскихъ (сѣверно—и южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ), приблизительно въ концѣ XII вѣка, произошло болѣе или менѣе полное отождествленіе этихъ двухъ звуковъ, т. е. *ѣ̣* стало звучать какъ *ѣ*». Второй пунктъ говоритъ, что «древній *ѣ̣*, сохранившійся въ галицко-волинскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отождествившись съ *ѣ*, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему *и*». Въ этихъ отзывахъ автора о *ѣ̣* видно стремленіе выдѣлить «галицко-волинское» нарѣчіе изъ общей среды и для современнаго «икающаго» характера его найти историческую подкладку въ XII—XIII вѣкѣ. По моему это стремленіе, какъ бы оно ни было оправдано, рушится на данныхъ древнерусской письменности. Какими средствами доказать, что въ галицко-волинскомъ говорѣ *ѣ̣* сохранилось еще въ XII вѣкѣ какъ отдѣльный звукъ, въ противоположность сѣверному *ѣ̣*? Въ южнорусскихъ памятникахъ, какъ разъ гѣхъ, на основаніи которыхъ созданъ авторомъ «галицко-волинскій типъ» — примѣровъ смѣшенія *ѣ* съ *ѣ̣* довольно много, кажется не многимъ менѣе, чѣмъ въ памятникахъ сѣверныхъ, новгородскихъ и неновгородскихъ. Сошлюсь на матеріалъ, собранный въ «Очеркахъ» проф. Соболевскаго на стр. 6—7, 10, 15, 18, 24 и т. д. Съ другой стороны не приняты въ расчетъ сѣвернорусскіе, въ частности новгородскіе, примѣры съ и вм. *ѣ̣*, послѣ конца XII-го вѣка, когда уже по словамъ Соболевскаго должно было произойти «полное отождествленіе» обоихъ звуковъ *ѣ̣* и *ѣ*! Въ доказательство приведу изъ требника Новгородскаго XIV вѣка (смѣшивающаго *ч* съ *ц*), издавнаго Имп. Обществомъ Л. Д. П., такіе примѣры: «свѣдѣнни твоихъ» 83 рядомъ съ «прилипихса свидѣнни твоихъ» 83, «на листи свѣтлѣ» 108, «в ризу нетанина» 54, «наслідникомъ быти» 59, «руци твои» 89, «пърню» *и*в., «оустни мои» 61 и т. д. Или изъ

Новгородской палеи XIV в. (у Тихонравова I): «вснхъ» 104, «внднхъ» 103, «оувидити» 106, «внднше» 108 (новгородская: «сконцаниа» 98, «концанию» 99, «цетвертомъ» 104). Изъ Сильвестровскаго сборника (у Тихонравова II): видилъ 78, виднвъ *ib.*, (у Срезневскаго): видити XIV, всилмъ 3. Срезневскій характеризуетъ этотъ сборникъ такъ: «довольно часто смѣшаны ч и ц, довольно часто смѣшаны ѣ и и» (VIII).

Примѣры подобнаго рода показываютъ, что и на сѣверѣ по крайней мѣрѣ не вездѣ такъ скоро ѣ стало звучать какъ е, какъ могло бы казаться по словамъ проф. Соболевскаго. По рукописямъ, конечно, не мудрено доказать полное совпаденіе е съ ѣ; рукописи, смѣшивающія безжалостно е съ ѣ, существуютъ не только между новгородскими, но также между неновгородскими. Одной замѣчательной рукописью подобнаго рода восполнены мною пробѣлы текста минейскаго 1096—1097 года. Рукопись перешла изъ Софійскаго собора въ Новгородѣ въ бібліотеку духовной академіи въ С.-Петербурѣ. Несмотря на значительный объемъ ея, нѣтъ ни одного примѣра новгородскаго смѣшенія ц съ ч, напротивъ, въ ней замѣтны кой-какія черты, напоминающія памятники южнорусскіе стараго типа (XI—XII в.). По примѣрамъ, какъ «пѣцькъ» 5, 11, «чюдъкъ» 17, 20, «словѣсьна» 24, «словѣсьнааго» 23, легко бы предаться обману, что въ ней ѣ значенія «южнорусскаго»; но вчитавшись дальше въ рукопись, мы замѣчаемъ полнѣйшее смѣшеніе ѣ съ е; съ одной стороны: «привѣде» 12, 13, «потѣвоша» 36, «тѣчалше» 9, «тѣкоуцихъ» 26, «попѣче са» 11, «вѣанчѣствна» «вѣанкааго» 26, «вѣсѣдлами», «вѣсѣдоуца» 23, «вѣтѣхааго» 23, «тѣплотою» 9, «дѣсницею» 9, «воудѣши» 23, «словѣси» 21, «чюдѣса» 9, «крѣвѣ» 30, «вѣндѣкъ» 6, «прндѣ» 31, «погревѣ» 16, и т. д.; съ другой стороны: «отъ вѣдѣкъ» 10 б, «верою» *ib.*, «оврете» 16, «крепость» 7, 18, «слепотоу» 138, «наследкю» 16, «наследовавѣ» 25, «река» 35, «вѣньць» 11, «вѣньценосьць» 17, «целомоудрѣя» 16, «железо» 14, «на гнѣтъ» 23, «оузрѣвѣкъ» 13, «одолевѣкъ» *ib.*, «повеленикмъ» 27, «пѣтленинѣ» 20, «тѣхъ» 139, «темъ же» 12. 17, «въсемъ» 8,

«вѣсехъ» 16, 139, «инемъ» 3, «единеми» 13, «аве» 17, «силе твои» 15, «въ роуце» 26, 74, «къ вѣре» 14, «въ череве» 24, и т. д. Было бы, можетъ быть, поспѣшно изъ этихъ данныхъ выводить заключеніе, что въ живомъ произношеніи того лица, которое писало эту рукопись, ѣ вполне совпадало съ е, но большаго разстоянія, рѣзкой звуковой разницы, кажется, дѣйствительно не было. Къ такому результату впрочемъ сводится изслѣдованіе какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рукописей XI—XII вѣка; въ тѣхъ и другихъ примѣры смѣшенія ѣ съ е не уступаютъ числу примѣровъ съ замѣною ѣ черезъ и. Стало бытъ по памятникамъ древнерусской письменности выходить наружу, что народное живое ѣ въ то время въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ.

Вопросъ о значеніи ѣ въ древнерусской письменности не такъ простъ, какъ хотѣлось бы этого для примиренія исторіи языка съ данными современныхъ нарѣчій. Съ самаго начала письменности выступилъ факторъ, сильно осложнившій дѣло и произведшій большую путаницу. Это было церковнославянское ѣ, съ которымъ надо было сообразоваться: оно вошло въ письменность и какъ знакъ и какъ звукъ. Поэтому въ исторіи языка вм. одного возникаютъ два вопроса, различные другъ отъ друга: вопросъ, какъ произносился въ живомъ древнерусскомъ языкѣ, во всѣхъ областяхъ его, звукъ обозначаемый по принятой графикѣ буквою ѣ? и второй вопросъ, какъ произносили въ древнерусскомъ литературномъ языкѣ (т. е. языкѣ церковномъ съ примѣсю элементовъ народныхъ) по преданію и книжному обученію знакъ ѣ?

Въ древнерусской письменности можно отыскать нѣсколько текстовъ нецерковнаго содержанія, отличающихся очень правильнымъ употребленіемъ ѣ. Къ такимъ принадлежитъ древнѣй-

шая часть новгородскихъ грамотъ, древнѣйшія духовныя московскихъ князей, инья двинскія купчія и третья часть первой новгородской лѣтописи—все памятники XIV вѣка. На основаніи этого матеріала сдѣланъ былъ такой выводъ, что въ древнерусской письменности главнымъ образомъ церковные тексты невнимательно относились къ различію между *ѣ* и *ѣ̇*, причина же этой невнимательности будто бы заключалась въ церковномъ, не народномъ, произношеніи *ѣ̇* какъ *ѣ*, которое «могло казаться ближе къ русскому *ѣ*, нежели къ русскому *ѣ̇*» и поэтому русскими переписчиками по искусственному произношенію церковнославянскаго *ѣ̇* какъ *ѣ* дѣлались постоянныя описки. Мысль эта принадлежитъ А. А. Шахматову, по мнѣнію котораго совпаденіе *ѣ* съ *ѣ̇* произошло только въ послѣдніе вѣка исторіи русскаго языка. Въ остроумномъ соображеніи А. А. Шахматова есть нѣкоторое преувеличеніе, но есть также доля правды. Онъ напрасно обвиняетъ церковные памятники огуломъ въ неумѣніи различать *ѣ̇* отъ *ѣ*. Къ текстамъ точнымъ въ этомъ отношеніи надо причислить не только инья оригинальныя сочиненія древнерусской письменности, но также многія церковнославянскія, сохранившіяся въ русскихъ спискахъ XI—XII—XIII вѣковъ. Къ точнымъ памятникамъ принадлежитъ напр. сборникъ Успенскаго собора въ Москвѣ XII вѣка или Слово Ипполита объ антихристѣ, изданное Невоструевымъ, тоже XII вѣка, и т. д. Кому обязаны эти памятники своею точностью? Чутью ли народнаго языка, какъ выходило бы по выше упомянутому мнѣнію? Но въ такомъ случаѣ нужно бы допустить, что это чутье, въ высокой степени развитое для однихъ памятниковъ, для другихъ какъ бы совсѣмъ не существовало; надо бы допустить, что оно было сильнѣе развито въ первое время, въ древнѣйшихъ памятникахъ, чѣмъ потомъ, когда вообще народный элементъ въ письменности смѣлѣе выходилъ наружу. Съ этимъ согласиться нельзя. Неравнобѣрность древнерусскихъ памятниковъ въ употребленіи *ѣ̇* зависѣла отъ степени вниманія писцовъ, отъ ихъ начитанности, отъ силы привычки и преданія. Однакожъ въ соображеніи нашего моло-

дого ученаго, какъ я сказалъ, доля правды. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что въ церковнославянскихъ текстахъ буква **ѣ** произносилась, должно быть, какъ звукъ очень похожій, если не даже вполне совпадавшій съ **е**. Только при этомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ иныхъ памятникахъ, рядомъ съ и вм. **ѣ**, имѣется также не малое число примѣровъ съ **е** вм. **ѣ**. Въ такихъ случаяхъ, я полагаю, черезъ и вм. **ѣ** передавалось произношеніе болѣе народное, тогда какъ смѣшеніе **е** съ **ѣ** отражало произношеніе церковно-литературное, выученное, школьное.

Особый случай отступленія отъ церковнославянскаго правописанія представляютъ древнерусскіе памятники, почти всеѣ, не исключая даже самыхъ точныхъ по отношенію къ **ѣ**, — въ сочетаніяхъ **рѣ**, **лѣ**, соответствующихъ русскимъ полногласнымъ формамъ. Тутъ всеѣ они пишутъ съ изумительною послѣдовательностью **-ре**, **-ле** вм. церковнаго **-рѣ**, **-лѣ**. Этого не объяснишь ни подражаніемъ церковнославянскому правописанію, потому что его какъ разъ тутъ нѣтъ, ни чутьемъ народнаго языка, который требовалъ полногласной формы. Причина кроется въ чемъ либо другомъ. Я высказалъ въ моихъ лекціяхъ такую догадку, не писали ли русскіе писцы здѣсь **е** потому, что думали, что **ре** (такъ произносили они церковное **рѣ**) не что другое, какъ сокращеніе народной, полногласной формы **перѣ**? Повторяю догадку здѣсь за немѣніемъ другого болѣе убѣдительнаго объясненія. Такъ какъ проф. Соболевскій этого пункта вовсе не коснулся въ своихъ лекціяхъ, то не лишнимъ будетъ однимъ-двумя примѣрами дать настоящее освѣщеніе этому факту. Примѣры правильнаго употребленія **ѣ** въ сочетаніяхъ **рѣ**, **лѣ** (= русское **ере**, **еле**, **оло**) принадлежатъ въ древнерусской письменности къ рѣдкостямъ. Такія замѣчательныя рѣдкости въ этомъ отношеніи Остромирово евангеліе, или Изборникъ Святослава (хотя въ немъ уже¹⁾ имѣется: «**овлецьмъ сѣ**» 54, «**на средоу**» 78, «**по средоу**»,

¹⁾ Есть даже въ Изборникѣ 1073 не вм. **ѣ** въ словѣ «**гниеть**» 28 с.

«отъ средѣ» 109 а, «въ средѣ» 196 с), или Путятина минея. Въ минеяхъ 1095—7 года отступленія въ нашѣмъ случаѣ уже очень часты; вотъ напр. «предастъ» 025, «предѣ очима» ib., «преже» 028, «стрепоуциимъ» 027, «безъ вреда» 081, «предѣ» 3, «извлече, овлекостаса» 57, «преже» 46, «древѣ» 113, 117, «жрениемъ» 24, «по средѣ» 29, «истрени» 23, «преславьнокъ» 285, «преподовьне» ib., «престолъ» 353, «жрени» 376, «въ чревѣ» ib., «трепоуциимъ» 352 и т. д. Слово Ипполита на счетъ точности въ употребленіи ѣ — памятникъ образцовый, но и здѣсь пишутся подходящіе сюда примѣры правильно съ е: «пре», «предѣ», «преже» 76, «непреже» 64, «время, времени» 62, «временухъ» 29, 63, «вредить» 85, «вретицема» 63, «древѣ» 58, «жрѣва» 15, 18, «млеко» 15, «потрѣвно» 2 — исключеніемъ является лишь «плѣню» 23 (ожидали бы «плени»). Изъ нецерковныхъ памятниковъ укажемъ на третью часть первой новгородской лѣтописи, памятникъ тоже образцовый по отношенію къ ѣ. И здѣсь пишутся съ е такіе примѣры: «прелестъ» 238, «преже» 242, 243, 246, 253 и т. д. «пред, напред» 244—5, «преда» 307, «преложу, престависа» 302, «преступаютъ, преднее» 290, «чрескъ» 293, «въ средѣ, средѣрътънучю» 248 и т. д. Послѣдовательность правописанія въ этихъ случаяхъ имѣетъ тѣмъ больше значенія, если сопоставить рядомъ такія формы, какъ «грѣхъ», «крѣпко», «прѣцѣнне» 282, гдѣ опять постоянно пишется ѣ. И здѣсь дѣлаетъ исключеніе слово «плѣнити» со своимъ ѣ вм. ожидаемаго е: «плѣниша» 239, «поплѣни» 282.

Буква ѣ, получивъ право гражданства въ древнерусской письменности, существуя рядомъ съ ближайшимъ по родству знакомъ е, прилаживалась въ отдѣльныхъ случаяхъ къ особымъ функціямъ, которыя можно назвать чисто русскими. Одна такая функція, которую я выше обозначилъ выраженіемъ «южнорусскаго употребленія ѣ», была уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Соболевскаго въ «Очеркахъ». Возраженія Шимановскаго, въ частностяхъ не лишеныя основанія, въ существенномъ не достигли цѣли: нельзя съ нимъ согласиться,

что **ѣ** «галицковольнскихъ» памятниковъ равнялось іотованному **е**. Скорѣе можно допустить, что это **ѣ** былъ узко-закрытый, по большей части подъ удареніемъ стоявшій, поэтому можетъ быть нѣсколько протяжный звукъ **е** (приблизительно французское **é**). Если принять его въ этомъ значеніи, то становится понятнымъ еще нѣсколько другихъ случаевъ особаго русскаго примѣненія буквы **ѣ**, о которыхъ говорилъ А. Шахматовъ въ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ, на стр. 149—152. Стоитъ обратить вниманіе на то, что такое подъ удареніемъ стоящее **ѣ** (вм. **е**) очень часто предшествуетъ согласнымъ плавнымъ, напр. «Тѣѣръ», «Корѣла», «Слѣѣѣри», «серегѣѣрьскыи» и т. д. (изъ Новгор. лѣтописи). Припомнимъ себѣ польскіе глаголы: *umiegać, zbiegać, pościgać, rozpościgać*, которыми лучше объясняются малорусскія формы «умірати, збірати», чѣмъ мною аналогією съ «літати» (стр. 63).

Отдѣльные случаи *и* вм. *ь* встрѣчаются сплошь да рядомъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, къ числу такихъ одиночекъ принадлежитъ «сидѣть» вм. «сѣдѣть», и «дитя» вм. «дѣтя». У глагола «сидѣть»¹⁾ можно догадываться, что *с* было причиною перехода сочетанія *сѣ* въ *си*; слогъ *си* произносится менѣе мягко чѣмъ *сѣ*, оттого и въ южнорусскомъ нарѣчій «сидіти», не «сидіти»; чешскій языкъ еще менѣе сочувствуетъ слогу «*sě*», лужицко-сербскій вовсе не выноситъ мягкаго *s*²⁾. Къ слову «дитя» могу указать на параллель, правда нѣсколько отдаленную: у кавказскихъ хорватовъ, произносящихъ обычное *ь* какъ *e*, все-же слышится уже давно «*divojka*» (не *devojka*), хотя только «*devica*». Въ древнерусской письменности имѣется примѣръ оборотной замѣны коренного и черезъ **ѣ**, въ глаголѣ «стричи» (стрици): «пострѣѣѣнса» жит. Θεод. 5₄, «острѣѣѣнса» 6₃. Съ **ѣ** встрѣчалось мнѣ это слово чаще, въ памятникахъ не смѣшивающихся впро-

1) У меня отмѣченъ примѣръ «*Wsidl*» въ Московской грамотѣ 1449 года, у Иванова подъ № 17.

2) Сл. въ русск. языкѣ «сажень» вм. «саженъ» (уже въ XV, см. Калачовъ ак. юр. I, 440).

чемъ ѣ съ и. Замѣчательно, что Миклошичъ приводитъ случаи этого слова съ ѣ также изъ южнославянскихъ памятниковъ. Въмѣсто стараго «извисть» — такъ въ южнославянскихъ и русскихъ памятникахъ (напр. «извистью вѣлти» лавр. лѣт., 390, «извистню мазо» І новгор. лѣт. 53) — нынѣ говорятъ и пишутъ «известь». Точно такъ пишутъ нынѣ «кружево», въ старое же время писали — «круживо»: «круживы златыми ошитъ» ипат. лѣт. 541, «со круживомъ» ів. 604, «круживо кованое золотое» грам. 1685 года (Калач. II, стр. 26); въ основаніи лежитъ нѣмецкое «krause» (ср. Гриммовъ словарь, V. 2095), повидимому слово получило славянское окончаніе — *иво*.

Къ «отожествленію *ы* и *и*» (стр. 63—64), не представляющему никакихъ особенно важныхъ данныхъ, прибавлю только, что смѣшеніе *ы* съ *и* изрѣдка попадаетъ уже въ памятникахъ очень древнихъ, но трудно придавать такимъ единичнымъ примѣрамъ значеніе. Въ неовгородской софійской минеѣ XI—XII в. я нашель «възвншаюца», примѣръ вчушающій нѣсколько больше довѣрія, чѣмъ «нечъстывънхъ» тамъ же, гдѣ первое *ы* могло явиться по опискѣ подѣ влияніемъ *ы* слѣдующаго слога. Въ словѣ Ипполита объ антихристѣ, памятникѣ тоже южномъ, видно такое же смѣшеніе *ы* съ *и* въ «лысти во рече желѣзнѣ» 37 въ сравненіи съ 41: «лысты желѣзнѣ»; слово «лыстъ», судя по формѣ двойственнаго числа «лыстъ», склонялось по *ы/и*-склоненію. Для галицкихъ грамотъ XIV—XV вѣка знаменательны такіе примѣры: «ковилъ» 1393 г., «не винимаючи» 1409 г., «с оуладикою» 1422 г., и на оборотъ: «грывенъ» 1427 г., «с о малыны» 1438 г. Что касается колебанія между *ри* и *ры* (стр. 64), то оно несомнѣнно обусловлено плавною *р*, не любящей, какъ извѣстно, мягкости во многихъ западныхъ малорусскихъ говорахъ и почти повсюду въ бѣлорусскомъ нарѣчій (ср. на стр. 97).

Говоря о смѣшеніи *ы* съ *и* и ихъ совпаденій въ одномъ твердомъ (южнославянскомъ) *и* для малороссовъ, слѣдовало коснуться помѣстнаго произношенія гласной *ы* какъ *э*. Оно мнѣ извѣстно по прислушиванію къ произношенію церковнославянскаго *ы*

буковинскими русскими студентами; у нихъ слышится твердое и грубое *э*. Вѣроятно то же самое существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчій, въ формахъ приводимыхъ у Шейна: «конь воронѣй», «князь молодѣй» 471, «святѣй Микола» 77, «другѣй мѣсичка» 53. Нѣчто похожее на эту черту находимъ въ псковской лѣтописи (второй) въ такихъ примѣрахъ: «въ Новен городокъ» 22, «нѣмецкен городокъ», «Опоцкен, городицкен» 32. Окончаніе «-кен» могло бы быть результатомъ вліянія мягкости, слышной на сѣверѣ иногда даже въ именит. падежѣ «-ке» вм. «-ко», но «новен» (если только не описка или опечатка) очень напоминаетъ окончаніе бѣлорусское «эй».

«Переходъ *е* въ *а*» (на стр. 65—66) не совсѣмъ точно озаглавленъ, въ перечисляемыхъ случаяхъ *е* переходитъ не въ *а*, а въ *я*; поэтому было бы лучше изложить подходящія сюда явленія въ ближайшей связи съ переходомъ *е* въ *ѣ*. Вся трудность вопроса заключается въ томъ, когда и подъ какими условіями происходитъ переходъ *е* въ *я* вм. ожидаемаго *ѣ*. Повидимому здѣсь надо различать нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, каждый изъ нихъ могъ быть вызванъ особенными причинами. Легче всего поддаются объясненію примѣры различныхъ несклоняемыхъ формъ (нарѣчій) на *ѣ*, гдѣ въ концѣ слова ударяемое *к* переходитъ въ *я*: «кромя, нельзя». Родоначальникомъ этихъ окончаній я считаю такъ называемое дѣепричастіе на *я*. Нельзя отрицать перехода ударяемаго *е* въ *я* въ такихъ примѣрахъ: «есма́», «естá», «менá», «тебá». Для «есма» я не вижу лучшаго объясненія, какъ допустить переходъ изъ «есме» (сл. статью А. Шахматова въ моемъ «Архивѣ» VII, 68), по моему проф. Соболевскій напрасно избѣгаетъ это сопоставленіе (на стр. 114). Въ московскихъ грамотахъ 14-го вѣка употребляется еще постоянно род. винит. падежъ «мене», «тебетове», «себе-сове» (напр. «мене» 1368, № 28, стр. 46, «отъ мене» 1341, № 23, стр. 37, 1356, № 25, стр. 40, № 26, стр. 43, 1362, № 27, стр. 44, «везъ мене» 1362, № 27, стр. 44, «тове врата» 1362, № 27, стр. 44, «тове кормити» ib. 45, «отъ тове» 1341,

№ 23, стр. 37, 1362, № 27, стр. 45, 1368, № 28, стр. 46, 48, «а тобе» ib. 47, 1362, № 27, стр. 45, «передъ тебе» 1368, № 28, стр. 48, «на тебе» ib. 46, «на тобе» ib. 47, «везъ тебе» 1341, № 23, стр. 36, 1362, № 27, стр. 44, «отъ себе» 1362, № 27, стр. 45, «межи себе» 1341, № 23, стр. 37, «межи себе» 1368, № 28, стр. 48), но въ 15-мъ столѣтїи въ тѣхъ же оборотахъ чередуются уже формы «мене» съ «мена», «тебе-тобе» съ «теба-тоба», «себе-себе» съ «сева-сова»: въ грамотѣ 1410 года, № 40, стр. 76: «промежи сова», а на стр. 77, «промежи себе», въ гр. 1428 года № 43—44 стр. 86, 89 «мена», 87 «теба» (два раза), 88 «тоба»; въ грам. 1433, № 46 «тобе» 93 (три раза), 1433 года № 47 «мене» (94—95) нѣсколько разъ; 1433, № 48 «мене» два раза, «мена» разъ 96, «тоба» два раза 97, «теба» 98, въ грамотѣ 1433, № 49—50 встрѣчается «мене» пять разъ, «мена» четыре раза, «тебе» два раза, «тобе» четыре раза, «тоба» три раза. Въмѣсто обыкновеннаго «воле» я читаю въ двинской грамотѣ XV вѣка (ак. юр. 110) «вола». Гораздо позже выступаютъ формы «князьа» и т. д., но уже въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка находимъ фразу «по всимъ попкамъ» № 21, 22 (стр. 32, 34), какъ будто бы множ. число собирательнаго «попке»: «попка» къ ед. числу «попъ».

Если разсматривать переходъ *e* въ *я* какъ чисто звуковое явленіе, безъ содѣйствія посторонняго фактора, неразгаданнымъ остается притоворѣчіе между переходомъ *e* въ *я* и *e* въ *ё*, почему; «бѣльё, житьё», а «князьа, мужья»? Не руководился ли языкъ здѣсь въ звуковыхъ переходахъ не только чисто физиологическими причинами, а также вліяніемъ важной категорїи числа? Не перешло ли въ «мужья» и т. д. *e* въ *я* какъ разъ потому, что это были формы множественнаго числа, въ которомъ языкъ могъ согласиться на окончаніе *a*, потому что оно было ему знакомо со словъ средняго рода, между тѣмъ какъ *ё* (*jo*) втянуло бы эти формы въ категорїю словъ единственнаго числа? Какъ же объяснить тогда формы единствен. числа «меня», «тебя»? Тутъ, мнѣ кажется, втихомолку вліяла аналогія неслезнущаго сразу

винительнаго падежа «ма, та». Нынѣшнія формы мн. числа «деревяя», «каменяя» перешли рядомъ съ «братья», «господя» и т. д. въ множ. число изъ собирательнаго значенія единственнаго числа, конечно тоже подъ сильнымъ вліяніемъ категоріи числа; собирательное слово какъ заключающее въ себѣ множество, перешло въ силу категоріи числа изъ единственнаго въ множ. число. Обязанность исторіи языка состоятъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить по возможности точно время этого перехода. Въ грамотахъ 14—16 столѣтій мы находимъ еще склоненіе собирательныхъ по старинному, въ ед. числѣ: въ грам. 1518 года (акты юрид., стр. 165) при ед. числѣ «на пни», для мн. числа сказано: «а на пеньє грани кладены»; въ грам. начала XVI вѣка (тамъ же, стр. 166): «а которое деревье ...на томъ деревьи»; въ сборникѣ XV—XVI в. рум. муз. № 358 (бѣлорусскомъ): «овы на кольє посажа» (Бул. ист. христ. 702), «на кольи» ib. 704 (или «на колѣхъ»). Въ акт. арх. эксп. I, № 187, стр. 164 (1539 г.): «внєть кнутѣмъ». Въ московскихъ духовныхъ грамотахъ XIV—XV вѣка, гдѣ о драгоценной утвари рѣчь идетъ, употребляется постоянно «каменьє» въ единственномъ числѣ, въ смыслѣ драгоценныхъ камней. Въ томъ только случаѣ, если предшествовало числительное, могло уже въ XV столѣтій собирательное имя переходить въ множ. число; въ грамотѣ 1483 года, № 233 (въ актахъ юрид.) читаемъ: «четыре стожа» (вм. «четыре стози» или «четыре стога», отъ собирательнаго «стожье»). Извѣстное мѣсто ипатской лѣтописи «начаша мертви падати, акы сноповьє» 584—представляетъ, должно быть, существительное собирательное средняго рода.

Слова проф. Соболевскаго «великорусскіе говоры не знаютъ перехода ударяемаго *e* въ *a*» (стр. 65) высказаны м. б. слишкомъ рѣзко и рѣшительно, но и мнѣ кажется, что малорусское «каминня» и великорусское «каменяя» развились самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Въ связи съ довольно поздними формами «дворяня» вм. «дворяне» — онѣ появляются съ конца XV столѣтія, сл. напр. въ грамотѣ 1529 года (акт. юрид., № 264):

«которые крестьяна» — могли бы имѣть нѣкоторое значеніе именительные падежи мн. числа ипатской лѣтописи очень часто оканчивающіеся на ѣ: «воарѣ» 581, 583, 591 и т. д., «татарѣ» 522, 523, «гражанѣ» 522, «изманланѣ» 518, «галичанѣ» 506, 514, 521, «берестьянѣ» 587, «козланѣ» 520, «хольмланѣ» 583, «воровѣ» 584, «царевѣ» 592, «лаховѣ» 582, 584, «сыновѣ» 600, «татаровѣ» 563, 588 и т. д. Не хочу этимъ сказать, что въ правописаніи съ ѣ кроется прямо зародышъ позднѣйшаго я, но если наклонность къ написанію ѣ въ выше приведенныхъ примѣрахъ не дѣло случайное — припомнимъ еще изъ московской грамоты 1368 года, относящейся довольно чутко къ разницѣ между е и ѣ: «воарѣ» 47, 48 — то можно бы изъ упомянутыхъ примѣровъ вывести заключеніе, что уже тогда существовало особенное произношеніе гласной е въ концѣ выше упомянутыхъ словъ; можетъ быть это окончаніе уже тогда не совпадало съ обыкновеннымъ е, а слышалось, нѣсколько протяжнѣе, широкое ē; такимъ образомъ изъ «татаровѣ» могло образоваться «татарова»: «одного брата убили татарова за другого брата» (Вост. опис. рук. Рум. муз. 492); сл. именит. падежъ мн. ч. «рыболое» акт. арх. эксп. № 142, стр. 113 (1506 г.) и «рыболова» тамъ же стр. 332, № 286 (1574 г.).

«Переходъ а въ е» (стр. 66—68) рассказываетъ кой-о-чемъ мало вѣроятномъ. Въ сущности нѣкоторое значеніе имѣеть только переходъ неударяемаго я въ е, слѣды котораго могли бы быть доказаны по памятникамъ, по крайней мѣрѣ съ XV столѣтія. Уже въ кievской псалтыри 1397 года (если можно положиться на отрывокъ, напечатанный у Срезневскаго) находимъ: «прозвела» 268, «злецемь» 269; въ маргаритѣ 1499 г. (опис. рук. синод. II, 2, 124) «злецъ извѣгши ис тенета»; въ грамотѣ 1478 года (Русск. лив. акты 233): «тисеча летъ», и въ московской грамотѣ 1481 г. (I, 267) «въ тысячу рублевъ». Даже такой сильно распространенный примѣръ, какъ «слышевѣ» въ московскихъ грамотахъ вм. «слышавѣ» (сл. грам. 1388 года, стр. 55 «что ты слышевѣ» 2 раза, 1389, стр. 62, 1428, стр. 86, 88 и

т. д.) и нерѣдко повторяющіяся формы «лошедь», «рухледь» — не обратили на себя вниманія автора, вспомнившего на стр. 71 о «ястребъ» вм. «астрѣвъ», но забывшаго указать на «зайца» черезъ «заеца» вм. «зааца». Сличн также «на поесницѣ» Калач. I. 522 (е вм. я). Припомнимъ еще разницу между нынѣшнимъ «нынче» и старымъ «нынѣча» или даже «нонѣча», напр. въ моск. грамотѣ № 33 (1388 года). Одну часть относящихся сюда слушаевъ читатель «лекцій» найдетъ, не знаю почему, подъ главою толкующей объ «аканьѣ» (на стр. 70). Но какое отношеніе къ «аканью» имѣетъ «кнежѣ» вм. «княжѣ» или «паметь» вм. «память»?!

V.

Глава «аканье» (69—73) толкуетъ о разнообразныхъ явленіяхъ, по большей части не подходящихъ подъ это заглавіе. Если бы авторъ подъ «аканьемъ» хотѣлъ вкратцѣ охарактеризовать «московскій говоръ», то и это хорошее намѣреніе попало бы здѣсь не въ свое мѣсто. Если же онъ всѣ явленія русскаго языка, вызванныя по его выраженію «ослабленіемъ мускульнаго усилія при произношеніи» подводитъ подъ «аканье», то я позволю себѣ это опредѣленіе назвать не вполне удачнымъ. Предоставляю физиологамъ рѣшить вопросъ, произошло ли дѣйствительно произношеніе о какъ а отъ «ослабленія мускульнаго усилія». Я знаю только¹⁾, что для гласной а хочется большаго отверстія рта, чѣмъ для о; сомнѣваюсь, чтобы это болѣе широкое раскрытіе губъ доказывало «ослабленіе мускульнаго усилія»? Сомнѣваюсь также, чтобы тѣ явленія, о которыхъ здѣсь какъ о признакахъ «аканья» рѣчь идетъ, свойственны были исключительно акающимъ нарѣчіямъ

¹⁾ В. Даль говоритъ объ акающихъ, что они строятъ губы кувшиномъ, акающихъ же называетъ зѣворотыми и полоротыми. Наблюденіе это и по физиологіи — вѣрно.

русскаго языка. Быстрота произношенія неударяемыхъ слоговъ и въ связи съ ней нѣкоторая неопредѣленность гласныхъ всѣхъ этихъ слоговъ въ сравненіи съ преобладающею силою и значеніемъ ударяемаго слога и гласной его—эта замѣчательная черта русскаго языка не зависитъ только отъ «аканья», т. е. отъ произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, она стоитъ въ связи съ преобладаніемъ ударенія въ русскомъ языкѣ, распространяется гораздо дальше аканья, обнимаетъ не только бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія, но также сѣверновеликорусское окающее, уступающее развѣ только въ произношеніи буквы *о* тѣмъ двумъ. Въ доказательство приведу изъ олонецкихъ былинъ: «жанихъ», «жаланный»; изъ образцовъ у Колосова: «красавицъ хорошіи», «завтрешній день», «мизинець» и «мезинець» и т. д. Я нахожу и въ этихъ примѣрахъ доказательство быстрого произношенія, вслѣдствіе чего гласныя неударяемыхъ слоговъ, не доходящія до полнаго развитія, склонны къ переходамъ, или лучше сказать, производятъ на прислушивающагося къ произношенію и записывающаго не по привычкѣ, а по впечатлѣніямъ слуха, впечатлѣніе то того, то другого звука. То же самое легко подтвердить большимъ количествомъ примѣровъ изъ древнерусской письменности, памятниками не только акающихъ, но также окающихъ областей. Напр. въ грамотѣ сѣверной, напечатанной у Куника-Напіерскаго № 16: «*вружжкмь*»; въ первой новгородской лѣтописи рядомъ «*да плещи*» и «*да плече*», стр. 170 фотолитогр. изданія; въ той же лѣтописи пишутъ «*троицкн*» и «*троецкн*»; въ ипатской лѣтописи, стр. 81 «*истеннаго*», 424 «*черноризиць*»; въ новгородскомъ требникѣ XIV-го вѣка: «*ремениць*»; примѣръ «*ввиликє*» въ новгор. кормчей 1283 года (Срезн. 238) можетъ быть описка; въ палеѣ новгородской XIV вѣка (по отрывкамъ у Тихонравова, Пам. Отреч. лит. I): «*внеде*» 96, «*патреарств*» 101, какъ настоящее время: «*покаитеса, разгнѣваите*» 124; въ грамотѣ 1300 года, Витебской, Срезн. 240: «*своиє*» (вм. *своєє*); въ грамотѣ новгор. XV вѣка (акты юрид., № 260): «*тыи села досташетца*» (вм. *-шатца*), «*не вѣступатци*» (вм. *-ца*); въ двинской грамотѣ

XIV—XV в. (тамъ же, № 71): «**Еванъ**» (вм. «**Иванъ**», можетъ быть впрочемъ вм. «**Юванъ**», какъ **Герданъ** вм. **Юрданъ?**), «**Илеѣино**» вм. **Илиинъ**, «**одирнь**» возлѣ **одернь**, **одерень**; въ грамотѣ 1491 г. (сѣверной ак. юр. 13): «на **ревинку**» (вм. «**рѣвинку**»), «**тридцеть**» (вм. «**тридцать**»), «не **вереме намъ было**» (вм. «**верема**»); въ грамотѣ 1503 года (ак. юр. 19): «спусте на **третьей день**» (вм. «**спустѣ**»), въ грам. 1498—1505 г. (ак. юр. 14—15): «отъ великаго повѣтреа», въ грамотѣ Вишерской (тамъ же, стр. 415): «отъ **Бѣшере**» рядомъ съ «изъ **Бѣшеры**»; въ грамотѣ 1509 г. (область рѣки Устомы): «лѣсы и земля княжо **Семеновы жы**» (вм. «**же**») ак. юр. 164; въ гр. 1568 г. (ib. 126) «**кузнецѣ**» (вм. «**кузница**»); въ рук. троиц. серг. лавры XVI в. (Тихонравовъ. Отреч. кн. II 392) «**пенке гнеетъ**»; въ грамотѣ Устюжской 1622 года (тамъ же, 398): «по **мирскую улицу**» рядомъ съ «**улицу**», и т. д.

Примѣровъ вообще не такъ много, какъ бы можно ожидать по образцамъ нынѣшняго физиологическаго записыванія, но это доказываетъ только или извѣстную начитанность со стороны писцовъ, силу установившейся привычки, или же большую опредѣленность и внятность тогдашняго произношенія. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, эту сторону древнерусскаго вокализма надо было изложить полнѣе и не подводить всѣхъ отдѣльныхъ явленій подъ общее начало «аканья». Скажу кстати, что на примѣръ «**домлчѣдець**» (стр. 69) нельзя указывать какъ на доказательство аканья; это слово писалось съ **а** уже въ церковнославянскомъ языкѣ. Зато изъ сѣверныхъ грамотъ, гдѣ оканье выходитъ изъ предѣловъ этимологій, можно было привести нѣсколько случаевъ, характеризующихъ большую склонность нарѣчія къ гласной **о**, какъ напр. «**отъ**» вм. обыкновеннаго «**ать**»: въ новг. лѣтоп. I. 27 (стар. изд.): «**отъ поидемъ**», въ грамотѣ новгородца **Климентѣ** (Срезн. малоизв. пам. № 35) читаемъ: **данте ни четверть, отъ не воудеть голодна**; сл. также «**аче начнеши**» (вм. обыкновеннаго «**аче**») въ кормч. новг. XIII в. Ист. библ. VI, 123. Къ примѣрамъ же, вошедшимъ въ употребленіе въ нынѣшнемъ правописаніи по

московскому произношенію съ *a* (какъ «калачъ» вм. «колачъ»), прибавимъ еще слово «баранъ» вм. формы съ *o* «воранъ», какъ писалось въ старину; въ домостроѣ «воранъ» (но тамъ же «вораній» и «бараній»); акт. юр. быт. Калач. I. 103 (—1462 г.): «воран», акт. арх. эксп. 1596 г., стр. 453: «десять ворановъ»; «поромъ» рекомендуетъ нынѣ академическое руководство вмѣсто вошедшаго въ употребленіе «паромъ», въ старину тоже писалось черезъ *o*: «въ поромъ выходитъ» акт. юр. 1585 г. (стр. 251); вм. «канатъ» въ старину писали «конатъ»: «конатъ танути» акт. юрид. 330 (1642 г.). Возлѣ обще принятой формы судакъ для названія рыбы имѣется еще и теперь въ простанородномъ языкѣ форма судокъ; изъ преданій старины я могу засвидѣтельствовать только это послѣднее произношеніе: «сто судоконъ» акт. арх. эксп. I, № 66, стр. 49 (о. 1460 г.). Точно такъ въ старину писали только «знахоръ», сл. акт. юр. № 4, стр. 7 (до 1490 г. Калач. I. 170. Описка ли «до нога» вм. «до нага» Калач. I. 194 (1547 г.)?

VI.

Продолжительныхъ кропотливыхъ изслѣдованій хочется для того, чтобы со временемъ всѣ особенности древнерусскихъ нарѣчій или говоровъ вышли наружу; пока мы подбираемъ только камешки и укладываемъ ихъ въ родѣ мозаики въ картину, которой намѣчены до сихъ поръ только главныя очертанія. Большая часть явленій, о которыхъ рѣчь шла въ предыдущихъ замѣткахъ, разбѣяна по памятникамъ на подобіе пятнышекъ, недостаточныхъ для опредѣленія характера цѣлаго типа. Кто не чувствуетъ, насколько мелокъ и хрупокъ матеріалъ, которымъ мы поневолѣ должны пользоваться для постройки зданія!? да и въ достаточномъ количествѣ онъ не попадается. Такъ-то мы почти и не выходимъ изъ недоумѣній; наталкиваясь постоянно на пробѣлы, мы прибѣгаемъ къ догадкамъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Но мнѣ кажется, что въ главѣ, толкующей о мелкихъ явленіяхъ

въ исторіи гласныхъ» (стр. 73—74), число догадокъ увеличилось нѣсколькими ненужными соображеніями. Новгородскому говору приписывается какое-то особое чередованіе и съ *ε* на основаніи такихъ примѣровъ, какъ «твориць», «прегрѣшинику», «вицисть». По моему «твориць» написано просто потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списано, стояло «творѣць», и «прегрѣшинику» или «вицисть» по той же причинѣ; я убѣжденъ, что не вѣрно выводить отсюда для живого языка произношеніе «чисть» рядомъ съ «честь». Въ доказательство же, что встарину нерѣдко передавали окончаніе *ицъ* черезъ *ницъ* (ударяемое и вслѣдствіе мягкости слѣдующей согласной узко, нѣсколько закрыто, произносимое *e*), приведу изъ ипатской лѣтописи: «конѣць» 399, «сыновѣць» 407, «Ростовѣць» 409, «младенѣць» 415, «творѣць» 431 и т. д.; тамъ же «чѣсть» 404. Какъ въ ипатской лѣтописи не будемъ вслѣдствіе этого искать новгородскихъ элементовъ, такъ и въ написаніяхъ «твориць» и т. д. не нужно придавать слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, совпадающимъ съ указаннымъ орфографическимъ приемомъ ипатской лѣтописи. Очень сомнительно также предположеніе, что примѣры возвратнаго мѣстоимѣнія *си* (см. *ся*) непременно вызваны тѣми очень немногочисленными случаями, гдѣ уже въ церковномъ языкѣ писалось *си* (стр. 74). Не лучше ли допустить переходъ неударяемаго *ся* въ гласную, вслѣдствіе ея неопредѣленности трудно уловимую, такъ что произношеніе иногда было похоже на *си*? Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ на основаніи примѣра «заву-вена», найденнаго, кажется, только разъ, дѣлаетъ выводъ, что тогда уже говорили и «вуль» (стр. 74).

VII.

Въ статьѣ «Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ» (стр. 74—78) поражаетъ безцеремонность, съ которою проповѣды-

вается «исчезновеніе ѣ» въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій, какъ «доброѣ», «тоѣ»; изъ «доброѣ», «тоѣ» образовалось-де нынѣшнее «добрѡй, той» такимъ образомъ, что прежде всего *ь* исчезло, а послѣ исчезновенія его осталось *і*: «добрѡі, тоі». Съ этимъ мало вѣроятнымъ, грубо механическимъ объясненіемъ соперничаетъ развѣ только догадка автора, что найденные имъ нѣсколько примѣровъ, какъ «сило» (вм. силой), «молитво» (вм. молитвой), «мно» (вм. мной), доказываютъ будто бы непривычку писцовъ передавать въ письмѣ новыя формы «силоу, молитвою, мной!» Не проще ли подозрѣвать въ упомянутыхъ примѣрахъ описки? а вмѣсто исчезновенія ѣ я предпочитаю придерживаться такого взгляда, что неударяемое *ь*, въ концѣ слова послѣ гласныхъ *о-е-ы*, въ произношеніи ослабѣвало и слышалось сначала какъ очень краткое *е-и*, потомъ же изъ сочетаній *ое-ои* вышло *ой*, при чемъ доля вліянія на этотъ послѣдній ходъ къ сокращенію принадлежала, должно быть, дательному падежу того же рода и числа. Примѣры съ *е* вм. *ь* попадаются довольно рано, напр. въ смоленской грамотѣ 1230 года (у Срезн. 224): «оу вольное женъ», «ис которе земле»; въ такой же грамотѣ 1284 года (тамъ же 238): «грамоты сеѣ»; въ витебской грамотѣ 1300 года (тамъ же 240—1): «своиѣ братѣ», «вашеѣ братиѣ», «везъ винное винъ», «тоѣ обидѣ», «всакоѣ неправдѣ». Еще больше значенія имѣютъ московскія грамоты: «вагы нашеѣ купли» 1328 года, гос. грам. I, 35, «володимерьское волости» 1355 года I, 38, «оу моеѣ княгини» *ib.*, «ис тамги ис московское» 1356 года I, 40, «ис коломенское» *ib.* Рядомъ съ окончаніемъ *ое* попадаетъ, сначала изрѣдка, потомъ же все чаще также окончаніе *ои*: въ смоленской правдѣ 1230 года по списку F. § 11: «оу своки женъ»; въ русской правдѣ по синодальному списку: «оу которой татѣвъ» (Мроч. Дрозд. 56); «първои женъ» (*ib.* 60), «идинои мѣри» (род. падежъ, рядомъ съ «двоу моужю»); въ грамотѣ новгородской 1270 года: «изъ инои волости новгородьскои», «развѣ ратнои вѣсти» (Шахм. 242), «ѡ своки братиѣ» Напьер. № 9 (1301 года), «изъинои волости» 1327 года (Шахм. 262).

Въ московскихъ грамотахъ древнѣйшихъ *о*е еще не переходило въ *ои*, но уже въ XIV вѣкѣ встрѣчается *и* вм. *и*е или *и*ть: «не будетъ на немъ милости вожи» 1389 года I, 61 (тамъ же «у большиѣ братьи»), «везъ всякии хитрости» (тамъ же на стр. 64, но на стр. 57 «везъ всякые хитрости»); въ грамотахъ XV столѣтiя: «из моиѣ ѡтчины» 1449 года, Иван. № 17, «грамоты моиѣ» 1451 года, Иван. № 19, «из моиѣ ѡтчины» 1472 года ib. № 23. Колебанiе между *е* и *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, послѣ гласной, видно также въ другихъ примѣрахъ, гдѣ *е-и* не сократилось въ *й*: «поклажи» и «поклажеѣ» въ грамотѣ московской 1433 года I, 104; рядомъ съ «которыѣ воарѣ» 1388 года I, 57 имѣется «которыи воарѣ» 1389 года I, 63. Окончанiя эти потомъ стали различать по роду, *и*и вошло въ употребленiе для мужескаго, *и*ть и *и*е для женскаго и средняго рода; напр. въ московской грамотѣ 1341 года I, 36: «которыи люди», гр. 1388 года I. 56, и 1389 I, 63 «которыи суды», гр. 1388 года I, 56 «которыи слуги», гр. 1389 года I, 63 «черныи люди»; напротивъ: «которыѣ деревни» 1389 года I, 60, («села») «которыѣ тагли» 1389 года I, 59 и т. д., но это правило не безъ исключенiя: гр. 1356 года I, 39, «численныѣ люди», «купленыѣ вортници», или «ингыи которыи пошинныѣ» акт. археогр. I, 2 (1361 — 1364), «горныи орамыи земли» двинс. грам. XV вѣка (акт. юрид. № 71, 4).

Переходъ формы «вѣдѣѣ» въ «вѣдѣ» состоялся тоже не прямою исчезновенiемъ *ь*, а сокращенiемъ «вѣдѣѣ» черезъ «вѣдѣ-вѣди» въ «вѣдѣ». Сокращенiе неудараемаго *е* или *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, можетъ быть засвидѣтельствовано не только вышеупомянутымъ случаемъ перехода *ои* въ *ои*, но еще такими примѣрами, какъ окончанiе неопредѣленнаго наклоненiя *ть* (вм. *ти*), окончанiе нѣкоторыхъ нарѣчiй или падежей, употребляемыхъ въ качествѣ несклоняемыхъ оборотовъ, и т. д. Проф. Соболевскiй не хотѣлъ бы *ть* неопредѣленнаго наклоненiя выводить изъ *ти* (стр. 117 и 181), но хотъ бы и произошло нѣкоторое влiянiе на это сокращенiе со стороны дости-

гательнаго *тъ*, — впрочемъ это еще вопросъ, можетъ быть скорѣе сокращенное окончаніе неопредѣленнаго *тъ* ускорило смѣшеніе съ нимъ, слѣдовательно и потерю достигательнаго — все таки необходимо допустить, что окончаніе *тъ* относится къ полному *ти* неопредѣленнаго наклоненія точно такъ, какъ напр. «домовъ» къ «домови» или «доловъ» къ «долови» (см. примѣры въ грамотѣ 1230 г. у Срезн. стр. 224, госуд. грам. I, 52, псков. лѣтоп. I, 181 и т. д.) или какъ частица «будь» въ «ни будь» къ полному «буди» (полная форма оставалась очень долго въ употребленіи, сл. напр. «кто ни буди» акт. археогр. I, № 5, 1361—5 г., «какова крѣпость ни буди» акт. юрид. 151, 1567 года), или какъ нынѣшняя частица «де» къ прежнему «деи» («деи») встрѣчающемуся въ грамотахъ очень часто: «а лежать деи тѣ пустоши», «лѣсомъ деи поросши» 1478 года Иван. № 23, «что деи выменили» 1483 года ів. № 25, «въ тѣ деи въ ихъ лѣсы» 1485 года ів. № 26, «ижь дѣи нашее враты много выбегао» русск. лив. акты 242, XV в., «ино дѣи князь поймавъ ихъ держитъ» ів., но въ грам. 1642 года, Ів. № 66: «въ коломенскомъ де уѣздѣ», наконецъ какъ «мать» и «дочь» къ прежнему «мати», «дочи» (ср. напр. форму «мати» въ москов. грамотахъ I, 80, 83 и т. д., «дочи» въ двинск. грамотѣ XIV—XV в. акт. юр. № 71, стр. 112, ипат. лѣт. 538).

Параллельно съ «вѣдь» изъ «вѣдѣ» идутъ «прочь», «опрочь» изъ «проче», «опроче» (въ москов. грамотахъ чередуются «опроче» и «опрочь»), «лишь» изъ «лише» (сл. «лише» въ смоленской правдѣ § 19), «ужь» изъ «уже», «ижь» изъ «иже». Для сокращенія безразлично, оканчивается ли первоначальная форма слова на *ь* или *е* или *и*. Поэтому и форма «хотѣя» предполагаетъ переходъ въ «хоть» черезъ «хѣта-хѣте-хѣти»; «хоти» изъ «хѣта» напоминаетъ «си» изъ «са», сокращенію «си» въ «съ» соответствуетъ форма «хоть» изъ «хоти», полную форму «хоти» можно засвидѣтельствовать: «хоти до десяти сведовъ» акт. арх. эксп. I № 150 стр. 121 (1509 г.). Укажу еще на примѣръ «вѣшь» вм. «вѣша» черезъ «вѣше», въ грамотѣ 1300 года (у Срезневскаго 240)

читаемъ: «какъ то бѣшь инне людие боялиса», «то они бѣшь на та не жаловали».

Переходъ изъ *ю* въ *й* состоялся тоже посредствомъ произношенія неударяемаго въ концѣ слова стоящаго открытаго *ю* какъ *и=e*, такъ что изъ полного *ою*, *ею* посредствомъ *ои-ей* образовалось *ой-ей*. Къ примѣрамъ перехода *ю* въ *и* послѣ согласной прибавлю еще «межи» вм. «межю». Въ русскихъ памятникахъ окончаніе *и* въ этомъ словѣ («межи») — явленіе очень любимое, см. «межи симъ» въ монаст. уставѣ XII в. Срезн. 185; въ новг. лѣтописи I, 59, 100: «межи собою»; въ московскихъ грамотахъ съ конца XIV вѣка пишутъ уже «межъ»: «межы насъ» гр. 1371 года № 31; изъ «межи» или по твердому произношенію «межы» сокращеніемъ выходитъ «межъ», изъ «промежи»: «промежъ». Въ смоленской правдѣ (1220—1230) въ рукописи А. (самой старшей) «промяжю», въ В. С. «промежи», тамъ же А. «мяжю», Д. «межю»: В. С. Ф. «межи», Е. «мѣжи» и т. д.

Къ примѣрамъ отпаденія гласной въ концѣ слова можно бы причислить еще «покамѣстъ» вм. прежняго «покамѣста» («покамѣста и монастырь стоитъ») грам. 1367 года, акт. юр. № 125), но здѣсь сокращеніе произошло должно быть въ соотвѣтствіе выраженію «до тѣхъ мѣстъ». Въ «сваполъ» (грам. лит. 1387 года у Срезн. 267) вѣроятно произошло сокращеніе изъ «сваполъ», по аналогіи съ «св онъ полъ».

Есть примѣры выпаденія гласныхъ съ предшествующимъ сокращеніемъ. Изъ «коликко», «толикко» вышло «колько», «только»: новгор. гр. 1327 года: «сколько боудеть даль» Шахм. 262; изъ «алюбо» образовалось «альбо»: «хто коли сюю грамоту видить алюбо слышитъ» грам. 1387 г. литовская, у Срезн. 266, «алюбо братъ, алюбо ингыє которые люди» ів., «русинъ алюбо руска» гр. 1349 года Смирн. стр. 59, «продати, алюбо кому дати, алюбо къ монастырю придати» гр. 1492 года Смирн. 100, — напротивъ: «рѣкою Пѣмною алюбо сухимъ путемъ» грам. 1576 года Смирн. 122. Изъ «дѣла», употребляемаго въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, образовалось «для», несомнѣнно

посредствомъ промежуточнаго *«дела», *«дѣла». Изъ бывшаго «нынѣча» вышло черезъ «нынеча» и «нынича» (въ моск. грамотѣ 1433 года, гос. гр. I, № 49—50: «что ми са еси нынеча отступилъ», «что ти са есмь нынича отступилъ») нынѣшнее «нынча, нынче». Формы «старшій», «старшина» вышли изъ «старѣишии, старѣишина» посредствомъ «старишій, старишина, старишинство»: въ московской грамотѣ 1389 года I, 61 «старишему», тамъ же I, 58 «на старишини путь», въ гр. 1433 года I, № 49, стр. 100: «въ старишинствѣ».

Не думаю, что бы случаи добавочнаго *и* въ началѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ сочетаній могли быть объяснены простымъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ предлоговъ «изъ» и «съ», какъ это кажется проф. Соболевскому на стр. 77. Наклонность языка къ такому *и*, должно быть, предшествовала упомянутому смѣшенію двухъ предлоговъ. Примѣры, попадающіеся въ грамотахъ юго-западнаго края: «при воеводѣ илвовскомъ» (1371 года), «воевода илвовъскыи» (1400 года), «илвовского мѣста» (сучав. грам. 1407 — 1434 годовъ), свидѣтельствуютъ о томъ, что это *и* является и помимо предлога «ис», хотя послѣдній случай самый обыкновенный; сл. «ис королемъ» 1340 года, «ислювѣемъ», «исполна», «оучинити исправу ис нимъ» тамъ же; «пони ис татары» 1349 года Смирн. 59.

Проф. Соболевскій полагаетъ, что примѣръ «рыку» не имѣетъ ничего общаго съ прочими случаями сокращенія, и потому выпаденія гласной внутри слова. По моему это не совсѣмъ вѣрно. Указаніе на чешскій языкъ, гдѣ тоже имѣется «ѣки» не заключаетъ еще въ себѣ доказательства, что *ь* въ настоящемъ времени глагола «реку» относится къ древнѣйшей обще-славянской эпохѣ. Если бы это было такъ, то мы ожидали бы во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, стало быть и южно-славянскихъ, формы, производимыя изъ «ръкж», какъ мы дѣйствительно находимъ въ сербскомъ мрѣм, трѣм (и тѣрѣм). Формы «рку», «ркомый» и т. д., встрѣчающіяся въ древнорусскихъ памятникахъ очень часто, развились подъ вліяніемъ аналогіи повелительнаго

наклоненія, какъ въ русскомъ такъ и въ чешскомъ языкѣ, но въ каждомъ самостоятельно. Къ глаголу «ръку» можно прибавить также инья формы глагола «жеци—жегу»: и здѣсь языкъ русскій чаще сокращаетъ коренное *евъ ъ*, чѣмъ церковнославянскій.

Вмѣсто «пуговица» встарину писали правильнѣе пугвица (сл. Калач. юр. б. I. 563); нынѣшняя форма слова образовалась, должно быть, подъ вліяніемъ параллельной формы пуговка.

Къ очень коротенькой замѣткѣ относительно стяженія гласныхъ (на стр. 79) прибавимъ слѣдующее. Авторъ относится черезъ-чуръ скептически ко всѣмъ примѣрамъ стяженія, найденнымъ имъ въ памятникахъ. Допустимъ, что примѣры его дѣйствительно не заслуживаютъ большого довѣрія, но есть вѣдь другіе, вполне убѣдительные. Въ московской грамотѣ 1433 года (гос. грам. I, № 49—50, стр. 104) два раза написано «сказывашь»: «а что сказывашь зналъ еси», «на кабалахъ, сказывашь, то серебро еси подписалъ». Повтореніе той же формы ставитъ ее выше всякихъ подозрѣній; какъ вставка, въ родѣ «бишь» (т. е. баишь), она легче всего поддавалась сокращенію, такъ что «сказывашь» можетъ быть не настоящее стяженіе, а сокращеніе быстро проносимаго: сказываешь: сказывайшь: сказывашь. У автора не указанъ ни одинъ примѣръ употребленія словъ «инъ», «ини», «ино» въ смыслѣ и значенія «и онъ», «и они», «и оно» во второй части сложнаго предложенія или періода. Мнѣ кажется, что здѣсь «инъ» дѣйствительно образовалось, хоть и не стяженіемъ изъ «и онъ», такъ выпаденіемъ *о* какъ менѣе важной гласной, чѣмъ союзъ *и*: «а си грамота аже будетъ князю нелюбв, инъ отошлетъ» № 31 стр. 53, 1371 года, «а будетъ князь.. съ литвою въ любви, ино и Олегъ.. въ любви» № 32 р. 54, 1381 года; «а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинать» № 33 стр. 56, 1388 года, «а тѣ (т. е. земли) хто възможеть выкупити, инѣ выкупать; а не възмогутъ, инѣ потанутъ къ чернымъ людемъ» ib. «а потомъ инна дастъ (sc. княгини)» № 39, 1406 года.

VIII.

«Исторія согласныхъ звуковъ» (стр. 80 — 104) построена по той же мало удовлетворяющей системѣ, какъ исторія гласныхъ. Намъ пришлось бы повторить нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя уже выше (см. на стр. 30—31), если бы захотѣли войти въ подробности. Изложеніе касается сначала «слѣдствій исчезновенія глухихъ», они представлены въ столь обширныхъ размѣрахъ, что почти всѣ звуковыя перемѣны, относящіяся къ согласнымъ, вытекаютъ изъ одной этой причины. Нельзя дѣйствительно отрицать, что «исчезновеніе глухихъ» отозвалось въ языкѣ, не сразу, а мало по малу, длиннымъ рядомъ сближеній между согласными, состоявшихся послѣ паденія бывшихъ перегородокъ. Но только не многія изъ этихъ сближеній водворились въ языкѣ какъ общее правило не только для устнаго произношенія, а также для передачи въ письмѣ (напр. «здравъ — здоровъ»); въ большинствѣ случаевъ сближеніе ограничивалось устнымъ произношеніемъ, въ письмѣ же мелькаютъ слѣды его лишь какъ ускользнувшія отъ вниманія писцовъ исключенія. Казалось бы, оба эти случая не должно смѣшивать; но у автора различіе между примѣрами какъ «здоровъ» (вм. бывшаго «съдоровъ, сдоровъ») и «з дѣтьми, з голода» (вм. съ дѣтьми, съ голода) не проводится. Въ живомъ произношеніи языкъ подчиняется физиологическимъ законамъ, которые и въ наиболѣе усовершенствованномъ фонетическомъ правописаніи могутъ быть лишь отчасти выражены. Въ древнерусской письменности историческое уваженіе преданія было сильно развито; правда, что историческая переимчивость такимъ образомъ застлала многія физиологическія особенности древне-русскихъ нарѣчій, но не надо вѣдь забывать, что этотъ недостатокъ, чувствительный для филологовъ, окупался той громадною службою, которую онъ сослужилъ идеѣ народнаго единства. Живучесть же этой идеи не въ малой степени зависѣла отъ единства культурно-

религіознаго, въ которомъ языкъ всегда игралъ видную роль. Итакъ историкъ языка безъ ропота беретъ на себя кропотливый трудъ отыскивать слѣды древнерусскаго произношенія по немногочисленнымъ, лишь случайно и для самого писца незамѣтно ускользнувшимъ отступленіямъ отъ литературнаго преданія. По этому конечно и я не отрицаю значенія для исторіи древнерусскаго произношенія такихъ не очень многочисленныхъ «описокъ», какъ «тъчеръ» — «тъчери» лавр. лѣт. 74, «лотка» (вм. «лодка») акт. юр. № 18, стр. 37 (1530 г.) или «за хрептомъ» *ibid.* стр. 275 (1512 г.), или «дорошкою» акт. юр. кал. I, 49, и т. д.

Нельзя сказать, чтобы въ лекціяхъ проф. Соболевскаго было много сдѣлано для достиженія этой цѣли. Подъ заглавіемъ «ассимиляція и диссимиляція» приводится нѣсколько заурядныхъ примѣровъ, вовсе не исчерпывающихъ предмета. Напримѣръ переходъ безгласнаго *c* въ голосовое *z* вовсе не такъ важенъ передъ *b, g, d*, какъ передъ гласными, и передъ *l, r, m, v*, гдѣ онъ указываетъ на различія нарѣчій. Въ великорусскомъ нарѣчій говорится «сверхъ». въ малорусскомъ «зверхъ»; это такая же разница какъ въ этомъ же пунктѣ между нарѣчіемъ сербохорватскимъ и словенскимъ. Въ «лекціяхъ» по исторіи русскаго языка о ней говорится не здѣсь, какъ ожидали бы, а вкратцѣ намекъ сдѣланъ на нее на стр. 77, между тѣмъ какъ о предлогѣ «одъ» вм. *отъ* упомянуто именно здѣсь, на стр. 82. Эта непослѣдовательность автора можетъ произвести невѣрное впечатлѣніе, какъ будто бы оба явленія не были однородны. О переходѣ звука *к* въ *х* говорится два раза отдѣльно, тогда какъ было бы лучше подвести примѣры «хто» вм. «кто» и «махкій» вм. «маккій» подъ одну группу. Для прилагательнаго «лахкій» не указано даже ни одного примѣра; приведемъ хоть бы слѣдующій, изъ одной литовской грамоты 1456 года: «авыхомъ имъ мыта полехчили», въ рязанской кормчей 7а читаемъ: «вблекчаемъ». Стоило также рядомъ съ «хто» указать на «лахти», напр. въ Домостроѣ («лахти свои оутверждаетъ на вретено») или «Ѡ лохти» Тихонр. нам. отреч. II. 359, и даже въ предлогѣ: «что х тому селцю и к

деревне потагло» въ акт. Калач. I, 449 (1479 — 1556). Гдѣ о переходѣ *к* въ *и* рѣчь идетъ, не слѣдовало обойти молчаніемъ предлогъ «поперегъ» (вм. «поперекъ»), встрѣчающійся уже въ одной юго-западной грамотѣ 1340 года; сл. также акт. юр. № 11 стр. 23 (1504 г.): «поперегъ рѣчки», тамъ же № 19 (1532 г. стр. 39) «поперегъ пола», № 150 стр. 167 (1554 г.) «поперегъ волотца». Появленіе звука *и* здѣсь объясняется, должно быть, такъ же какъ *з* въ «черезъ» вм. «чересъ» («черезъ верестіе», «черезъ дорогычинъ» и рядомъ «чересъ мелникъ» грам. лит. кн. 1341 г. Смирн. № 54), т. е. число случаевъ, гдѣ подаваясь вліянію существительныхъ, съ голосовыми согласными въ началѣ, состоялось уподобленіе стоявшей въ концѣ предлога согласной, переходомъ безгласной въ голосовую, увеличилось на столько, что говорящіе и пишущіе привыкли послѣднюю форму предлога считать нормальной. Я убѣжденъ, что и слово «четвергъ» не образовалось суффиксомъ *изъ*, какъ иные полагаютъ, а вышло изъ косвенныхъ падежей, гдѣ сначала произносилось «четвъртка», потомъ «четверка́», и наконецъ «четвергá»¹⁾; изъ косвенныхъ падежей вынуть по аналогіи именительный «четвергъ» вм. «четвертокъ». Въ памятникахъ XV вѣка попадаются еще обѣ формы: въ грамотѣ югозап. 1422 года «четвертокъ», въ такой же 1426 года «четвергъ».

Къ различнымъ переходамъ, выходящимъ наружу при сочетаніяхъ съ небными, шипящими, согласными не прибавленъ часто встрѣчающійся случай замѣны *ш* звукомъ *ч* послѣ зубныхъ согласныхъ, на чемъ основано нынѣшнее правописаніе «ветчина» вм. прежняго «ветшина», о которомъ я обширно распространился въ моемъ «Архивѣ» IX, 314. Сличи въ акт. юр. 126 «ветчанъ», тамъ же 249 «молодчнхъ», тамъ же 47 «покрадчи», тамъ же 30 «залетчи» вм. «залѣзши», и «перелѣзчи» вм. «перелѣзши», акт. арх. эксп. I, 389 «прочетчи», «ѣдчи» Кал. I. 195. Тамъ же

¹⁾ Мягкость *р* видна изъ такого примѣра: «четвъртъкъ» мон. уст. XII в. Ср. 184.; въ кормчей XIII в. пишутъ рядомъ «четвергъ» и «четверкъ» Ист. библ. VI. 122, 123.

мною объяснено также нынѣшнее «богаче» вм. «богатче» (изъ «богатше»). Не упомянуть также случай перехода группы *скъ* въ *ше* (вм. *сштъ*), засвидѣтельствованный витебскою грамотою около 1300 г. (у Срезн. стр. 240 — 241): «оу Витевьще», «оу Гмоленьще»; сл. «щеголь», вм. «сцѣгль», (серб. цѣгли); *ш* послѣ зубныхъ упрощается въ *ч*: «шестеры корота тчанны» (вм. дчанны, акт. юр. Кал. I. 225, 1561 г.), «поручикъ» писалось прежде «порутчикъ» (акт. юр. Кал. I. 263, 1646 г.) вм. «поручцикъ»; *ч* передъ *н* слышится какъ *ш* въ нынѣшнемъ «конечно» и т. д., поэтому въ акт. юр. № 259, 1551 г. «останошнемуъ взять останошной и жеревей»¹⁾, сл. Срезн. м. п. № 27: «ключникъ»; Калач. I. 283 «обышныхъ», 293 «пушешная», 361 «урошны», 520 «мелнишого».

Переходъ *тс* въ *ц* не совсѣмъ то, что переходъ *жс*, *шс* и *чс* въ *с*, *ц*; въ первомъ случаѣ собственно и нѣтъ утраты звука, такъ какъ *тс* слилось въ одинъ звукъ *ц*; напротивъ въ *жс*, *шс* и *чс* (т. е. *тшс*) мы замѣчаемъ утрату шипящей согласной, уступившей передъ свистящей. Къ примѣрамъ, приведеннымъ на стр. 81, прибавлю еще: «съ онѣскіе (вм. онѣжскіе) сторонкы» акт. юр. 127, «мускин» (вм. мужскій) акт. Калач. I, 57.

Наоборотъ въ «шести» *ш* поглощаетъ *с* и образуетъ косвенные падежи «шти» (вм. шьсти), сл. у Собол. стр. 51 или въ псков. лѣт. I, 302 «шти лѣтъ», Калач. I. 86 «со шти сотъ».

Къ случаямъ выпаденія согласныхъ можно бы прибавить еще много различныхъ примѣровъ. Между прочими обращаетъ на себя вниманіе число «седмь», существующее въ формѣ «семь» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ остр. ев. 19 а «въ годниж семжжъ», въ изб. 1073 года 196 d «данин семь», мин. 1096, стр. 71: «семаго съвора», въ гал. ев. 1144 г. «семь» (Бусл. Хр., стр. 45, Амфил.), въ надписи 1161 года «семию съворъ»; въ снп.

¹⁾ Нигдѣ я не наткнулся въ «лекціяхъ» на замѣчательный новгородизмъ «сторевъ» вм. «здоровъ»: «придоша сторевн» новг. лѣт. I, фотолит. 25, 101, «придоша сторевн всн» ib. 72, 76, «сами сторевн всн коротншася» 87. И въ лужицко-сербскомъ языкѣ говорится «strowy».

патерикъ (Срезн. свѣд. м. п. № 82, стр. 51) «часъ семъни», усп. соб. сб. «семакъ нево», «семаго небесе» Библ. м. I. 16, 17. Ср. въ моск. грамотѣ 1389 года: «полъ сема рублю» Г. Гр. I. 61. Выпаденіе *д* въ словѣ «горазно» встрѣчается гораздо раньше, чѣмъ указано въ лекціяхъ, а именно въ послѣсловіи Остромирова евангелія: «горазнѣю». Стоило указать также на выпаденіе *з* въ нынѣшнемъ малорусскомъ «зозуля» и «зазуля», бѣлор. «зязуля» вм. «зэгзуля» при старомъ «зэгзица» въ словѣ о П. Игор. изд. Потехни 134—135, и въ глаголѣ «разнѣвати»: «разнѣвавъ же са вѣ» изб. 1073, 145 с., «азъ ражнѣвахъ са» 99 а, сл. у Срезн. малоизв. пам. № 32 (стр. 28): «ражнѣва са», житіе Савы 313 «разнѣвавъ са». Это выпаденіе, случавшееся только иногда, напоминаетъ нынѣшнюю особенность русскаго языка не произносить *з* передъ *н* въ: «двинуть, тянуть»; на повѣрку выходитъ, что уже въ XIII вѣкѣ такое *з* выпадало: «вамъ потанути» Шахм. 244 (гр. новг. 1294—1301), но не всегда: «не тагнеть» Шахм. 250, «тагнуло» ib. 251; ср. въ моск. гр. 1388 г. I. стр. 56: «нонѣча потануть», акт. юр. Калач. I. 91 «потануть», ib. 112 «не танутъ» (1471 г.).

Если припомнимъ примѣръ «обязать», то конечно каждому понятно, что тутъ изъ сочетанія *бѣ* вышло *б*; но не мѣшало бы указать на подобнаго же рода примѣръ въ глаголѣ «обѣстити» (лучше «вѣстити»), вм. *овѣстити*: «и овѣстилъ ся тебе» витебск. грам. ок. 1300 у Срезн. стр. 241, руссколив. акт. стр. 27, сл. въ грамотѣ смоленской 1229—30 г. по рукописи D. E. F: «нъ переже обѣстити (vl. вѣстити) емоу» русск. лив. акт. 435. Укажу еще на особенный случай выпаденія *в* въ слѣдующемъ примѣрѣ: «съ верли» акт. юр. 123, (вм. «верли»).

Замѣчу кстати, что мнѣ не кажется правдоподобнымъ производство глагола «очнуться» изъ «очхнуться», я думаю, что «очнуться» вышло изъ «очутнуться» — «очунуться», съ слѣднимъ сличіи глаголь «съчнунутиса» или «същчнунутиса» въ Истор. библ. VI. 837.

Не упомянуто объ одномъ нѣсколько загадочномъ случаѣ

вставки согласной. Уже въ Остром. евангеліи 103 а читаемъ «змлижъ», Востоковъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе въ словоуказателѣ, что «змлиа» не есть описка, ибо оно встрѣчается и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. Дѣйствительно могу указать по крайней мѣрѣ на слѣдующій примѣръ у Срезневскаго, стр. 196: «плѣзеть акы змлиа» (изъ Златоструя XII вѣка).

Въ особенности же можно было ожидать, что авторъ не забудетъ или здѣсь, гдѣ о вставкѣ согласныхъ рѣчь идетъ (стр. 83), или тамъ, гдѣ разсказывается о переходѣ *в* въ *у* и наоборотъ, разъяснить интересный случай согласной *в* въ оборотахъ: «вотчина», «вудѣль» и «вопчій». Такъ какъ эти примѣры попадаются въ московскихъ грамотахъ, то нѣтъ другого болѣе естественнаго объясненія для *в*, какъ сказать, что это формы, сросшіяся изъ существительнаго или прилагательнаго и предлога *въ*, т. е. изъ именительнаго «отчина» вышло въ винит. падежѣ «в-отчину» и въ мѣстномъ «в-отчинѣ»; изъ «удѣль»: винит. падежѣ «в-удѣль», мѣстный падежѣ «в-удѣлѣ». Потомъ же привыкшіе къ оборотамъ «в-отчину», «в-отчинѣ», и «в-удѣль», «в-удѣлѣ», вынули отсюда новый именит. падежѣ «вотчина», «вудѣль». Этотъ ходъ развитія можно доказать примѣрами: въ древнѣйшихъ моск. грамотахъ читаемъ «своя отчина» № 27 стр. 44, 1362 г., № 35 стр. 63, 1389 г., «отчиною» № 22 стр. 33, 1328 г., № 25 стр. 39, 1356 г., № 26 стр. 41, 1358 г., № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 58, 1389 г., «отчинькѣ» № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 60, 1389 г., «отчиною» № 34 стр. 59, 1389 г.; первый же примѣръ съ *в* какъ разъ мѣстный падежѣ, съ пропускомъ даже предлога *въ*, который чувствовался еще въ словѣ, начинающемся съ *в*: «что буди судилъ когда въ великомъ княженьѣ и вотчинѣ въ своен на Москвѣ» № 24 стр. 38, 1353 г.; въ грамотѣ № 29, 1371 года, пишутъ уже: «въ вотчину», «въ мои вотчинѣ», «на своен вотчинѣ», «вотчины моее» (2 раза) стр. 49—50. Потомъ уже чередуются примѣры съ *в* съ примѣрами безъ *в*, напр. въ грамотѣ № 38, 1405 года: «въ вотчину» (5 разъ), «вотчинькѣ» (3 раза), № 39, 1406 г.: «отчиною», № 41, 1423 г. «своею

вотчиною» (2 раза), № 43—44, въ первой половинѣ постоянно «отчину», «отчинъ», «отчинѣ», «отчиною», только разъ «въ вотчину»; во второй же половинѣ постоянно съ *ѳ*, только разъ «съ отчиною» и т. д. То же самое повторяется при словѣ «удѣлъ»: въ древнѣйшихъ грамотахъ еще безъ *ѳ*: «твоя удѣлъ» № 23 стр. 36, 1341 г., «въ удѣлъ» № 29, стр. 49, 1371 г., «въ твоя удѣлъ» № 27 стр. 44, 45, 1362 г., «въ твою удѣлъ» № 23 стр. 36, 1341 г., № 27 стр. 44, 1362 г., № 33 стр. 56, 1388 г., и т. д., «удѣла» № 33 стр. 56, 1388 г., № 34 стр. 58, 1389 г., *ib.* стр. 59, *ib.* стр. 60 и т. д.; первый примѣръ съ *ѳ* опять какъ разъ при предлогѣ *въ*: «въ удѣлъ» № 35 стр. 63, 1389 г., «въ удѣлѣ» *ib.* 63, 64 (но рядомъ еще: «въ нашихъ удѣлахъ», «съ удѣла»). И это слово потомъ чередуется съ *ѳ* и безъ *ѳ*: въ грамотѣ № 38, 1405 г. «въ удѣлъ» рядомъ съ «въ удѣлѣ» и «удѣла»; № 43 стр. 87, 1428 г. «въ удѣлахъ», № 46, 1433 г. «въ тотъ удѣлъ», № 49 стр. 100, 1433 г. «въ вотчину и въ удѣлъ». Стоитъ привести еще слѣдующій примѣръ № 54—55, 1434 г. «въ вотчину и въ удѣлъ удѣла дяди нашего», изъ котораго видно, на сколько оборотъ «в-удѣлъ» сталъ — постоянной формулою. Такимъ же путемъ изъ «опричь» (№ 35 стр. 64, 1389 г. или № 43 стр. 87, 1428 г.) образовался оборотъ «вопришину» № 39 стр. 73, 1406 г. (можно бы читать также «впришину»). Что касается до «опричь», то вѣроятно здѣсь совпали два различныя выраженія въ одной средней формѣ: «опрочѣ», «опрочъ» и «оприсно» («оприсно того же села» № 54—55 стр. 113, 1434 г. значить то же самое, что въ другихъ примѣрахъ «опрочѣ»). Рядомъ съ «олыхъ» попадаетъ также «волыхъ»: «на двѣ олхи да съ волахъ на ель» акт. юр. 136 (№ 103, 1540 г.), сл. также въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71) XIV—XV в.: «Вонъчифоръ» рядомъ съ «Онъчифоръ», «Выгната» (вм. «Игната»), «у Вонъдроникова» рядомъ съ «Ондронъ» стр. 110—111.

О вставочномъ *н*, вызванномъ предлогами *съ* и *въ* при глаголѣ «ати», можно было еще кое-что сказать для поясненія формъ, бывшихъ въ употребленіи встарину. Укажу на существительное

«натець», согласная и котораго стоитъ въ связи съ чутьемъ языка для происхожденія этого слова изъ сложныхъ глаголовъ, оканчивающихся на — «нать», моск. гр. № 44, стр. 87, 89: «хто будетъ натцевъ изнимаѣ», № 35 стр. 64, 1389 г. «натцевъ намъ отпушати». Встарину писалось еще только «сѣмакъшъ» XIII в. Ист. библ. VI, 52, «отынуть» или «отонуть» (моск. гр. 1327. 1328), «отонмати» (1362), «подонметъ» (1380), «вымакъ» (1389), и конечно: «выметьса» акт. юр. 273.

Не подъ «отвердѣнїемъ шипящихъ» (на стр. 94), а подъ заглавїемъ «вставка согласныхъ» (къ стр. 83—84) надо было коснуться такихъ примѣровъ, какъ «ицькло» вм. «изшьло», потому что «ицькло» образовалось изъ «из-шьло», «ис-шьло», «иш-шьло» посредствомъ вставочнаго *т*: «иш-т-шьло», послѣднее упростилось въ «ишткло», какъ «раж-д-женжъ» (изъ «раж-женжъ», «раз-женжъ») въ «ражденжъ». Въ Остром. евангелїи встрѣчается два раза «ицьдъше», «ицьдъше», въ минеѣ 1096 г. октябрьской, стр. 20, 22: «рациве». Параллельное упрощенїе сочетанїя видно въ «въцьто» вм. «въз чьто» въ усп. сб. XII в. Библ. матер. I. 29.

IX.

Смягченїе и отвердѣнїе согласныхъ излагается въ двухъ различныхъ мѣстахъ (на стр. 84—86 и опять на стр. 90—97); все это можно было соединить въ одно цѣлое, распредѣлить лучше и обставить отдѣльные случаи убѣдительнѣе. Но по моему не совѣмъ точно говорить вездѣ о отвердѣнїи согласной, гдѣ вм. прежняго *ѣ* встрѣчается въ письмѣ *ѣ*. Въ такихъ примѣрахъ какъ «снѣдъно» вм. «снѣдно» (стр. 84) вообще *д* никогда и не было мягкимъ. Лучше было бы сказать, что здѣсь *ѣ* исчезло гораздо раньше, чѣмъ оно могло бы подѣйствовать смягченїемъ на предыдущую согласную. Такое исчезновенїе гласной *ѣ* безъ влїянїя на предыдущую согласную зависить конечно прежде всего

отъ качества ея: другое дѣло *л* передъ *ь*, а другое *т*, *д*, *н*, *б*, *в*, *м*, *с*, *з*, и иногда даже *р* передъ тѣмъ же *ь*. Еще до сихъ поръ слышится (съ небольшими исключеніями) «сильный», «вольный», «больной» и т. д., тогда какъ несомнѣнно уже давно говорилось «смутный», «голодный», «дробный», «ровный», «темный», «мирный», «красный», «грозный». Въ синод. кормч. 1282—3 года: «по штиѣ смрти» Срезн. 237; въ моск. гр. 1341 г. «у отна гроба», ипат. 422 «отн слуга», ипат. 433 «днина»; «въ довицалмъ» изб. 1076 Срезн. 144 а, «въ дова» въ жит. Θεодосія XII в. значить то же самое, что «едова». Уже въ церковнослав. языкѣ писалось въ неопредѣленномъ наклоненіи «зѣдати» вм. этимологически оправданнаго «зѣдати», поэтому и мин. 1096, стр. 41. 4: «назѣда», въ изборникѣ 1076 г. «съзѣданому» Срезн. 141 а, и въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «зодчій». Сохраненіе или востановленіе мягкости зависитъ также отъ характера слѣдующаго слога, напр. при суффиксѣ *ьба* замѣтно большое расположеніе къ мягкости: «свадьба», «ходьба», «косьба», «борьба»; поэтому и «волъжба» (вм. «волшьба», сл. «волшебникъ»): «се естъ твонмъ волъжбамъ поспѣшникъ» XVI в. Тихонр. II. 118.

Можно жалѣть, что правописаніе древнихъ памятниковъ, передающее слоговое *р* иногда черезъ *ерь*, гдѣ *ь* обочначаетъ конечно мягкость плавной, не принято во вниманіе для опредѣленія случаевъ мягкости: «перьстѣ» добр. ев. 1164 г. Бусл. хр. 59, «перьстѣ» прол. 1262 г. у Погод. табл. 13 въ свиккѣ, «перьстень» Срезн. мал. пам. № 31, XII в.; «горсть перьсти» XVI в. Бусл. хр. 742, «оскъверниша» сб. XII в. Срезн. 186; «дерьжаву», «дерьзну» силъв. сб. XIV в. Срезн. сказ. о Бор. и Гл. 39, «перьсеухъ» патер. 1432 г., «въ терьни» гал. ев. Срезн. м. п. № 69, «стерьгающе», «прискерьвна» ib., «прозерьливима», «шверьже», «верьтепъ», «ис перьва» ник. черн. XII—XIII в. Срезн. м. п. № 55, «недѣлѣ керьвнѣша» Ист. библ. VI. 97, «перьвою» ib. 119 (XIII в.), «дерьжи» жит. Сав. 237, «възерьзи» ib. 249, «ис церьнигова» новг. лѣт. I. 116, «съвъръши» 118; «перьвини» лавр. лѣтоп. 19 (6370 г.), «очерьвлена» ib. 79 (6488 г.), «дерь-

жить» ипат. 541, «дѣръжахуся» ib. 406, «дѣръзнувъ» ib. 436, «свѣръзи» ib. 401, даже «корьзномя» ип. 401, какъ въ евангеліи 1266 года (галицкомъ) часто «на литорьгии» и т. д. Здѣсь можно дѣйствительно говорить о секундарномъ смягченіи согласной *р*, сличить же объемъ подобныхъ случаевъ по древнимъ памятникамъ съ нынѣшнимъ произношеніемъ становится насущной потребностью въ исторіи русскаго языка.

Мягкость окончанія творительнаго падежа единственнаго числа исчезла въ произношеніи должно быть очень рано, т. е. вѣроятно уже въ XI—XII вѣкахъ трудно было отличать ее. Правда, въ памятникахъ этого ранняго времени различіе между *мь* творительнаго ед. ч. и *мъ* дательнаго мн. ч. выдержано еще довольно послѣдовательно, но на меня оно не производитъ впечатлѣніе факта, взятаго изъ живого языка, а скорѣе кажется соображеніемъ теоретическимъ, подражаніемъ привычкѣ и преданію, водворившемуся рядомъ съ прочими данными церковнослав. языка. На эту мысль наводятъ меня довольно многочисленныя отступленія даже въ такихъ памятникахъ, въ которыхъ впрочемъ нельзя говорить о строгомъ соблюденіи церковнославянскихъ орфографическихъ приемовъ. Оказывается, что писцы очень часто путали окончаніе дат. падежа *омъ* съ окончаніемъ творительнаго *змь* (сл. Козловскій, Исслѣд. о языкѣ Остр. ев. 118); иногда писали въ твор. падежѣ *змъ*, и на оборотъ въ дательномъ *омь*¹⁾; особенно часто употреблялось въ прилагательныхъ окончаніе *ымь* безразлично какъ для дательнаго падежа мн. числа, такъ для творительнаго ед. числа. Для послѣдняго случая укажу на многочисленные примѣры въ минеѣ 1095 г.; по моему изданію сл. 064.20, 090.1, 094.1, 0100.15, 0101.19, 0106.13, 0114.14, 0116.21, 0127.8, 0129.5, 0135.9 и т. д.

1) Дательный мн. числа «народьмъ мѣташтѣмъса» изб. 1073, 97с можно считать правильной формой основы *ъ/ч*, но тамъ же 105 а «ратьникъмъ въслѣдоуеть» — смѣшеніе дательнаго мн. ч. съ творительнымъ ед. ч.; а въ доказательство окончанія *змь* для этого падежа, приведу оттуда же примѣръ: «соудьмъ правьдънымъ боженемъ бьвати» (хрісти дихаѣ).

Хорошо сдѣлалъ авторъ, что отнесъ къ случаямъ «отвердѣнія согласныхъ» также окончаніе 3-го лица ед. и мн. числа на *тъ* вм. старшаго *тъ*. Безполезно мудрствовать, какъ это дѣлаютъ лингвисты, не имѣющіе понятія объ исторіи русскаго языка, гдѣ фактъ на лицо; отъ проф. Соболевскаго можно было ожидать лучшаго, и онъ оправдалъ наши ожиданія, признавъ фактъ фактомъ, приобрѣтающимъ нѣкоторое объясненіе параллельными явленіями. Самые ранніе примѣры пренебреженія окончаніемъ *тъ* являются въ возвратныхъ глаголахъ въ видѣ формъ оканчивающихся на *-тся*; пропускъ гласной *ь* въ этомъ случаѣ встрѣчается уже въ памятникахъ XIII вѣка.

Къ стариннымъ случаямъ отвердѣнія принадлежитъ союзъ «донде» или «дондеже» вмѣсто «донъдеже» (изъ до-идеже). Въ остром. ев. пишется еще съ *ь*, но уже въ изборникѣ 1073 г. 152 с: «донъдеже», въ минеяхъ 1095—7: «донде» 083.8, «донъдеже» 135.14, «дондеже» (vI. донъдеже) 402.3. Несочувствіе *н* мягкости выходитъ наружу въ такихъ словообразованіяхъ, какъ «сонмъ», «сонмище», въ прилагательныхъ: «деревенскій» (при «деревня»), «конскій» (при «конь»), «свинскій», «свинство» «лонскіи» (при «свинья», серб. «свињски», «свињство», «лањски»). Для твердаго окончанія *-нз* въ родительномъ падежѣ мн. числа существительныхъ ж. р. на *-ня* у меня отмѣченъ примѣръ съ конца XV столѣтія: акт. юрид. № 6 (о. 1490 г.) стр. 12 «вашихъ деревенъ», сл. ів. № 81 (1541 г.) стр. 123 «семь саженъ», ів. № 19 (1532 г.) стр. 40: «земель и поженъ», ів. № 191 (1601 г.) «поженъ» (отъ «пожня»), сл. также уменьшительное «поженка» ів. № 83 (1550 г.). По всей вѣроятности не чисто русскимъ словомъ считалось «надро» (вм. «нѣдро», «надро»), примѣръ котораго «въ надрѣхъ» читаемъ въ одномъ памятникѣ XV вѣка: Истор. библ. VI. 864.

Не указанъ въ лекціяхъ примѣръ отвердѣнія окончанія «за» (собственно *за*) въ словѣ «польза»: въ Остр. еванг. род. падежъ ед. ч. еще только «польза» (или «пользѣ»), Марк. V. 26 въ реймск. ев. «пользѣ», но въ галицк. ев. 1144 г. уже «пользъ»

(точно такъ Ио. VI. 63); поэтому и въ глаголѣ вм. прежняго «пользевати» галицкое ев. пишетъ Марк. VII. 17: «пользовалъ късі» (точно такъ Матѳ. XV. 5). Въ житіи Θεодосія XII в. 1 d тоже: «испланъ бо късть пользъ»; въ вопросахъ Кирика, по списку XIII вѣка: нѣсть ти пользъ» (Истор. библ. VI. 61). Параллельное существительное «стъза» осталось мягкаго окончанія, поэтому гал. ев. Матѳ. III. 3, Марк. I. 3, Лук. III. 4, пишетъ «стъза»; въ южнославянскихъ (напр. дечанскомъ, карпинскомъ) пишутъ уже въ XIII столѣтіи «стъзы».

Говоря о случаяхъ отвердѣнія мягкаго *s*, авторъ полагаетъ (на стр. 95), что нарѣчіе «отсуду» древнихъ памятниковъ не имѣетъ никакой родственной связи съ нынѣшнимъ «сюда, сюды». Это отрицаніе уже чрезчуръ строго и конечно не оправдано. Въ тожествѣ формъ «сюда, сюды» съ церковнославянскимъ «сждоу» нельзя сомнѣваться, какъ нельзя было бы отрицать, что церковнославянское «въсждоу» и русское «всюду» — одно и то же. Русскія мягкія формы, мнѣ кажется, даже правильнѣе церковнославянскихъ, пренебрегшихъ мягкостью. Вообще мѣстоименія «съ» и «въсь (весь)» сохранили только въ русскомъ языкѣ правильную мягкость, между тѣмъ какъ въ южнослав. нарѣчіяхъ *s* сдѣлалось твердымъ, въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ перешло даже въ *š* вм. *s*. Поэтому въ южнослав. нарѣчіяхъ, въ числѣ ихъ также въ церковнославянскомъ, говорятъ «всакъ», въ польскомъ и чешскомъ «však», и только въ русскомъ осталась правильная форма «всякъ». Формы «сюда, всюду, всякъ» — одинаковы.

Не нравится мнѣ стилизація автора, когда онъ говоритъ, что «въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое то мягкое *r*», (стр. 95). Примѣръ «нерадити» вм. «нерадити» доказываетъ только, что не понимая слова «нерадити» (или «неродити») простонародное слово-толкованіе сблизило его съ «рядъ», «рядити»; нынѣшнія слова «неряха», «веряшливъ» не имѣютъ ничего общаго со старымъ глаголомъ «радити», они производятся естественнѣе отъ слова «рядъ», «порядокъ». Точно такъ я полагаю, что «рушити» пе-

решло въ «рюштити» лишь подь вліяніемъ глагола «рютити». При частомъ колебаніи мягкаго *р* съ твердымъ легко образовались такія неправильныя формы въ простонародіи, какъ «грян иця» или «крясть» вм. граница, красть, но вездѣ видна причина такого смѣшенія. Нынѣшнее «дюжій» образовалось безспорно подь вліяніемъ нерусскаго слова «дюжина», а «стюдень» можетъ быть обязано своею мягкостью слову противоположнаго значенія «теплыи». Колебанію *у* съ *ю* въ словѣ «блудити» конечно причина въ глаголѣ «блюсти».

Къ случаямъ смягченія свистящей согласной съ переходомъ ея въ соотвѣтствующую шипящую я прибавлю еще два слова. Одно изъ нихъ общеизвѣстное «чечевица», образовавшееся изъ «сочевница» ассимиляціею перваго слога ко второму. И въ чешскомъ языкѣ рядомъ съ «sočovice» существуютъ формы «šošovice», «šečovice» и «šocovice». Встарину писали (въ XIII в.) еще только «сочевница», сл. вопр. Кир. въ Истор. библ. VI. 32. Второе слово, соотвѣтствующее старославянскому «слѣма», въ древнерусск. памятникахъ сначала было «солома», но потомъ вышло «шолома»: «взидоша на шолома» спат. 429, «ѣдуще по шоломени» ib. Въ словѣ о Полку Игоревѣ: «о рускаѧ землѣ, уже за шоломанемъ еси» (сл. толкованіе Огоновскаго стр. 50, Потемни 47). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на образованіе этой формы повліяло слово «шоломъ», соотвѣтствующее церковнославянскому «шлѣмъ»: «соима шоломъ» спат. 433, «шоломъ хъ какъ солнцю восходѧщю» 540.

X.

Двѣ выдающіяся черты древнерусскаго консонантизма, мягкость *ш*, *щ*, *ж*, *жд*, *ч* и свистящей *ш*, и постепенное отвердѣніе ихъ, потомъ переходъ глубокогортаннаго твердаго произношенія сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ небномягкія сочетанія *ки*, *ми*, *хи* —

обѣ эти черты заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ имъ въ лекціяхъ. Кажется, не трудно доказать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности — не всѣхъ, но многихъ изъ нихъ — пока еще почти исключительно господствовали всѣ приемы церковнославянскаго языка, мягкость выше упомянутыхъ звуковъ высказывалась гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ современныхъ имъ памятникахъ южнославянскихъ. Стало бытъ это болѣе сильное проявленіе мягкости должно отнести на счетъ не церковнославянскаго языка, а живой среды русской. Оставимъ въ сторонѣ очень распространенную мягкость въ сочетаніяхъ съ ю; ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами сочетаній съ и (гдѣ и не соотвѣтствуетъ носовому звуку), мало употребительныхъ въ южнославянской письменности: «въ одежахъ овчяхъ» изб. 1073 181 b, «прѣвбражакъмъ са» 9 a, «жесточають» 140 b, «ноуждакъ» 13 d, «пораждажъ» 9 a, «моужа погоувить жена любодѣица» 170 a, «часть» 153 a, «отълоучиаса» 183 b, «оумакъчаша» ib., «привлѣжажтъ ми са» 184 a; «влжчарь» изб. 1076 Срезн. 144 a, «мълчаникъ» ib., «чмлати» 145 a, «величаниа» 144 b, «пооучати» 142 a, «прилежати» 144 b, «троужатиса» 144 a, «подражати» 144 b, «държати» 145 a, «въздръжаникъ» 144 a, «оудържаникъмъ» 144 a, «послоушати» 144 b. 145 b., «отъвраштатиса» 144 b, «обраштаюштжса» 144 b, «кръштати са» 144 b, «члѣка воштаса... и слоужашта» 144 a, «прабца нашего» 142 b, «срдца свогго» 142 a, «вес конца» 145 b, «немьръцакъ» 143 a, «въдовицамъ» 144 a, «принциати» 144 б.

Подробныя изслѣдованія должны провѣрить и подтвердить или устранить мое предположеніе, высказанное уже въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 91, «что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ іотованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южнорусскихъ или неновгородскихъ, чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда». Наблюденіе это мнѣ и теперь еще кажется точнымъ, но съ оговоркою, что имѣются южнорусскіе памятники и безъ этой наклонности, т. е. воздерживающіеся отъ

нея, какъ напริมѣръ изъ собранія рукописей князя П. П. Вяземскаго житіе св. Саввы. Этотъ великолѣпный памятникъ южнорусской, можетъ быть прямо кievской родины, соблюдаетъ мягкость шипящихъ только въ сочетаніяхъ съ ю, это же дѣлаетъ въ первой половинѣ рукописи съ удивительною послѣдовательностью «матежу» 25, «оуношу» 33, «чюжа» 77, «къ лицу» 107, «оумершую» 115, «чернцю» 133, «хлѣвницу» 149. 181, «межу» 151, «мажуюцаса» 167, «оусовицу» 175, «старцю» 185, «шепгчюца» 185, «коцюно—» 187, «Агапичю» 189, «заповѣдь старцю» 223, «старцю» 223, «дшю» 229, «плицю» 273. Эта точность соблюдается, покуда «Воронъ псалъ» (до стр. 288); дальше ужъ этой послѣдовательности нѣтъ. А если уже въ одной рукописи замѣтны различныя орфографическія приемы, то тѣмъ паче необходима чрезвычайная осторожность при выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи многихъ памятниковъ, мало изслѣдованныхъ.

Самыя ранніе случаи отвердѣнія шипящихъ выходятъ наружу въ окончаніяхъ словъ; вопросъ только въ томъ, были ли такіе примѣры, какъ въ рукоп. синод. библ. XIII в. (поученія Константина пресвитера) «свъръшонъ», «крыционъ», «кромѣ жонъ» (опис. рук. синод. библ. II. 2. 434) съ самаго начала — сочетанія твердыя? Въ этомъ можно сомнѣваться, имѣя въ виду множество примѣровъ изъ тѣхъ же памятниковъ, гдѣ точно соблюдается мягкость. Напрімѣръ въ грамотѣ смоленскорижской 1284 — 1297 года (р. лив. акты № 34) читаемъ: «чоловека», «чоловѣка», но въ то же время: «рижаны», «жаловилса», «тажа» (именит. ед. ч.), «концати». Или въ витебской грамотѣ около 1300 г. (р. лив. ак. № 49) пишутъ: «жо», «кнажо» «хочомъ», «отъ отчовъ», «шодъ», «шолъ», но въ то же время «если не чували», «горожанъ», «дѣржалъ», «жаловою», «жаловали»; написаніе «слъшъшь», тамъ же, я причисляю къ опискамъ, потому чтъ ъ и ы послѣ шипящихъ тогда еще не писались, это встрѣчается не раньше второй половины XIV столѣтія. На юго-западныхъ окраинахъ Россіи мягкость продолжалась и по пись-

меннымъ памятникамъ гораздо дольше: въ гал. грамотѣ 1393 г. «о дѣланицю» (рядомъ съ «пришодъши»), гр. гал. 1398 г. «свѣдчю», «нашу», въ грам. 1400 г. «жворонковича», «держалъ» «границами», гр. 1403 г. «криницю», гр. 1404: «прислѣшають», «держаніе», «осѣжаемъ», «печати»; гр. 1407: «радцями», «мѣстчанамъ», «львовчанамъ», «держати», «печать» и т. д. (по изданію Головацкаго въ «Науковомъ Сборникѣ»).

Переходъ произношенія *кы, гы, хы* въ *ки, ги, хи* начался очень рано, у Соболевскаго указано довольно много примѣровъ изъ XII вѣка. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло, если скажемъ, что въ живомъ произношеніи уже въ XI вѣкѣ происходило то, что въ письмѣ стало проявляться лишь нѣсколько позже. По крайней мѣрѣ примѣры надежнаго окончанія на *-кы, -кы*, появляющіеся уже въ XI столѣтіи (сл. Соболевскій лекціи на стр. 150), сильно располагаютъ въ пользу предположенія, что въ то же время, когда говорилось «золотѣ женскѣ» 1073. 174 d, или «на воскѣ не ю начрътанѣ» григор. богосл. 188 γ, не произносилось уже *кы, гы, хы* существенно различно отъ нынѣшняго произношенія этихъ сочетаній. Ожидали бы первыя появленія сочетаній *ки, ги, хи* въ памятникахъ южнорусскихъ, гдѣ вообще гортанное произношеніе звука *кы* раньше начало уступать обыкновенному немягкому *ки*. Матеріалъ, собранный въ «лекціяхъ» (на стр. 90—91), какъ будто подтверждаетъ это предположеніе; впрочемъ это можетъ быть простая случайность, потому что другіе памятники, тоже несомнѣнно южнорусскіе, раньше конца XII вѣка этого перехода вовсе не знаютъ. Для примѣра сошлюсь опять на житіе св. Саввы, гдѣ *кы* и *ки* строго отличаются въ первой части рукописи, хотя тутъ же пишется «скитський оціи» 137 (вм. «скитьстини»); только во второй части (со страницы 289) попадаются нѣкоторые примѣры съ *ки*: «халкидонський» 303. 313. 315. 335, «антиохинський» 331, «великий черноризецъ» 371.

Профессоръ Соболевскій отнесъ примѣры окончанія на *-кы* въ склоненіи къ случаямъ вліянія однихъ падежей на другіе (на стр. 145—150); точно такъ примѣры повелительнаго наклоненія на *-ки*,

-ки къ аналогическимъ явленіямъ при спряженіи (стр. 178—9). Я съ этимъ не вполне согласенъ. Исторія этихъ формъ доказываетъ наглядно, что съ одной аналогіею падежей не справишься. Самые ранніе примѣры сочетанія *къ* (вм. *иь*) принадлежатъ спеціальному случаю, когда сочетанію *къ* предшествуетъ согласная *с*; стало быть *с* полныхъ сочетаній «ска - скъ - скы - скоу» явилось первою помѣхою переходу сочетанія *скъ* въ *сикъ*, *ски* въ *сичи* (или въ *стѣ* - *сти*). Этотъ отдѣльный случай не можетъ быть названъ чисто морфологическимъ, хотя конечно аналогія и тутъ приняла свою долю участія, но она стояла на второмъ планѣ, она подвернулась тогда, когда уже понадобился выходъ изъ неудобнаго сочетанія. Нелюбовь же къ сочетанію *сикъ* видна не только въ окончаніяхъ падежей (въ житіи Кондрата «дѣстѣ» старою рукою исправлено въ «дѣскѣ», «въ чърньчскѣмъ житіи» ж. О. 16 с., «въ кдинонь селѣ монастырьскѣ» 25 d, «въ числительскѣмъ чиноу» корм. XIII в. Бусл. хр. 377, «въ печерьскомъ монастыри» новг. лѣт. I. 57, «въ неревьскомъ концѣ» ів. 75, «на ламскомъ колоце» 82, «апостольскѣи цркви» син. патер. (Срезн. № 82, стр. 51), но также въ корнѣ слова: «раскѣпилаа баше» читаемъ въ прологѣ около 1350 г. Срезн. 260, въ лавр. лѣтоп. 173 (фотолит. 119): «сима же тепенома и врадѣю поторганѣ проскѣпомъ», въ ип. лѣт. стр. 207 «поводоста и оскѣпомъ», ів. 512 «оскѣпицю исѣчену»; въ рум. палеѣ 1494 г. (Пам. стар. лит. III 56): «росквеля дети мон». Все это доказываетъ, что главная причина для возстановленія сочетанія *скъ* заключалась не настолько въ аналогической притягательности прочихъ падежей, насколько въ отвращеніи къ *-си*. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, почему при *-скъ* долго еще писали *-иь*, *-иь*, напр. въ смоленской правдѣ 1229 г.: «Смоленѣскѣ» сп. А., «Смоленске» сп. С. Д. Е., но въ то же время во всѣхъ спискахъ «оу Ризѣ», «на верезѣ» (или «верезѣ»).

Аналогія сочетаній *-скъ*, *-ски* потянула мало по малу за собою всю прочую массу примѣровъ, но этотъ поворотъ къ гортанной происходилъ здѣсь медленно, такъ что въ XIV и XV вѣ-

кахъ, судя по различнымъ памятникамъ, писалось еще то и другое рядомъ. Сначала было чаще старое: въ москов. грамотахъ читаемъ: «въ тамзѣ» 1356, «по згадцѣ» 1362, «сность» 1406, «въ вѣжицкомъ верствѣ» ib., «на Волзѣ» 1423, «на поруцѣ» (часто); но въ новгородской грамотѣ 1314 г. уже «на городѣ» Шахм. 257, въ новгор. лѣтописи I. 256 (фотогр. изд.) «по Лугѣ»; въ двинскихъ грамотахъ XIV — XV вѣк.: «на рѣки», «въ путикѣхъ», «по рѣчкѣ», «въ хмельникѣхъ», «на томъ участки», (акт. юр. № 71), «въ томъ ворьке» гр. конца XIV в. Иван. № 8, «при посадникѣ» новгор. еванг. 1463 г. (Погод. табл. II. 10), «къ рѣкѣ» ак. юр. № 11, стр. 22 (1504 г.), но «по дензѣ» акт. юр. Калач. I. 103 (1445—62), «на Волоцѣ» (ib. 105, 1462—4), «по рѣцѣ» (ib. 129, 1423 г.), «в сосназѣ», «в рѣцѣ», «в Волзѣ» (ib. 443—4, 1432—1443 г.), «по дорозѣ» акт. юр. № 7 стр. 13 (1491 г.); въ Ефремѣ Сиринѣ 1377 г. (академическомъ): «Владычкѣ». Перевѣсъ въ сторону возстановленія *к, з* (вм. прежнихъ *ц, з*) былъ значительно поддержанъ, кромѣ общаго вліянія аналогіи всѣхъ прочихъ падежей, еще смѣшеніемъ именительнаго падежа множ. числа съ винительнымъ, вслѣдствіе чего -ци, -зи, -си и здѣсь вышло изъ употребленія. Въ грамотѣ № 17 у Иванова (московской 1449 г.) читаемъ еще по старому «намѣстници мои», но въ грамотѣ № 18 (тамъ же, изъ того же времени) является уже въ качествѣ именит. падежа «вѣ пошлинники».

Опаснымъ считаю ссылаться для мягкости гортанныхъ на единичные примѣры, какъ «кюръ» вм. «куръ» (gallus), или «кюю» вм. кою (Собол. стр. 92); рискуемъ придать значеніе случайнымъ опискамъ. Но на формахъ, подобныхъ примѣру «колке» (вм. колько), можно было остановиться нѣсколько подробнѣе, подобрать въ одно такіе случаи, какъ «на Болхѣвци» грам. хут. 1192 г., въ двин. грамотахъ именит. пад. «Савке», въ новг. лѣтописи «останьке» и т. д. Замѣчу кстати, что не считаю правдоподобнымъ объясненіе нынѣшняго мѣстнаго (южнорусскаго) оборота «въ госці», «аналогією съ двойными формами» окончаній на *-сипъ* и *-стпъ* (изъ

-скт). Объясненіе это предложено Соболевскимъ (на стр. 93). Но какъ могло вліять то, что давно уже стало исчезать въ языкѣ?

XI.

Не захотѣвъ усмотрѣть въ переходѣ *е* въ *у*, и наоборотъ, черту діалектическую, авторъ внесъ данныя этого перехода въ исторію согласныхъ (на стр. 87—89). Съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, потому что въ исторіи консонантизма во всякомъ случаѣ объ этомъ должна быть рѣчь; но мнѣ кажется, собственные слова автора свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ переходъ все-таки и для исторической діалектологіи многозначителенъ, что онъ дѣйствительно характеризуетъ юго- и сѣверозападные говоры или нарѣчія русскаго языка. Вѣдь въ концѣ концовъ надо же допустить, что этотъ переходъ значительнымъ количествомъ примѣровъ ознаменовалъ себя только въ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и псковскихъ, потомъ же въ галицко-волинскихъ грамотахъ и текстахъ, происходящихъ изъ этихъ областей. Стало быть это все-таки черта діалектологическая, нужды нѣтъ, что она свойственна не одному только говору или нарѣчію. Физиологически это явленіе объясняется конечно тѣмъ, что настоящей разницы между *у* и *и* не было, оба звука совпали въ среднемъ *ц* (или *ч*); предпочтеніе же той или другой передачи этого звука въ письмѣ (черезъ *вѣ*—*в* или *оу*—*у*)—по видимому было не совсѣмъ случайное. Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса можно ожидать, что оно установитъ, на сколько возможно, подъ какими условіями обыкновеннѣе происходилъ переходъ *е* въ *у*, подъ какими же, наоборотъ, *у* въ *е*. Бóльшая склонность къ тому или другому, можетъ быть, стоитъ въ связи даже съ различіями говоровъ. По матеріалу, которой у меня подъ рукою, оказывается

какъ будто бы въ сѣверозападныхъ (бѣлорусскихъ) памятникахъ чаще стоитъ *у* вмѣсто *ѡ*, въ южнорусскихъ же къ этому еще присоединяется довольно частое *ѡ* вмѣсто *у*. Такъ уже въ смоленской правдѣ (1229 г.) по списку А читаемъ: «ѡздоумалъ», «оу Ризѣ» или «оу Ризе» (часто), «оу Роусе», «оу Смольнѣскѣ» или «оу Смольнеске», «оузати», «оу дѣвоу», «оу погрѣбѣ», «оу жельза оусадить», «оу дѣлго», «оу холѣпство», «оу верхъ», «оу низъ», «оу мѣсто», «оу городъ», «оусхочеть», «наоуспать», «оу томъ», «оу Рускои земли», «оу латинескои цркви», «оу тѣхъ вѣлѣсти». Въ полоцкой грамотѣ (ок. 1300, у Срезневскаго 240 и слѣд.): «оу Витьвекскѣ», «оу Смольнескѣ», «оузалъ», «оу честь», «оу развонниковоу клетѣ», «оу клетѣ», «оу дворе», «оу рать нти», «оу пироу», «оу ворзѣ», «оу томъ»; сл. также «оу пуднѣи рѣмѣнъ» 1330 г., «оузати» 1330. 1405, «оу рѣскои земли» 1330, «оу Рнгоу» 1330. Въ литовской грамотѣ 1387 г. (у Срезневскаго 266): «оузалъ оу свои рѣки», «оу славоу», «оу син вѣкъ и оу вудущини», «оу низъ», «оу верхъ», «оу сакни доходѣ», «оу литовьскои земли», «оу Полтескѣ не оуступатиса», «оусемь», «оусемъ», «оусехъ», «оусеми», «оусею», «оусее», «оусю», «оуса», «оуси», «оусакни».

Въ южнорусскихъ текстахъ попадаются конечно также примѣры: «оукоупѣ», «оузати», «оустокъ», «оускрича», «оулѣсти оу корабль» (изъ гал. ев. XIII в.) «оудастъ ю оу монастырь», «оусприати», «оу свѣтѣ» (изъ гал. Ефр. Сир. XIII в.); но здѣсь вдобавокъ находимъ еще довольно часто *ѡ* вм. *у*: «вѣмрете», «вѣмъса», «вѣмолю», «вѣготовлю», «во вѣстѣхъ», «вѣ вѣшею вашею» (изъ гал. ев.), «во вѣжасѣ», «вничъжи», «повчахъса», даже «ото-вности» (вм. «отъ оуности»); въ вѣнскомъ октоихѣ: «вѣтроба», «вѣчнѣемъ», «навчѣ», «на вѣса», «во вѣспѣнье». Грамоты южнорусскія чаще пишутъ *у* вм. *ѡ*, чѣмъ *ѡ* вм. *у*, но можетъ быть это предпочтеніе происходило подѣ влияніемъ оффициальнаго литовско-русскаго языка. Все же есть *ѡ* вм. *у* тоже въ грамотахъ галицкихъ (хотя изрѣдка): «вжитковѣ», «вжитки», «вжити тѣхъ вжитковѣ», «вѣ нго брата», «вѣ нхъ сновца» (гал.

грам. 1371 г. наук. сборн. I. 187—8), «везъ одеѣкѣ» (гал. гр. 1400, ib. 199), «оувъ озера» (гал. гр. 1400, ib. 200), «ани вкажетъ» (гал. гр. 1401, ib. II, 37), «вчинили» (гал. гр. 1422, ib. 52, сл. «вчиниша» ипат. 188); «врдника», «вказали», «вровича» (гр. 1421 г. ib. III. 135—6).

Въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтїи) видна въ бѣлорусскомъ нарѣчїи наклонность къ смѣшенїю *е* съ *у* не только съ перевѣсомъ въ сторону *у*, но также съ *е* вм. *у*; послѣднее встрѣчается довольно часто. Въ такомъ видѣ выходитъ наружу языкъ бѣлорусскаго познанскаго сборника, по изданїю А. Н. Веселовскаго. Здѣсь мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ «еже», «едармили», «вчинити», «на влѣ» «вмомъ», «вчы», «навчыш», «вмерлоє», «в него» и т. д. и въ то же время: «у реку», «у гаувокомъ виру», «у сороме», «узавшы», «ушла в ложницу», «узречем», «усхочеш», «узрадовалоса», и т. д. Въ особенности стоитъ указать на *уе* передъ гласными: «уе-одну комору», «уе-окно», «уе-огонь», «уе-одной дуброве», «уе-ынную землю», «уе-очки», «уе-одномъ челоуецѣ», «уе-острове», «уе-островъ», «уе-угле», «уе-ынную цэрков»; изрѣдка: «уевошолъ», «вое покои». Слич. въ ипатской лѣтописи 425: «не увтагли», ib. 423: «во вчаны» (вм. обыкновеннаго «учаны»), или въ галицкомъ Ефремѣ Сиринѣ: «оувъ молитвахъ», «оувъ спасенїи».

Проф. Соболевскїй слишкомъ рѣшительно объявляетъ (на стр. 88), что «въ древнихъ памятникахъ кїевскихъ *у* изъ *е* нѣтъ». Какъ сказано мною выше (на стр. 16), я согласенъ только отчасти. Судя по памятникамъ, которые съ нѣкоторою достовѣрностью могутъ быть причислены къ кїевскимъ, переходъ *е* въ *у* здѣсь не былъ повидимому очень распространенъ, но онъ замѣтенъ все-таки и здѣсь, въ крайней мѣрѣ въ такихъ небольшихъ размѣрахъ, въ какихъ въ памятникахъ новгородскихъ, и если отъ вниманїя автора не ускользнули тѣ нѣсколько примѣровъ новгородскихъ, то онъ не пропустилъ бы привести и доказательства «кїевскїя», если бы принципіально не отрицалъ ихъ. Я выхожу съ другой точки зрѣнїя, поэтому позволю себѣ дополнить

наблюденія его примѣрами «кіевскими». Во первыхъ въ сборникѣ 1073 форма «оуселкнаа» вѣроятно не что другое, какъ замѣна въ звукомъ оу на южнорусскій ладъ («оуселенжж» 9 d, «оуселкнѣи вси зръшти» 48с, «оуселенууж на средоу изведеть» 78с); такимъ же образомъ замѣненъ, кажется, глаголь «въселитиса» въ изб. 1073, 37b: «въшедъше оуселатъса», хотя этотъ примѣръ менѣе убѣдителенъ. Сличы также «въчиненъ» 95 с. 97 с. или «наоугинъ» 252 с.¹⁾ Съ нѣкоторою натяжкою можно всѣ эти примѣры истолковать какъ преданіе церковнославянское, безъ участія въ нихъ южнорусскаго элемента (такъ проф. Соболевскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, II, стр. 353); но я даю предпочтеніе догадкѣ, что по крайней мѣрѣ въ «оуселкнаа» и «въчиненъ», незамѣтно промелькнула черта южнорусская. Въ очень небольшомъ количествѣ примѣровъ видна эта черта и въ другомъ кіевскомъ памятникѣ (по моему мнѣнію), въ житіи св. Саввы (по изд. проф. Помяловскаго): «оу долго время» 221, «въ что въблечемса» (вм. «облечемса», вѣроятно слышалось въ произношеніи «оублечемъ са», что напоминаетъ въ изб. 1073 г. «оускъврнимъса» 28 d, «оучистивъшеса» 38 b²⁾) и «оупрашаше» 381. Замѣчательно, что и этотъ памятникъ раздѣляетъ съ обоими сборниками, 1073 и 1076 года, не часто встрѣчающуюся особенность писать «въгодно» вм. «оугодно»: «помыслы бѣвъгодныа» 27, въ изб. 1073 г. «въгодно» 35 b. 82 a, «въгодитъ» 85 с, «въгодити» 91 с и 1076, 74 a. Ссылка на южнославянскіе примѣры, гдѣ изрѣдка встрѣчается дѣйствительно «въгоднъ», не можетъ еще устранить мысль, что это совпаденіе трехъ памятниковъ южнорусскихъ не случайное. Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ также совпаденіе обоихъ сборниковъ относительно колебанія между «въчинити», и «оучинити», между «въселити» и «оуселити».

¹⁾ Форма «наоугинъ» читается также въ первой новгородской лѣтописи I. 242 (фотол. изд.).

²⁾ «оучинити» равняется южнослав. «оучнштати», находящемуся въ глаголитѣ Клоцовомъ (См. Микл. Lex. pal.).

Къ этому переходу *y* въ *e* и наоборотъ можно было прибавить еще краткое указаніе на особенность югозападнаго нарѣчія снабжать начальное *o*, когда оно вслѣдствіе долготы (или позиціи) черезъ *ō* - *y* - перешло наконецъ въ *i*, въ началѣ согласною *e*: «вѣвця». Примѣры, какъ въ гал. ев. 1266 г. «за воовьца» 150 б, «о одежахъ воовчихъ» 30 б и т. д., доказываютъ, что приставка согласной *e* восходитъ къ очень раннему времени. Нѣсколько примѣровъ вошло съ *e* въ общее употребленіе: восемь, вострый, вотъ (сл. «отъ стон оу тебе» Срезн. малоизв. пам. № 32, стр. 28, еще безъ *e*). Встарину языкъ любилъ такое же *e* и внутри слова: «Левонтинъ» грамот. XIV в. Срезн. № 29, «легивонъ» поликарп. ев. 1307 г., «Ларивонъ посадникъ» Пск. лѣтоп. I. 197, «св. Геворгинъ» гр. дв. по сп. XV в. (акт. арх. эксп. I. № 4).

Если надпись на чарѣ Владимира Давыдовича черниговскаго, которую археологи относятъ къ 1151 году, подлинна, тогда можно бы уже съ нея привести примѣръ слова «всподаръ» безъ *i*!

Что же касается диссиміляціи плавныхъ (стр. 97—8), то эта склонность общеславянская. Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ, прибавлю изъ Срезнев. малоизв. пам. № 31: «халтуларевнъ» (греч. *χαρτουλάριος*); въ житіи св. Саввы въ послѣсловіи: «попъ поломонарь» (*παραμονάριος*), стр. 533; въ рязанской кормчей: «авлириана» 7 б, «авлирианоу» 7 с, въ еванг. XIV в. у Срезн. м. п. № 20 «Фрола», въ грам. галицкой 1398 г. «Хроль», въ грамотѣ 1401 г. «валътромѣа». Не упомянуто современное слово «крилось» рядомъ съ «клиросъ» («крилошаны югозап. г. 1366 г.); сл. также нынѣшнее польско-бѣлорусское «folwark— фольварокъ» (*Vogwerk*). Можетъ быть нѣчто похожее на эту диссиміляцію существуетъ также въ двухъ иностранныхъ словахъ, гдѣ первое изъ двухъ *m* перешло въ *b*: «воухъмитъ» лавр. лѣтоп. подъ 986 г. (эта форма встрѣчается уже въ южнослав. памятникахъ, напр. въ берлинскомъ сборникѣ XIII в.) и «бусурманинъ» (сл. «долгъ бесерменьскъинъ» моск. грам. 1388 г.) вм. «мусульманинъ». Наконецъ можно было ожидать указанія на

замѣну согласной *н* въ началѣ именъ личныхъ согласною *м*, не знаю точно по какой аналогіи это совершилось: «*Микулюю*» ев. новг. 1362 г. посл., «*Микитоу*» новг. лѣт. I. 81, «*Микитѣ*» Срезн. м. п. № 20. 27, и т. д. Вспомнимъ еще старое «*жнчюгъ*»-«*женчюгъ*» при нынѣшнемъ «*жемчугъ*» и «*тамга*» при «*деньга*».

Возстановленіе этимологическаго правописанія, обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что литературнымъ языкомъ умѣли писать лишь люди начитанные въ церковной литературѣ, — вызывало конечно много неправильныхъ толкованій, которымъ и подчинялись писатели. Такъ напр. если въ Папсіевомъ сборникѣ написано «*рѡбчюциа*», «*рѡбчете*» черезъ *в* (Срезн. 274), то это правописаніе придумано подъ вліяніемъ невѣрнаго словопроизводства отъ «*рѡбѣ*». Такъ должно быть сѣверновеликорусское «*охвочь*», «*охвота*» развилось не безъ участія глагола «*хватить*». Уже въ шпат. лѣт. 423 читаемъ: «*оухвотишлса ѣхати*»; въ палеѣ рум. муз. 1494 г. «*оухвочь еси*» Пам. ст. р. л. III. 57. Здѣсь конечно *хв* могло существовать не только въ правописаніи, но и въ дѣйствительномъ произношеніи. Несомнѣннымъ произношеніемъ отзывается бѣлорусское «*борздо*» (въ познанскомъ сборникѣ очень часто: «*ворздо рѡстучи*» 9, «*поведли борздо*» 15, и т. д.), но какъ образовалось это слово вм. ожидаемаго «*борзо*» или м. б. «*бордзо*»? Изъ современнаго языка приводятъ «*баржджѣй*» (сравнит. степень = *врѣжѣ*), въ словарѣ Носовича и у Шейна (№ 90, сл. Карскаго Обзоръ, стр. 77), что тоже указываетъ на «*барздый*» какъ положительную степень.

Этимъ оканчиваются мои замѣтки по исторіи звуковъ русскаго языка. Придерживаясь порядка, въ какомъ изложено предметъ въ лекціяхъ проф. Соболевскаго, я старался кой въ чемъ пополнить изложеніе его данными изъ матеріаловъ, накопившихся у меня въ теченіе лѣтъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ наши взгляды на пныя явленія древнерусскаго языка расходятся, я предложилъ свои толкованія. Я далекъ, конечно, отъ мысли, что мои объясненія вездѣ лучше, что непременно вездѣ такъ,

какъ я объясняю; въ предметъ столь неудовлетворительно до сихъ поръ изслѣдованномъ, недосмотры неизбѣжны.

ХІІ.

Перехожу ко второй части «лекцій»: къ исторіи формъ русскаго языка. И здѣсь прежде всего вынуты «главныя формальныя особенности русскаго языка» (стр. 105 — 119), главнымъ образомъ по отношенію къ церковнославянскому языку. Такими «не существовавшими въ церковнослав. языкѣ» формами считаются: 1) род. пад. ед. ч. и имен. и вин. пад. мн. ч. на *ь* вм. церковнославянскаго окончанія *а*; 2) формы косвенныхъ падежей «членныхъ именъ прилагательныхъ», напр. род. пад. на *-ою*, дат. падежъ на *-ому*; 3) мѣстоименіе «*товѣ* — *тебѣ*» какъ дат. и мѣстный пад.; 4) второе лицо глагола на *-шь*; 5) третье лицо ед. и мн. ч. на *-тъ*; 6) первое лицо мн. ч. на *-ме* и *-мо*; 7) имперфектъ на *-яхъ*; 8) давнопрошедшее, состоящее изъ «*гыль* *късмь*» и причастія на *-лз*; 9) причастіе наст. врем. на *-а*; 10) неопредѣленное на *-тъ*; 11) еще нѣсколько особенностей. Этимъ конечно перечислены не всѣ формальныя особенности русскаго языка, ихъ гораздо больше: но прочія не упомянуты, должно быть, потому что развивались мало по малу, не выступая сразу въ древнѣйшихъ памятникахъ. Напр. несомнѣнною формальною особенностью русскаго языка надо признать совпаденіе существительныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніяхъ мн. ч. на *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*; по характеру происхожденія это такая же особенность, какъ окончаніе имперфекта на *-яхъ* (вм. *-нхъ*), разница только во времени; имперфектъ на *-яхъ* существовалъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, упомянутого же совпаденія всѣхъ родовъ въ одинаковыхъ окончаніяхъ тутъ еще нѣтъ. Но если соображаться съ хронологическими причинами и исключать изъ формальныхъ

особенностей всѣ черты русскаго склоненія и спраженія, не выступившія уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, то надо будетъ, какъ мнѣ кажется, изъ перечня, сдѣланнаго выше, кое что вычеркнуть, напр. пунктъ 4. 8, можетъ быть также 6. и 10.

Не желая казаться придирчивымъ, беру главныя формальныя особенности, какъ онѣ изложены въ лекціяхъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Трудно вѣрить, что сложное склоненіе прилагательныхъ образовалось двумя различными путями, какъ полагаетъ проф. Соболевскій, анализируя форму «добраго» происхожденіемъ изъ «добръ + его» (стр. 107), тогда какъ «добраго» вышло безспорно изъ «добра + его». Не говоря ужъ о томъ, что «добръ + его» едва ли могло бы дать «добраго», но хоть бы и могло, самое предположеніе, что сложное склоненіе прилагательныхъ основано на двухъ различныхъ принципахъ образованія, что формы его колебались между тѣмъ и другимъ принципомъ, заключаетъ въ себѣ столь мало правдоподобнаго, что безъ особенной нужды не должно прибѣгать къ такому объясненію. Не вижу причины отступать отъ обыкновеннаго толкованія формъ «добраго», «добротѣ», «доброн», «добротмъ», какъ аналогій къ склоненію мѣстоименія «того», «тоѣ», «тон» «томъ». Взглянувъ такъ на эти формы, мы легко поймемъ существованіе въ иныхъ падежахъ обѣихъ формъ рядомъ: старой, по настоящему сложной, «добраго», «добротѣ», «добрѣи», «добрѣимъ», и новой, аналогической: «добраго», «добротѣ», «доброн», «добротмъ». Проф. Соболевскій не затрудняется заявить, что «добраго» въ историческое время вѣроятно совсѣмъ и не существовало, но допускаетъ формы «добротѣ» возлѣ «добротѣ», «добрѣимъ» возлѣ «добротмъ»; мнѣ же сдается, если бы живая русская рѣчь уже въ XI столѣтіи не знала формы «добраго», то памятники этого времени отнеслись бы и къ родительному падежу точно такъ, какъ къ дательному, т. е. если бы и не отвергли совсѣмъ формы на *-аго*, такъ по крайней мѣрѣ рядомъ съ ней писали бы также *-ого*. По исключительному употребленію окончанія *-аго* можно догадываться, что эта форма въ XI вѣкѣ еще существовала, даже

преобладала передъ окончаніемъ *-ого*, не вошедшимъ тогда еще въ употребленіе въ такихъ размѣрахъ, какъ въ дательномъ падежѣ окончаніе *-ому*. Почему же раньше произошло вліяніе дательнаго «*тому*» на форму прилагательнаго на «*-уму*», чѣмъ родительнаго «*того*» на форму прилагательнаго на «*-ого*» — это не поддается нашему объясненію. Замѣчательно, что и въ двойственномъ числѣ «*тѣю*» уже въ древнѣйшее время притянуло къ себѣ форму прилагательнаго, преобразовавъ «*доброюю*» въ «*доброю*», между тѣмъ какъ въ винительномъ падежѣ ед. числа держится «*добрюю*» еще до сихъ поръ.

Не знаю, должны ли мы удовлетвориться объясненіемъ, что попадающіеся иногда въ древнѣйшихъ памятникахъ примѣры дат. падежа на «*-ооѣмоу*» и «*-еѣмоу*» и «*-оѣмоу*» не что иное, какъ подражаніе формамъ церковнославянскимъ съ двумя *ѣ* (стр. 109)? Пожалуй, удвоеніе *о* могло дѣйствительно произойти подъ вліяніемъ церковнаго двойнаго *у* (напр. въ мин. праздн. XI—XII в. 36 б «къ божьствѣнооѣмоу», «авленѣоѣмоу» ib. 32 б, въ послѣсловіи мстислав. евангелія: «блговѣрньоѣмоуѣ и хрѣстолювиѣоѣмоуѣ и блгмъ чѣстимоѣмоуѣ»); точно такъ «*ѣоѣмоу*» или «*ѣѣмоу*» могли быть лишь комбинаціею двухъ окончаній: церковной и народной (напр. въ томъ же послѣсловіи: «новѣгородьскоѣѣмоуѣ» или въ изб. 1073. 99 с: «правѣдиноѣмоуѣ ѣѣмоуѣ»). Но что намъ сказать о формѣ на «*ѣоѣмоу*»? какъ понимать напр. изб. 1073, 13 д «къ влцѣшеѣмоуѣ»? Если уже приходилось искусственно соединять народное съ церковнымъ, не слѣдовало ли писать «*ѣуму*» вм. «*ѣоѣму*»? Поэтому можетъ возникнуть вопросъ, не представляетъ ли это «*ѣоѣму*» по отношенію къ церковнославянскому «*ѣуму*» извѣстный моментъ переходнаго развитія? на пути отъ «*ѣуму*» или «*ѣуму*» къ «*ѣму*» не могъ ли языкъ на нѣкоторое время остановиться на «*ѣму*» и «*ѣоѣму*» также послѣ мягкихъ согласныхъ? Въ сборникѣ успенск. собора попадаютъ примѣры «*ѣвладаѣюѣмоуѣ*», «*ѣпочиваѣюѣмоуѣ*» рядомъ съ «*ѣмоѣѣюѣмоуѣ*». Если послѣдняя форма несомнѣнно церковнославянская, то и первая можетъ быть не простая выдумка писцовъ, а

отраженіе живой рѣчи того времени, когда переходъ съ *уму* въ *ему* черезъ *ому* захватывалъ на время также мягкое окончаніе.

Гдѣ о двойств. числѣ прилагательныхъ на *ою* (вм. *ую*) рѣчь идетъ, можно было указать на обратное явленіе, на форму «*двоу*» вм. ожидаемаго «*двою*». Я считаю «*двоу*» формою русскою, въ противоположность церковнославянскому «*дѣвою*»; «*двоу*» подда-лось вліянію аналогіи съ формою «*десатоу*». Уже въ словахъ Григорія богослова 359^у читаемъ: «*дѣвѣж десатоу*»; въ новг. гр. 1305—8: «*въ двоу носадоу*» Шахм. 252, 254; «*дву жеребѣевѣ*» моск. гр. 1356 г. (но также «*двою жеребѣевѣ*» ib. 1389 г.); такъ еще въ XV и XVI столѣтіи: «*въ тѣхъ дву селѣхъ*» грам. моск. 1406 г.; «*с тѣхъ дву варницъ*» гр. моск. 1451 г. Ив. № 19, «*дву болриновѣ*» ib. 1434 г. (гос. грам. I, № 54, стр. 115), «*отъ дву амѣ*» 1565 г. Ив. № 40, «*въ дву варницахъ*» 1610 г. Ив. № 52, «*изъ дву колодазен*» 1602. 1610 Ив. № 51. 52, «*двѣ сажень*» 1554 г. Бусл. хр. 762, «*дву старцовѣ*» 1613 г. Бусл. 1012, и т. д. Не знаю, можно ли будетъ доказать, что нѣ-которое время при «*дву*» для родительнаго падежа употребля-лось «*двухъ*» для мѣстнаго, какъ напр. «*о двухъ огловлехъ*» Бусл. хр. 1218 (Котошихинъ); или же явилось «*двухъ*» сразу для обоихъ падежей, по аналогіи конечно мѣстоименій и прила-гательныхъ на *-хъ*? Въ памятникахъ XV—XVI вѣка я замѣчаю еще и для предложнаго падежа господство формы *дву*: «*на дву двору*» «*пришедъ въ дву стѹ*» шпат. 585, «*о дву подлахъ*», «*да четыре црены, на дву соль варить*» акт. юр. № 85, стр. 126 (1568 г.), «*на дву хлѣбахъ*» тамъ же № 86 (1568 г.), «*на дву цер-ветѣхъ*», «*на дву подкаѣтахъ*» тамъ же № 90 (1578 г.), «*въ дву полѣхъ*» ibid. № 228 (1557 г.) Какъ же объяснить югозападное «*двоухъ*», напр. «*подъ виною двоухъ тысячъ*» грам. югозап. 1507 г., № 42? Должно быть не замѣною окончанія *ю* въ «*двою*» окончаніемъ *хъ*, а скорѣе аналогіею прочихъ числительныхъ «*трѣхъ*» и даже «*троухъ*», «*четырѣхъ*» или «*четыроухъ*» и т. д. Когда изъ «*дву*» образовалось «*двухъ*», не могло устоять прежнее «*овою*», а подъ вліяніемъ прилагательныхъ перешло въ «*овоухъ*»: «*судни ово-*

ихъ истцевъ» (рядомъ съ «оба истца» и «между двѣхъ обвиновъ») акт. юр. № 7 (1491 г.), «съ обонухъ исцовъ» грам. 1566 г. Ив. № 45. Форма «обонухъ», не имѣеть такимъ образомъ ничего общаго съ числительнымъ дистрибутивнымъ «обои». Прибавлю еще, что форма «двѣма», «трѣма» откуда вышло *двѣма*, *трѣма*, встарину не ограничивалась творительнымъ падежемъ, а употреблялась также для дательнаго: «нашимъ намѣстникомъ двѣма стрѣльцемъ» грам. югозап. 1445 г. Петруш. № 50, «къ трѣма верезамъ», «къ трѣма осинамъ» ак. юр. № 8, стр. 16 (1498—1505 г.), «къ ихъ же патма варницамъ» *ibid.* № 170, стр. 191 (1551 г.); сравни еще «и пушкаремъ и затинцикамъ трицатьма осми чловѣквѣ» Иван. № 47 (1593 г.). Однакожь уже въ московской грамотѣ 1341 года «молодшимъ двѣмъ».

Относительно формъ «тебе», «себе», въ значеніи дательнаго и мѣстнаго падежей, вмѣсто ожидаемаго «тебѣ», «себѣ», необходимо согласиться съ проф. Соболевскимъ въ томъ, «что ихъ конечное *e* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ь* и *e*» (стр. 111), но онъ не обратилъ вниманія читателей на два важныя обстоятельства: вопервыхъ окончаніе на *e* существуетъ только въ такомъ случаѣ, если гласная *e* остается также внутри мѣстоименія, въ первомъ, основномъ слогѣ, т. е. встрѣчаются лишь дательныя «тебе», «себе»; вовторыхъ же народныя формы дательнаго падежа, съ гласной *o* въ корнѣ, «товѣ», «совѣ» не обнаруживаютъ подобной же замѣны *ь* черезъ *e*. Къ примѣрамъ, приведеннымъ для поясненія въ лекціяхъ, прибавлю еще изъ слова св. Иполита объ антихристѣ, памятника замѣчательнаго строгимъ различіемъ между *ь* и *e*: дат. «себе» 28, «къ себе» 18. 61. 85. 86, «съ себе» 5. 51. 87; дат. «тебе» 51, «в тебе» 61. Въ житіи св. Саввы соблюдается точно такая разница: «къ совѣ» 17, «совѣ» 221, но «тебе» 123, «себе» 225. 439. Изъ этихъ данныхъ я вывожу, что форма «товѣ», «совѣ» считалась настоящимъ дательнымъ или мѣстнымъ падежемъ, тогда какъ на «тебе», «себе» смотрѣли какъ на родительный падежь, поэтому и писали здѣсь *e* наперекоръ церковнославянскому преданію. Упорное отступле-

ніе отъ церковнославянскаго правописанія, когда надо было передать дательный падежъ не по своему, народному, напоминаетъ подобный же случай съ *ре, ле* (вм. *ръ, лъ*) взаимнѣ народнаго *ере, оло*. Въ доказательство, что и на «*тебѣ*», «*себѣ*» смотрѣли какъ на родительный падежъ, можно бы привести случаи, правда, не очень часто встрѣчающіеся, гдѣ эти формы такъ и стоятъ въ качествѣ родительнаго падежа: «*себѣ*» мин. 1096. 8, «*ис тебѣ*» *ib.* 60. Дательный падежъ «*тобѣ*», «*собѣ*» характеризуетъ нынѣшнее южнорусское нарѣчіе, отчасти также бѣлорусское. Появленіе этихъ формъ въ древнерусскихъ памятникахъ южныхъ не поражаетъ; но въ новгородскихъ оно нѣсколько неожиданно. Въ Остром. евангеліи этихъ формъ еще нѣтъ, въ минеяхъ 1096—7 онѣ довольно рѣдки. Не доказываетъ ли этотъ фактъ, что формы «*тобѣ*», «*собѣ*» — преимущественно южнорусскія, распространившіяся на сѣверъ болѣе путемъ литературнаго вліянія, чѣмъ народной среды? Въ московскихъ грамотахъ XIV в. имѣется даже родительный падежъ: «*везъ тебе*» (1341), «*отъ тебе*» (1362), «*отъ собе*» (*ib.*), «*у тебе*» (*ib.*).

XIII.

Не могу вѣрить, что всѣ безчисленные примѣры второго лица ед. ч. на *-ши*, встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вѣка, представляютъ исключительно только передачу церковнославянской формы, которой въ жизни языка соотвѣтствовало будто бы уже тогда окончаніе на *-шь*. Благодаря тому обстоятельству, что теперь уже немалое число памятниковъ XI — XII вѣковъ доступно изслѣдованію и внимательному изученію, наше представленіе о степени самостоятельности этихъ памятниковъ по отношенію къ языку литературнаго преданія приобретаетъ съ каждымъ годомъ болѣе точный и опредѣленный

смыслъ. Мы теперь уже не изумляемся надъ 3 лицомъ ед. числа то на *-тъ*, то на *-е* безъ *-тъ*, если намъ скажутъ, что это формы русскія, мы принимаемъ ихъ какъ откликъ живой рѣчи; насъ не удивляетъ 1-ое лицо мн. ч. на *-мы*, *-ме*, если скажутъ, что эти окончанія отражаютъ собою примѣсъ живого языка къ литературному; отступленіе древнерусскихъ памятниковъ отъ церковнослав. языка въ нѣкоторыхъ особенностяхъ повелительнаго или неопредѣленнаго наклоненія или имперфекта мы не затрудняемся причислить тоже къ несомнѣннымъ отраженіямъ живой русской рѣчи. Однимъ словомъ, число русскихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ при болѣе внимательномъ изученіи увеличивается. Поэтому конечно насъ не удивило бы, если бы уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣтили второе лицо ед. ч. на *-шь*. Но ни одного такого примѣра до сихъ поръ не удалось найти. Не имѣетъ ли эта отрицательная сторона, въ виду столь многочисленныхъ положительныхъ данныхъ, никакого значенія? Кажется, не слишкомъ смѣлый будетъ выводъ, если скажемъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ второго лица на *-шь* просто потому, что въ живой рѣчи того времени, если можетъ быть отчасти тогда уже употребляли сокращенное окончаніе *-шь*, все-таки не чуждались еще окончанія на *-ши*, бывшаго вѣроятно тогда еще въ общемъ употребленіи. Второе лицо не какая нибудь рѣдкость въ языкѣ, оно не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы отвращать отъ употребленія живой народной формы, по крайней мѣрѣ иногда, изрѣдка. Если же несмотря на все то въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ ея въ другомъ видѣ, какъ съ окончаніемъ на *-ши*, значитъ, другого окончанія тогда еще не знали, или же то другое тогда только что начало мало по малу выступать. Объ этомъ вопросѣ очень разумно разсуждалъ уже пять лѣтъ тому назадъ нашъ молодой ученый А. Шахматовъ въ 7-омъ томѣ моего журнала, на стр. 63—66; аргументы его кажутся мнѣ и теперь неотразимыми.

Къ окончаніямъ имперфекта на *-шетъ* и *-хуть* замѣчу, что моя догадка относительно появленія этихъ формъ на югѣ и рас-

пространенія ихъ оттуда дальше на сѣверъ и по всей древнерусской письменности (ср. Четыре крит. палеогр. статьи, стр. 94—96) ссылкой на нѣсколько сѣвернорусскихъ памятниковъ (Лекціи, стр. 113) вовсе не устраняется. Я и самъ это зналъ и не отрицалъ существованія такихъ формъ въ сѣвернорусскихъ текстахъ; но я затронулъ моимъ предположеніемъ одинъ изъ очень интересныхъ, доселѣ не изслѣдованныхъ вопросовъ, насколько развитіе древнерусской письменности шло подъ взаимнымъ вліяніемъ одной области на другую, одного центра на другой? Въ письменности, возникшей на основаніи чисто народнаго языка, подражательность не играетъ столь важной роли, какъ въ письменности поддерживаемой нѣсколько искусственно, индивидуальнымъ заучиваніемъ не то формъ, не то словъ литературнаго языка. Въ Россіи встарину не ограничивались только списываніемъ южнославянскихъ подлинниковъ; какъ извѣстно, шла также довольно оживленная, оригинальная дѣятельность на языкѣ не чисто народномъ, а смѣшанномъ, на половину церковномъ, на половину народномъ. Желаніе было писать языкомъ литературнымъ, оно достигалось не иначе какъ внимательнымъ чтеніемъ существовавшихъ образцовъ и подражаніемъ имъ. Принадлежали ли формы имперфекта на *-иеть*, *-хуть* къ такому достоянію древнерусскаго литературнаго языка, которое почерпалось изъ вѣчно живого родника народной рѣчи, или же оно наслѣдовалось посредствомъ изученія и подражанія — вотъ въ чемъ вопросъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ послѣднее и въ доказательство, какъ далеко распростиралась подражательность, укажу на аористъ съ *тъ*: «не могошати ихъ удержати» пат. 421.

Для 1-го лица мн. числа мнѣ встрѣтился примѣръ «*есме*» уже въ праздничной минеѣ XI—XII вѣка (новгородской): «имже питоми *есме* вѣрнии... имже съставлени *ксме* и живемъ» 84а. Это продолжалось въ новгородской письменности въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, какъ доказываютъ примѣры, приведенные у Соболевскаго (на стр. 114), слѣчи также въ новгор. прологѣ ок. половины XIV вѣка: «*кажеми ксме*» (Срезн. 259); или въ

палеѣ XIV в. (Тихонр. отреч., кн. I. 107): «*ѣсме кланяюциса*», «*ѣсме вси*» ib. 135; въ тактиконѣ 1397 года (новгор. рукоп.) 5 б. «*ако приселници есме зде*». Это окончаніе стоитъ по всей вѣроятности въ близкомъ сношеніи съ «*ѣсмъ*», оно напоминаетъ намъ въ грамотѣ хутынской формы «*вѣдале*» «*Барламе*» вм. окончанія на *-ѣ*, и нѣкоторые другіе случаи именительнаго падежа на *-е* вм. *-ѣ*, встрѣчающіеся тоже въ новгородскихъ грамотахъ (сл. Archiv für slav. Phil. VII. 60); не знаю, можно ли сказать, что на образованіе этого (см. на стр. 48), «*ѣсме*» вліяла форма второго лица «*ѣсте*». Но русское «*ѣсме*» развилось, какъ кажется, независимо отъ болгарскаго или чешскаго окончанія *ме*. Изъ русскаго *ме* (съ удареніемъ) вышло *мя* («*сма*»), о чемъ была уже рѣчь.

Не умѣю навѣрно сказать, потому что недостаетъ точныхъ данныхъ для этого, не превышаетъ ли число формъ на *мы* въ первомъ лицѣ мн. числа то количество ихъ, которое существовало въ церковнославянскихъ текстахъ, чтобы оттуда могло послужить образцомъ для памятниковъ древнерусской письменности. По даннымъ, собраннымъ Видеманномъ (Beiträge zur altbulg. Conjugation, S. 8), въ древнѣйшихъ южнославянскихъ памятникахъ примѣровъ на *мы* вообще очень немного, если исключить Супрасльскій сборникъ, представляющій около 20 случаевъ. Сравнимъ ли съ этими данными памятники древнерусской письменности, то увидимъ тотъ-часъ же, что здѣсь число примѣровъ значительно возвышается. Въ одномъ изборникѣ 1073 года, если сосчитать всѣ примѣры, вышло бы, я полагаю, гораздо большее число ихъ, чѣмъ во всѣхъ южнославянскихъ текстахъ вмѣстѣ; уже на первыхъ 60 листахъ (включая сюда 78—81) мы читаемъ: «*вѣмы*», 6 с, «*не оумьремы*» 6 d, «*имамы*» 6 d, «*обращтемы*» 12 b, «*сътворимы*» 17 с, «*обонакмы*» 17 с, «*пытаемы*» 18 с, «*трѣвоукмы*» 18 d, «*прорицахомы*» 32 а, «*поживемы*» 33 а, «*разоумѣхомы*» 33 а bis, «*оупразнимы са*» 38 а, «*печемы са*» 49 b, «*приахомы*» 79 а, «*наказакмы са*» 51 d, «*облецѣмы са*» 54 b, «*поплачѣмы*» 57 с, «*расоудимы*» 60 с, «*вждемы и мы*» 32 d и «*ѣсмъмы*» 32 а,

(можно читать «ксмъ мы», но тогда «мы» противъ греческаго текста лишнее). Какое значеніе имѣеть этотъ фактъ? Значить ли это частое употребленіе окончанія *мы*, что уже въ предполагаемомъ южнославянскомъ подлинникѣ изборника была очень сильно развита та черта, которую въ умѣренныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ Супрасльскомъ сборникѣ? или же въ этой особенности памятника, какъ и въ очень частомъ отбрасываніи окончанія *тъ* у 3 лица, проявилась черта живого языка русскаго? Если принять послѣднее толкованіе, то оно наводитъ насъ на мысль, что можетъ быть тогда еще и не было южнорусскаго окончанія *мо*, а было только *мъ* и *мы*; развивавшееся же потомъ, для достиженія соразмѣрности между первымъ и вторымъ лицомъ въ числѣ слововъ, окончаніе *мо*¹⁾ могло вытѣснить не только окончаніе *мъ*, изъ котораго оно вышло, а также бывшее когда-то *мы*.

Относительно имперфекта на *яхъ* вм. церковнославянскаго *ѣхъ* мое мнѣніе нѣсколько расходится съ толкованіемъ, предложеннымъ въ лекціяхъ (на стр. 114—115). Я не нахожу большого различія въ томъ, оканчивается ли имперфектъ на *яхъ* или *яхъ*; если бы формы «идаше», «сѣдаше» могли быть названы исключительно книжными, чуждыми живому русскому языку, то я не вижу причины не считать такими же также формы «идахъ» и «сѣдаше». Особенность древнерусскаго имперфекта состояла не въ томъ, что онъ не принималъ двухслогового окончанія *яхъ*, а въ томъ, что безъ различія всѣ четыре разряда глаголовъ (I—IV) оканчивались на *яхъ*, при чемъ не обращалось вниманія на предыдущую согласную, не допускавшую въ первоначальныхъ сочетаніяхъ непосредственной мягкости. Эти «древнерусскія» формы имперфекта несомнѣнно явленіе позднѣйшее, аналогическое, развившееся подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ

¹⁾ Въ русскомъ языкѣ *мо* могло быть совѣмъ не того происхожденія, какъ сербское *мо*, а выйти просто изъ ударяемаго *мъ*. Примѣръ, приведенный у Срезн. 154 с. изъ тріоды постной XI вѣка, «къ тебе приглаголю» надо отнести къ нерѣдкимъ случаямъ опосокъ, гдѣ вм. ѣ по недосмотру написано *о*.

axъ или *axъ* было издавна въ употребленіи. Итакъ примѣры: «*бодаше*», «*придаше*», «*коупаше*», «*ходаше*», «*мыслише*», «*чьстаху*» — они взяты мною изъ житія Θεодосія по списку усп. собора XII в. — не тѣмъ русскіе, что не оканчиваются на «*аше*», «*аху*» — а тѣмъ, что не оканчиваются на *ѣхъ* или *ѣхъ*, и тѣмъ, что коренная согласная осталась неизмѣненною въ сочетаніи «*ходаше*» вм. церковнославянскаго «*хожаше*», въ «*чьстаху*» вм. «*чьщаху*», въ «*коупаше*», вм. «*коупаше*», въ «*мыслише*» вм. «*мышлаше*». Между примѣрами «*ходаше*» жит. Θεод. 37 а и «*исходаху*тъ» ib. 34 d существенной разницы нѣтъ, обѣ формы «древнерусскія», между тѣмъ какъ «*хожаше*», ib. 34 d — форма церковнославянская. Точно такъ «*ведеше са*» ib. 5 b — форма церковнославянская, не потому, конечно, что нѣтъ въ ней удвоенія гласной передъ *ше*, а потому что гласною выступаетъ *е* (взамѣнъ *ѣ*) вмѣсто ожидаемаго по приему русскому *а*; на оборотъ «*ѡпоусташе*» 24 d я назову формою русскою, несмотря на окончаніе *аше*, потому что церковнославянскою могла бы быть только форма «*ѡпоуцалаше*». Форму «*имѣаше*», на которую указывается, поддерживало настоящее время «*имѣеть*»; при настоящемъ «*имамъ*» въ имперфектѣ было бы «*имаше*» или «*имаше*»: «*иногда же имашеть же вѣин градъ патриарха*» син. патер. Срезн. м. п. № 82 стр. 69; «*имахути и*» ж. Θεод. усп. сб. XII в. 11 с.

Трудно придавать значеніе изрѣдка встрѣчающимся формамъ 2 лица дв. и мн. ч. на *шта*, *ште*; примѣровъ вообще такъ мало, что нельзя не видѣть въ нихъ стремленія сблизить окончаніе *шта-ште* съ окончаніемъ *ста-сте*. Не будь окончанія *шта*, *ште*, а только *шта-ште*, то можно бы сказать, что обыкновенное *ста-сте* подъ влияніемъ единств. числа *ше* преобразовалось въ *шта-ште*. Такъ объясняется чешское *šta-šte*, не имѣющее впрочемъ ничего общаго съ древнерусскими примѣрами, и встрѣчающееся только въ болѣе позднихъ памятникахъ (при обыкновенномъ *sta-ste*),

О причастіи настоящаго времени на *a* авторъ разсуждаетъ два раза: на стр. 116 — 117 и на стр. 182 — 3. На второмъ мѣстѣ вѣрно изложено, что нынѣшнее «идя» преобразовалось изъ прежняго «идѣ», подвѣліяніемъ аналогіи съ «бія», «зная», вытѣснившей наконецъ прежнюю форму «идѣ» вполне. Не сказано только, чего можно было ожидать на стр. 116 — 117, какъ образовалось это «идѣ» въ свою очередь вм. церковнославянскаго «идѣ». Окончаніе *a* и отношеніе его къ *ы* автору не совѣмъ ясны. Я бы этому удивлялся, если бы не была упущена изъ виду параллель съ подобнымъ же явленіемъ въ языкѣ сербскомъ. Но такъ какъ указывается только на чешское «jda», «jsa», «ěka», обойденны же молчаніемъ древнесербскія формы «моге», «иде», «кове» (сл. Даничић, Историја облика, стр. 348), то не удивительно, что ни словомъ не упомянуто единственно возможное объясненіе этихъ формъ на *a*. Дѣло въ томъ, что полнѣйшій параллелизмъ между древнесербскимъ «моге» и древнерусскимъ «мога» или древнечешскимъ «moĥa» ясно свидѣтельствуетъ о связи гласныхъ *e* — *a* съ носовымъ *л*. О происхожденіи *a* въ «мога» можно бы только тогда сомнѣваться, если бы и въ древнесербскомъ языкѣ существовала форма «мога»; но какъ скоро древнерусскому *a* въ данномъ случаѣ соответствуетъ сербское *e*, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что «мога-моге» образовались изъ «могъ» на подобіе «пѣть-пѣть» (изъ пѣть), т. е. по аналогіи причастія «дѣлаа-дѣлаю» изъ «дѣлаа». Твердость окончанія, сохранившаяся во всѣхъ косвенныхъ падежахъ въ качествѣ гласной *y* съ предыдущей твердой согласной, не позволяла именительному падежу въ русск. языкѣ сразу поддаться полному смягченію, т. е. прямому переходу старославянскаго *ы* въ *я*, сначала выступила наружу средняя форма съ *a* (безъ смягченія), т. е. сближеніе между твердыми и мягкими ограничивалось въ первое время въ именит. падежѣ ед. ч. м. р. одной гласной *a*, она же была то мягкая («знаа» «внѣ» или «вѣ»), то твердая («идѣ» «мога»). Твердость слога была и въ чешскомъ языкѣ причиною появленія гласной *a* вм. *ie*: «jsa» или «jda» на-

поминаетъ чешское «*rátý*», «*maso*». Ссылка на *ѣ* родительнаго падежа *вм.* *а* не подходитъ.

Проф. Соболевскій говоритъ о двухъ формахъ супина въ церковнославянскомъ языкѣ, на *тъ* и на *ть* (стр. 117). Едва-ли это вѣрно. Существующая форма на *шть*, напр. въ «*овлешть*» и т. д., еще не доказываетъ суффикса *тъ*, такъ какъ и «**овлэгтъ*» могло дать «**овлэгѣтъ*», «**овлэгѣтъ*», «*овлешть*». Для супина необходимо и въ древнерусскомъ языкѣ, на ряду со всѣми прочими славянскими нарѣчїями, остановиться на одномъ только окончаніи *тъ*, относительно котораго достаточное число примѣровъ приведено на стр. 181. Это не мѣшаетъ, конечно, допустить, что въ древнерусскомъ языкѣ очень рано неопредѣленное наклоненіе стало вводить языкъ въ заблужденіе, заставляя его (но сначала вообще довольно рѣдко) *вм.* окончанія на *тъ* примѣнять окончаніе на *ть*; послѣднее случилось тѣмъ легче, что, какъ мы знаемъ, и въ неопредѣленномъ наклоненіи уже древнѣйшіе памятники обнаруживаютъ случаи сокращенія на *тъ*. Эта возможность смѣшенія и была причиною, что въ концѣ концовъ обѣ формы совпали въ одномъ окончаніи *тъ*. Иногда и при этомъ окончаніи все же чувствуется еще сила и дѣйствіе супина въ оборотѣ синтаксическомъ. Такъ въ грамотѣ рижсковитебской, писанной около 1300, читается: «*внѣкъ шолѣ съ темъ члѣкомъ соли вѣситъ*» (Ср. 241, по изданію Куника: «*веситъ*»). Здѣсь не было бы достаточной причины для родительнаго падежа «*соли*» (*рѣчь* идетъ о опредѣленномъ количествѣ: «*мехъ соли*»), если бы въ формѣ «*вѣситъ*» не чувствовалась сила супина, несмотря на мягкое окончаніе, точно такъ, какъ напр. въ «*пригвоздитъ крѣта*» жит. Никон. 246 (при твердомъ окончаніи). Сличн такой же примѣръ: «*понишоа воевать заноровыа*» Псков. лѣт. I, 187 и даже: «*поѣхаше селѣ иѣмещикухъ воевати*» (*вм.* *воеватъ*) *ib.*, или акт. юр. № 21 (1541 г.): «*пріѣжали... тоѣ жонки и дѣвки имать*», «*сѣна косити*» Кал. I. 230.

Маленькая неточность ускользнула у автора, когда онъ говоритъ, что сербскій и словинскій языки знаютъ только формы на *ти*. Нисколько!

Не помнится, чтобы я читалъ въ лекціяхъ, указаніе на то, какъ форма неопредѣленнаго иныхъ глаголовъ отступаетъ въ русскомъ языкѣ отъ церковнославянскаго. Это касается такихъ глаголовъ какъ «отверзоу», «чьтоу», «цвьтоу», гдѣ по старинному въ неопредѣленномъ наклоненіи гласная являлась въ протяжномъ видѣ: «отверѣсти», «чисти», «цвести», въ русскомъ же языкѣ уже очень рано неопредѣленное поддалось вліянію настоящаго времени: «отверсти», «чести», «цвести», напр. «повелѣ отверсти» ж. Оеод. 15b, «ицести» (вм. ицисти) паис. сб. Ср. 274, «приде почертъ» (вм. почереть) гал. ев. XIII в. Сборн. XV. 435, точно такъ въ еванг. 1393 г. «почертъ воды»; въ грамотѣ 1229 года по списку А: «того почьсти за лихуни моужь» (руск. лив. акт. 442), въ спискахъ В. С: «почисти»; «розчестиса» моск. гр. 1433 (г. гр. I. 101); «грамоту велѣлъ чести» костр. гр. 1490 г. (акт. арх. эксп. № 4, стр. 7), «чести» пск. суд. гр. § 25.

Неопредѣленное «ити» переходитъ въ «итти»; правописание колеблется между «итти» и «идти». Проф. Соболевскій указываетъ на примѣры XIV в. съ д передъ ти; я же могу указать на примѣры съ т передъ ти: «итьти» моск. гр. 1434 г. (г. гр. I. 109), 1434 ((ib. 117, 2 раза), 1436 (ib. 121, 4 раза) и т. д.; «итьти» 1554 г. Бусл. хр. 763, «изьитти» XVI в. Тихонр. отреч. I. 8, «снитти» ib. 12; «итти» пск. суд. грам. § 70, «итти прочь» 1560 г. Калач. II. 551, и у Котошихина «итти». Не отрицаю конечно возможности объясненія, предлагаемаго проф. Соболевскимъ, но тогда, кажется, надо бы ожидать исключительно только «идти» и «итти», вм. «идьти», «итьти», которыхъ ъ такимъ образомъ остается не объяснимымъ. Я предпочитаю думать, что на образованіе неопредѣленнаго «итьти» вліяли формы «найти», «пойти», «сойти» и т. д.; мягкость слога, предыдущаго окончанію ти, въ этихъ формахъ, вызвала и въ простомъ «ити» форму «іѣти», давшую «итьти» приблизительно такъ, какъ «веселіе» въ малорусскомъ нарѣчьи даетъ «весілъле», или такъ, какъ въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ «пѣћи», «нѣћи» образовалось «ѣћи». Изъ «итьти» развилось потомъ «итти»

(какъ изъ «бүдѣто» вышло «бүдѣто») и даже «понтти», напр. въ гр. № 20 акт. юр. «по межамъ понтти» (1534).

Проф. Соболевскій ставитъ гадательно вопросъ, не стоитъ ли русская форма *мя* въ «тѣмя» вм. обыкновеннаго «тѣмъ» въ связи съ сербскимъ окончаніемъ *ме*, производимымъ имъ же изъ *мя* (стр. 118)? Мнѣ кажется, что тутъ между сербскимъ и русскимъ языками ничего общаго нѣтъ. Всѣ діалектическія формы прилагательныхъ и мѣстоименій на *мя* развились несомнѣнно подъ вліяніемъ числительныхъ «двумя», «тремя», «четырьмя», образовавшихся изъ «двѣма», «трѣми» «четырьми» (обѣ послѣднія формы также «трѣма», «четырьма», конечно по аналогіи съ «двѣма», слвчи даже «патма»: «патма варницамъ» 1551 г. ак. юр. 191). Весь вопросъ въ томъ, какъ образовалось «двумя» изъ «двѣма»? Соглашаюсь съ давно уже предложеннымъ объясненіемъ проф. Лескина, что «двумя-тремя» произошло изъ взаимнаго вліянія другъ на друга обѣихъ формъ «двѣма-трѣми». Параллели къ этому переходу имѣются въ «гостя» изъ «гости», въ «тебя» изъ «тебе» (гдѣ какъ сказано вѣроятно вліяла также форма «та»).

Относительно формы «ксми» надо было непременно прибавить, что она явленіе довольно позднее, выступившее въ то время, когда уже этотъ глаголъ сталъ выходить изъ употребленія. Несомнѣнно «ксми» образовалось подъ вліяніемъ «кси».

XIV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, отрывочность которыхъ обусловлена мало удовлетворительнымъ порядкомъ изложенія въ лекціяхъ, переходу къ исторіи формъ склоненія и спряженія. Первымъ (склоненію) посвящено 42, послѣднимъ 32 страницы. Въ такомъ небольшомъ объемѣ нельзя было, конечно, подробно

изложить судьбу древнерусскаго склоненія и спряженія; надо было ограничиться лишь общими чертами. Дѣйствительно, изложеніе проф. Соболевскаго не въ уровень извѣстнымъ трудамъ Даничича по сербскому, Калины по польскому языку, и въ новейшее время Облака по словенскому нарѣчію. Оно уступаетъ имъ и полнотою и систематичностью. Примѣровъ приводится очень мало, такъ сказать только для того, чтобы намѣтить ходъ развитія. На черты діалектическія, насколько онѣ высказывались и въ этихъ данныхъ, указано только мимоходомъ и не всегда, напр. при родительномъ падежѣ ед. ч. на *у* не сказано, что и онъ въ извѣстныя столѣтія характеризуетъ языкъ русскій сѣверозападныхъ краинъ. Едва ли можно удачнымъ назвать обозначеніе всѣхъ главнѣйшихъ отступленій древнерусскаго склоненія отъ обще-славянскаго словами «смѣшеніе основъ». Ни о какомъ смѣшеніи основъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Развѣ напр. смѣшеніе основъ въ томъ, что уже въ изборникѣ 1073 г. читаемъ «отъ льноу»? Не вѣрнѣ ли было бы сказать такъ: въ извѣстное время существовалъ родительный падежъ ед. ч. существительныхъ мужескаго рода, оканчивавшихся въ именительномъ падежѣ безъ различія на *з*, съ двумя окончаніями: на *а* и на *у*. Древнерусскій языкъ унаслѣдовалъ оба эти окончанія; не желая же отказаться отъ одного, какого либо, изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ напр. языкъ сербскій, онъ сталъ около окончанія на *у* группировать преимущественно существительныя одно- и двухсложныя, по большей части въ оборотахъ съ предлогами, существительныя выражающія обыкновенно матерію, мѣстность и т. п. То же самое повторилось въ дательномъ падежѣ, только что здѣсь языкъ распорядился двумя окончаніями *у* и *ови* нѣсколько иначе: второе отводилось главнымъ образомъ существительнымъ, выражающимъ названія лицъ или личныя имена. Какъ извѣстно, форма род. падежа на *у* сохранилась до сихъ поръ, тогда какъ окончаніе дательнаго на *ови* со временемъ (за исключеніемъ малорусскаго нарѣчія) исчезло. Итакъ не только о «смѣшеніи основъ», а также о «потерѣ падежей» слѣдовало бы говорить.

Прибавимъ къ этому родительный падежъ «гостя» вм. прежняго «гости»; здѣсь строго говоря нельзя толковать ни о «смѣшеніи», потому что нѣтъ рядомъ двухъ окончаній, которыя могли бы смѣшиваться; нельзя говорить ни о «потерьѣ» падежа, потому что окончаніе род. падежа на *и* еще до сихъ поръ существуетъ, но только для словъ женскаго рода и для одного лишь слова мужскаго рода «путь». Стало быть перемѣна (преобразование падежей), случившаяся здѣсь, произошла подъ вліяніемъ рода; она же опять коснулась вовсе не «основъ», а извѣстныхъ падежей. Дательный падежъ «мѣстамъ» вмѣсто прежняго «мѣстомъ» тоже не можетъ быть названъ результатомъ смѣшенія основъ на *о* съ основою на *а*, потому что и здѣсь переходъ коснулся не основы, а готоваго падежа, да и причина перехода окончанія *омъ* въ *амъ* по всей вѣроятности заключалась не въ словахъ женск. рода, оканчивавшихся издавна на *амъ*, а въ именительномъ падежѣ мн. числа словъ средняго рода на *а*. Судя по параллельнымъ явленіямъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, кажется, и въ русскомъ языкѣ окончаніе на *амъ* - *ахъ* вм. *омъ* - *ыхъ* (*охъ*) стало входить въ употребленіе прежде всего у словъ средняго рода. Можно ли наконецъ въ самомъ дѣлѣ говорить о «смѣшеніи твердыхъ и мягкихъ основъ на *о*» изъ-за одной формы мѣстнаго падежа на *ь* (солнцѣ), вытѣснившей окончаніе на *и*? Вѣдь *ь* тоже не твердый звукъ, не произносилось же «солнцо» или «солнцомъ»! Не лучше ли и здѣсь говорить лишь о преобладаніи одного изъ обоихъ окончаній, существовавшихъ прежде для одного и того же падежа, такъ что мягкость или твердость тутъ была не при чемъ. Обратное явленіе, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, авторъ замѣтилъ сначала «въ винительномъ падежѣ множ. числа» (стр. 128) и черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 131) опять не только въ винительномъ мн. ч., но также въ родительномъ ж. р. ед. ч. Не слѣдовало ли подвести всѣ эти однородные случаи подъ одинъ уголъ зрѣнія?

Возраженія мои клоняются къ тому, чтобы убѣдить автора, во второмъ изданіи «лекцій» излагать судьбу русскаго склоненія по

очереди падежей: взаимное вліяніе различныхъ окончаній того же падежа другъ на друга, смѣна одного падежа другимъ или смѣшеніе ихъ между собою, наконецъ вліяніе рода на преобразование склоненія — всѣ эти качества древнерусскаго склоненія выступили бы гораздо нагляднѣе при изложеніи предмета въ другомъ порядкѣ, чѣмъ нынѣ.

XV.

Къ именительному падежу ед. ч. замѣчу, что нигдѣ не изложено, какъ далеко можно по памятникамъ прослѣдить формы «матн», «дчн» (дочи). Нѣсколько примѣровъ приведено мною выше (на стр. 59), сл. также въ грамотѣ 1508 г. акт. юр. № 13 «матн моа», въ двинск. грамотѣ XV (акт. юр. 112): «его дочи Ѳедора», Кал. юр. б. I. 548 (1459 г.) «дочи». Относительно формы «цѣрквн» (или «цѣрквы»: «азыческая цѣрквы» у Кирилла Туровскаго) авторъ какъ будто бы колеблется, не признать ли ему ее фактически существовавшей въ жизни народа (стр. 138). Напрасно. Это такая же литературная выдумка, какъ «ѣсми», которую могли поддерживать еще и южнославянскіе тексты, гдѣ въ XII—XIII столѣтіи тоже иногда попадаетъ именительный падежъ «цѣрквн» (напр. въ болонской псалтыри). Къ именительному существительныхъ на -*ынн* укажу на примѣръ, доказывающій существованіе формы въ простонародномъ текстѣ еще въ XVII столѣтіи; въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (ПДП. 1879 I. стр. 79) читаемъ: «государынн»; къ словамъ же на *ья* (вм. церковнослав. *и*) прибавлю еще «лодыа» изъ смоленской правды по спискамъ D. E. F. (р. лив. акты, 441).

На вопросъ, какъ долго существовалъ звательный падежъ, не дають вполне удовлетворительнаго отвѣта и объясненія примѣры приводимые на стр. 136. Не можетъ быть, кажется, сом-

нѣнія въ томъ, что такіе звательные, какъ «*братѣ*», «*господинѣ*» держались долго: «*господинѣ князь великинѣ*» читаемъ въ московской грамотѣ 1405 года (гос. гр. I. 71), гдѣ второе слово уже въ формѣ именительнаго, тогда какъ въ витебскоричской около 1300 г. имѣется еще и зват. падежъ «*кнаже*» и даже «*кнажо*». Въ судной грамотѣ псковской XV вѣка находимъ: «*азъ братѣ твоѣ заплатилъ*», «*оу мене, господо, тѣи приставки не бывали*». Ипатская лѣтопись различаетъ еще звательный на *e* отъ звательнаго на *y*: «*братѣ и свату*» 467, «*вы намъ сыну всегда надоби*» 300. Къ примѣрамъ звательнаго «*вратиа*» припомнимъ себѣ изъ грамоты 1130 года звательный падежъ: «*вратиѣ*», гдѣ *ѣ* вѣроятно еще выражало звукъ *к*.

Въ виду довольно ранняго исчезновенія звательнаго падежа можно сильно сомнѣваться въ вѣрности объясненія (на стр. 137), предлагаемаго проф. Соболевскимъ, на счетъ новгородскихъ формъ «*останккѣ*», «*иванкѣ*», «*посадникѣ*», которыя будто изображаютъ звательный падежъ! Какой звательный падежъ можетъ быть «*посадникѣ*? не ожидали ли бы «*посадниче*» въ родѣ малорусскаго «*козаче*? Удивляюсь, что авторъ послѣ очень разумнаго разсужденія, посвященнаго этимъ фактамъ въ статьѣ Шахматова, напечатанной въ моемъ «*Архивѣ*» VII 60 и слѣд., все еще продолжаетъ настаивать на своемъ звательномъ падежѣ!

Окончаніе род. падежа на *y*, какъ уже сказано выше, въ большинствѣ случаевъ ограничивается краткими одно- или двухсложными существительными, напр.: «*со мху*» ак. юр. 1504, стр. 22, «*съ году на годъ*» ib. 1532, стр. 40, «*сроку*» ib. 38, «*съ дѣлу*» ib. 40, «*мошку*» ib. 46, «*лому*» 1555, стр. 169, «*мужественаго поту своего*» ипат. 436, «*съ вою того*» Бусл. хр. 701 (XV в.), уже въ жит. Θεод. 22 d: «*ѡ вою*». Въ московской грамотѣ 1402 г. «*того полону*», въ югозападныхъ грамотахъ: «*оа поль Богу*» 1376, «*до дрѣгого рокѣ*» 1386, «*того листѣ*» 1409, «*краковскаго рѣзѣ*» 1424, «*ѡ бродѣ*» 1430; въ литовскихъ грамотахъ: «*до мостѣ*» 1375 (сл. «*отъ мостку*» 1555 ак. юр.

168), «казателевого законѣ» *ib.*, «ризького весѣ» 1405 (рус. лив. ак. 120). Здѣсь можно припомнить также «съ молодѣ» псковск. лѣт. I. 297, существующее до сихъ поръ, и замѣну двойственного числа «два года» въ «два году» акт. юр. № 13 (1508 г.), Кал. I. 190, № 62 (около 1501 г.). Еще безъ перехода въ новое склоненіе употреблена въ родит. падежѣ форма «вез ремени» въ москов. грамотѣ 1389 г. (г. гр. I. 61), сл. «въ камени» XV в. (Бул. хр. 700), «на одномъ корени» акт. юр. 1534 (р. 46), 1555 г. (стр. 168). Стоитъ упомянуть, что по той же аналогіи существовалъ также род. падежъ «пни»: «до осинового пни», «отъ того пни», «со пни» акт. юр. 1518, № 147, «у того пни» *ib.* 1554, стр. 167 (въ род. мн. ч. «у тѣхъ пней», но дат. ед. ч. «къ олуховому пню» *ib.*). Къ этому колебанію языкъ былъ приведенъ формами род. падежа «госта» и «гости», дательнаго «гостю», «гости» и даже «гостени». Отъ существительныхъ «путь» и «тате» встрѣчается въ смоленской правдѣ родительный падежъ на *e* (въ изданіи Куника русско-лив. акты; по спискамъ D. E): «не воронити имъ того поуте» (въ спискѣ F: «пути того»), «иметь тате» (въ спискахъ A. B. C. F «тата»). Относительно «тата» можно полагать, что здѣсь *e* стоитъ вм. *я*, поэтому, должно быть, и «путе» стоитъ вм. «пута», формы засвидѣтельствованной въ бѣлорусскомъ нарѣчьи (сл. Владиміровъ, др. Фр. Скорина, стр. 278). Какъ понимать въ псковской второй лѣтописи 40: «крове христіанскыа»? остатокъ ли это старины? Сличи еще род. падежъ «дади» въ моск. грам. 1362 г. № 27, и «мѣсяци» въ акт. юр. 1529 г. № 237 (это вѣроятно простая описка вм. мѣсяца). Нынѣшнее произношеніе нарѣчія сегодня (вм. сегодня), которое иные осуждаютъ какъ «фабричное», основано на историческихъ правахъ, сл. «до Дмитреева дни» акт. юр. № 179, стр. 197 (1577 г.), «съ Егорьева дни» *ibid.* стр. 198 (1585 г.); «сегодни» Калач. I. 193 (1547 г.), «тогожь дни» *ibid.* I. 234.

Уже у проф. Соболевскаго указано на замѣчательное количество примѣровъ на *ови* — *еви* въ дательномъ падежѣ ед. ч. Такъ какъ этой формы въ нынѣшнемъ великорусскомъ нарѣчьи

нѣтъ—она свойственна югу и юго-западу Россіи—то опять возникаетъ вопросъ, не обязанъ ли древнерусскій литературный языкъ — чисто народнаго мы и такъ не знаемъ — широкимъ распространеніемъ этой формы по всѣмъ памятникамъ какъ юга, такъ и сѣвера, зарожденію русско-славянской письменности именно на югѣ? другими словами, не есть ли дательный падежъ на *ови*—*еви* въ древнерусскомъ языкѣ—черта южнорусская? Я оставляю и этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта, будучи убѣжденъ, что дальнѣйшія изслѣдованія не обойдутъ его молчаніемъ.

Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ (на стр. 121—122), прибавимъ еще такіе изъ ипатской лѣтописи, какъ: «затевн», «тестевн», «медведевн»; или «гостевн» грам. смол. 1284 г., вит.-рижск. 1300, въ югозападныхъ грамотахъ: «Болъчкови» 1393, «Осташкови» 1386, «Влюсовн» 1400, «Юркови» 1424, «Клѣсовн» 1430; въ литовско-русскихъ грамотахъ: «королевн» 1340, «Васналевн» 1383, «вискуповн» 1399—1429 и т. д.

Что въ домостроѣ читаемъ: «подастъ телесе здравіе», «сеє крове калма», здѣсь *e* замѣняетъ обыкновенное окончаніе *ь*, которое не въ свое мѣсто попало также въ «по отцѣ и по матерѣ» ак. юр. 1568 г., стр. 148.

Смѣшеніе родительнаго съ дательнымъ (мѣстнымъ), о которомъ говорится на стр. 143—144, по моимъ примѣрамъ встрѣчается преимущественно въ сѣверозападной области (напр. въ Псковѣ): «отъ великон рѣцѣ» псков. лѣт. II. 18, «съ дорозѣ» II. 41, «изъ него руцѣ» *ib.*, «отъ Бурковѣ лавици» *ib.* 31, «отъ Куклинѣ лавици» 32, «по конецъ Враговѣ улицы» *ib.* (я принимаю здѣсь *и* какъ окончаніе дат. падежа), «отъ Великон рѣкѣ» *ib.* 42 (ожидали бы «рѣцѣ»), напротивъ въ двин. гр. ак. юр. 112 (XV в.) «отъ рѣкѣ» вѣроятно *ѣ* родительный мягкаго окончанія *вм.* «рѣкы», сл. *ibid.* 271, «отъ рѣкѣ и до озера» (новг. XV в.); наоборотъ: «въ святѣи Троицы» пск. лѣт. I. 180, «жены слѣпон отверзе очи» *ib.* 302. Примѣры, какъ «на Крому отъ Псковѣ» пск. лѣт. II. 22. 23. 31 или «паче первыа воинѣ» *ib.* 37 могутъ быть также родительными падежами на *ѣ* *вм.* *ы*, хотя эта черта

преимущественно свойственна новгород. говору какъ въ род. ед., такъ въ винит. множ. числа: «половину отцнѣ» ак. юр. 119, «въ вѣкѣ» ib. 111 (двин. грам. XV вѣка).

Для винительнаго падежа не лишнимъ считаю упомянуть постоянный оборотъ «на конь» въ вит. грам. 1300, въ грамотахъ московскихъ 1341 года, пск. суд. гр. § 110, пск. лѣт. I. 247 и т. д., сл. также «данте въ мнѣ конь» витебск. гр. 1300, въ новгородской грамотѣ 1301 г. «проводити сии гость» (но это можетъ быть также «*nominativus cum infinitivo*»), сл. лавр. лѣт. 237 «читите гость»; въ грам. витебской 1300: «далъ жо есприставъ», въ пол. вит. 1405 г. «надѣючеса на вогъ» (рус. лив. акт., стр. 120).

Окончаніе мѣстнаго падежа на *y* подчиняется отчасти тѣмъ же условіямъ, какія выставлены выше для родительнаго падежа на *y*, напр. «на вору» жит. Б. Гл. по сп. XII в., «на низу» нов. гр. 1327 г. (Шахм. 263), двин. гр. XV в. акт. юр. 111, «на лѣсу» гр. 1526 г. ак. юр. 121, «у ставу» юж. гр. 1366 г., «на стану» пол. гр. 1330 г. (р. лив. а. 54), «въ стану» двинск. гр. 1501 г. ак. юр. 125, 1543 г. стр. 190, шпат. лѣт., «на вроду» моск. гр. 1577 г. стр. 191, «на холму» лавр. лѣт. 221. 225, «на суду» пск. суд. гр., «на миру» пол. гр. ок. 1400, «во всякомъ весу» ib. 1405 (р. лив. а. 104. 119), «въ овчемъ фезу» ак. юр. № 19, стр. 40 (1532 г.), «на найму» ib., «на углу» ib. 55 (1571) и т. д. Уже съ давнихъ временъ тяготѣли къ *y* также существительныя, оканчивавшіяся на гортанную согласную, чтобы такимъ образомъ избѣжать переходъ ея въ свистящую, пока языкъ такъ сказать не вполне еще освоился съ сочетаніемъ *кь, ть, хь*. Большинство примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ (на стр. 122), подходитъ подъ это условіе, сл. также въ моск. грамотѣ 1327—8 г. «на червчатѣ шолку», или въ двинской грамотѣ XV в. (ак. юр. 115) «на писку», въ гр. 1510 г. ак. юр. № 14 «въ семъ списку», ib. 1518, № 16 «въ томъ списку», ib. 1530, № 18: «въ судномъ списку», ib. 1534 г. № 20 «въ нску», «на островку» ib. 1568 г. № 85, стр. 126, «на томъ верегу» ib. 127, «въ долгу» № 126, стр. 152.

Преобладаніе окончанія *ь*, показавшагося языку должно быть болѣе выразительнымъ, чѣмъ окончаніе *и*, могло дѣйствительно начаться очень рано, хотя нельзя всѣмъ примѣрамъ довѣрять. Къ упомянутому на стр. 128 прибавлю еще изъ минеи 1097 г. стр. 310 «въ тисѣмъ пристаницѣ». Замѣчательно, что и праздн. минея Импер. публ. библ. XI—XII в. пишетъ на л. 123 б точно такъ! Мѣстный ли это падежъ или же переписчики ошибочно поняли «пристаницѣ» въ смыслѣ именительнаго? Для полной убѣдительности хотѣлось бы встрѣтить форму «пристаницѣ», чего однакожь, насколько я знаю, нѣтъ. Итакъ, хотя можно допустить, что единичные примѣры преобладающаго окончанія на *ь* появлялись уже въ XI—XII столѣтіяхъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что еще въ XIV столѣтіи вообще умѣли различать *ь* отъ *и* по старому, напр. въ жит. Ниф. Ростовскаго 1219 г. читаемъ: «при князи при Васицѣ при сѣоу Костантиновѣ», «въ дворци пречюднѣ». Въ московскихъ грамотахъ второй половины XIV и въ началѣ XV столѣтія пишутъ рядомъ по старому и по новому: 1341 г. гр. «вратѣѣ», но еще «отци»; 1353 г. «кнагинѣ», «въ Переславѣѣ», «на Кержачѣѣ», «въ княженѣѣ», но еще «на князи»; 1356 г. «здоровѣѣ», «на Рокшѣѣ» и уже «по своемъ отцѣѣ».

Въ псковской суд. грамотѣ § 107 «по томъ времени» можетъ быть остатокъ старины, если *e* не замѣнило *ь*, какъ это случилось въ «дочерѣѣ» юр. Кал. I. 33 (1669 г.), «по матерѣѣ» акт. юр. стр. 148 (1568 г.), «весь въ кровѣѣ» акт. юр. 109 (1678 г.).

Судьба именительнаго и винительнаго падежей множ. ч. изображена въ лекціяхъ не такъ, чтобы легко было получить точное понятіе о всѣхъ фазисахъ ихъ. Преданіе первоначальныхъ формъ, совпадавшихъ повидимому съ церковнославянскими, было нарушено съ одной стороны вторженіемъ винительнаго въ область именительнаго и происшедшимъ оттуда смѣшеніемъ обоихъ падежей, съ другой стороны расширеніемъ области окончанія *ове*. Первое теченіе совершилось въ предѣлахъ всѣхъ нарѣчій

русскаго языка, послѣднее ограничивалось западной и югозападной полосой его. Это — самый общій выводъ, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ, разбросанныхъ въ лекціяхъ по различнымъ мѣстамъ (сл. стр. 139 — 140 и стр. 122 — 123). Относительно многихъ подробностей остаемся въ недоумѣніи. Такъ напр. если въ московск. грам. 1327—8 г. читаемъ «**мон люди коуплении**», то здѣсь несомнѣнный имен. падежъ въ формѣ «**мон**» и «**коуплении**», «**люди**» же можетъ быть винительный, но также новый именительный, образовавшійся по аналогіи обыкновеннаго, именительнаго на *и*, подобно тому какъ въ сербскомъ языкѣ, гдѣ вообще именительный не уступилъ винительному, все-таки *вм.* «**людик**» рано вошла въ употребленіе форма «**люди**». Не такъ ли было и въ русскомъ языкѣ? Или же въ москов. грамотѣ 1402 г. «**стогъ именуется три князи крестьянские**» — здѣсь «**три**» и «**крестьянские**» формы винительнаго, а «**князи**» форма именительнаго, но могла бы быть также форма винительнаго падежа, если считать «**князи**» новымъ винительнымъ, образовавшимся по аналогіи съ «**люди**», формою существовавшей еще въ XV—XVI вѣку: «**на ваши люди**» моск. гр. № 60 (1440 г.), стр. 131¹⁾. Настоящій именительный падежъ въ значеніи винительнаго виденъ въ примѣрѣ грамоты 1423 г. «**волостели свои и тиунни и доводцики судити княгини сама**». Здѣсь «**волостели**» и «**тиунни**» именительные падежи, «**доводцики**» по формѣ можетъ быть или винительнымъ (*ви* *вм.* *кы*) или именительнымъ (*ви* *вм.* *ци*). Послѣдній случай не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ примѣрахъ: «**на конюси свое**» новг. лѣт. I. 194, «**послалиси ови исцы на послуси**» акт. юр. № 13 (1508 г.). Наоборотъ, винительный въ качествѣ именительнаго: «**всѣ старце**» акт. юр. № 62 (1501 г.). Именительный множ. ч. на *e* — «**вогаре**» — употребляется также какъ винительный «**въ вогаре**» (напр. въ грамотѣ московской 1341 года).

¹⁾ Поэтому въ гр. 1508 г. (акт. юр. № 13, стр. 27) не слѣдуетъ читать: «**всѣхъ Дмитрею ишии... оправити**», потому что «**ишии**» не родительный, а винит. падежъ множ. числа.

Изъ «вои́ре» вышло «вои́ра», едва ли подъ вліяніемъ собирательныхъ на **и**, какъ полагаетъ авторъ (на стр. 154), а по той же причинѣ, которая вызвала «е́сма», «е́ста» изъ «е́сме», «е́сте» (см. выше на стр. 48—51). Я полагаю, что формы на **я**: «вои́ра», «хри́стьяна» и т. д. раньше попадаютъ на страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, чѣмъ тѣ, которыя по толкованію, предлагаемому въ лекціяхъ, должны были послужить для нихъ образцомъ. Форму «вои́ра» я могу засвидѣтельствовать подлинными памятниками XV вѣка: «кѣзи и вои́ра» 1462 — 1466 г. Калач. юр. б. I. 107, «кѣзи и мои вои́ра» 1479 г. Кал. юр. быт. I. 79. Вообще взаимное вліяніе формъ именительнаго падежа мн. ч. еще не вполне выяснено. Я напримѣръ не могу удовлетвориться толкованіемъ (на стр. 154), что именительный «погребá», «городá», «домá», «рогá» и т. д. образовался по образцу «господá». Это объясненіе уже потому мало удовлетворяетъ меня, что слово «господá» обозначаетъ собирательное живыхъ существъ, тогда какъ приводимыя существительныя на **-á** выражаютъ множественность предметовъ. Съ другой стороны подлежитъ сомнѣнію также догадка (тамъ же), что «сыновья́», «сватовья́», «кумовья́» образовались по образцу «братья́». Этому сопоставленію мѣшаетъ уже различіе ударенія, а также различіе род. падежа мн. числа: «братьевъ», «сыновей». Ближе во всякомъ случаѣ было бы указать на параллель съ формами «князьá», «мужья́». Но какъ образовалось «князьá» и «мужья́». Проф. Соболевскій указываетъ на форму собирательнаго ед. числа жен. рода «княжка́» и думаетъ, что нынѣшнее «князьá» не что другое, какъ та же самая форма, понятая въ слыслѣ мн. числа, подобно тому, какъ «братья́» безъ малѣйшей перемѣны формы только въ синтаксическомъ отношеніи перенесено изъ едн. числа въ множественное (стр. 152). Но и противъ этого соображенія можно возражать. Нѣтъ причины, кажется, полагать, что старинное «княжка́» въ ед. числѣ имѣло удареніе на послѣднемъ слогѣ; скорѣе можно утверждать, что произносилось «кня́жка», по аналогіи съ «братья́», (сл. «братъ-брáта» и «князь-кня́зя»). Въ такомъ случаѣ ожи-

дали бы и для множеств. числа произношеніе «кнѣжья» — род. пад. «кнѣжьевъ», по аналогіи «брѣтья-брѣтьевъ». Напротивъ, «кнѣзьѣ», а также «мужѣя» образовались вѣроятно не перенесеніемъ собирательной формы изъ ед. ч. въ множ. число, а скорѣе изъ предполагаемаго именительнаго множ. числа «*кнѣзьѣ», «*мужѣѣ» переходомъ ударяемаго, въ концѣ слова стоящаго *ѣ* въ *я*; точно такъ «сыновѣя» образовалось изъ «**сыновея**», но не безъ участія въ образованіи этой формы другихъ уже готовыхъ примѣровъ на *-ѣя*. Примѣры именительнаго мн. ч. «**кнѣзьѣ**», «**мужѣѣ**» могутъ быть и для древнерусскихъ памятниковъ засвидѣтельствованы, по крайней мѣрѣ такими близко подходящими параллелями: «стражѣ стражаху» новг. лѣт. I, 33, «и стаща дѣньѣ зли» *ibid.* 30, «звѣрьѣ днени» лавр. 131. По аналогіи этихъ существительныхъ могли образоваться также формы именит. падеж. «**кнѣзьѣ**», «**мужѣѣ**»; онѣ существовали, по крайней мѣрѣ, въ церковнослав. языкѣ¹⁾ (сл. Миклошичъ-Брандтъ, стр. 750), а въ особенности сильно распространены въ нынѣшнемъ словенскомъ нарѣчій (сл. Миклошичъ-Брандтъ 172. 805). Такой же переходъ въ именительный на *ie* былъ извѣстенъ также старочешскому языку (Gebauer, Staroč. sklonění substantiv kmene-o, str. 10 — 15) и старопольскому (Kalina, стр. 77). Поэтому очень можетъ быть, что онъ не былъ чуждъ также древнерусскому языку, только что здѣсь-то онъ не успѣлъ обнаружиться раньше, чѣмъ тогда, когда уже ударяемое *ѣ* перешло въ *ѣя*.

Миклошичъ и Брандтъ предпочитаютъ всѣ формы на *я* («брѣтья» «батѣжья» рядомъ съ «кумовѣя» и «хозяѣва») разсматривать какъ собирательныя, и потому первоначально единственнаго числа (сл. Микл.-Брандтъ на стр. 412). Но едва ли этотъ на видъ болѣе простой способъ объясненія въ данномъ случаѣ самый вѣрный. Я согласенъ, что «батѣжья» или «клѣнья» или «клѣчья», «колѣсья», «полѣсья», «уголья» дѣйствительно лишь

¹⁾ Поэтому встрѣчаются также въ русскихъ спискахъ церковныхъ текстовъ, напр. въ тактиконѣ 1397 года я отмѣтилъ себѣ съ листа 4-го «мужѣѣ».

собираТЕЛЬНЫя формы, перенесенныя по чутью внутренняго значенія въ множественное число. Но кто не видитъ разницы между этими словами и такими существительными какъ «князьѣ», «кумовьѣ», «друзьѣ», «сыновьѣ», «деверьѣ», «свекровьѣ»! Одна изъ этихъ формъ, «друзьѣ», просто по фонетическимъ причинамъ не можетъ быть собираТЕЛЬНЫМЪ ед. числа; сообразно съ «кльчѣя», «батожѣя», «сучѣя» и т. д. ожидали бы «дружьѣя». Я затрудняюсь даже допустить, чтобы форма «Татарвѣ» могла быть что другое, какъ собираТЕЛЬное, образовавшееся изъ «Татарове», «татаровѣя» — «татаровьѣ», съ которымъ по ударенію снова совпало «татаровѣя» — «татарвѣ». Что языкъ не остановился на формѣ «татаровьѣ», тому я нахожу причину въ значеніи слова. Для названій не то мѣсть, не то народовъ, русскій языкъ любитъ существительныя собираТЕЛЬНЫя женскаго рода ед. ч., сл. «Мерѣ», «Моурома», «Пома» и т. д. или въ пск. лѣт. I. 182: «Поганаѣ Латина». Какъ въ послѣднемъ примѣрѣ «Латина» образовалось изъ «Латина» вм. «Латинѣ» (имен. ед. ч. было бы «Латининѣ»), какъ «Лаяна» (= жители деревни Лай) замѣнило форму «*Лаяня» (вм. «Лаяне» сл. Микл.-Брандтъ, I. 411, прим. 3), точно такъ «татарвѣ» вышло изъ «татаровѣя», «татаровѣя». Можетъ быть такимъ же образомъ изъ «листвѣе» (вм. «листвіе») образовалось «листвѣя», но здѣсь скорѣе вліяла аналогія такихъ словъ, какъ «муравѣя». Форма «хозяева» вышла изъ «*хозяева» (вм. «хозяеве») точно такъ, какъ «боѣра» изъ «боѣря» (вм. «боѣре»), какъ «мѣщана» изъ «мѣщаня» (вм. «мѣщане») — стало быть и здѣсь нѣтъ надобности говорить о переходѣ собираТЕЛЬНОЙ формы слова изъ единственнаго въ множ. число.

Труднѣе найти точку отпавленія для многочисленныхъ именительныхъ на *а* безъ предъидущаго смягченія. Какъ я сказалъ, не вѣрится, чтобы одно слово «господѣя» могло сдѣлаться коноводомъ для всѣхъ тѣхъ существительныхъ, по большей части значеніемъ своимъ не укладывающихся въ рамку слова «господѣя». Развѣ можно допустить, что «господѣя», род. пад. «господѣя», по-

тянуло за собою: берега́-береговъ́, бока́-бокóвъ, вечера́-вечерóвъ и т. д.? Не думаю. Допустить это можно развѣ для такихъ словъ, какъ «лѣкаръ», «писарь», «учитель», которыхъ ѣ и безъ того легко объясняется изъ консонантическихъ формъ «лѣкарѣ», «писарѣ», «учителѣ», формъ возможныхъ и для древнерусскаго языка, въ доказательство чего укажу на примѣръ изъ псковской судной грамоты: «а только тѣ приставе рекутъ то слово» (Влад. Будан. Христ. I. 149, § 57). Но для именительныхъ «берега́», «городá», «лѣса́» и т. д. повидимому и этихъ примѣровъ мало. Кажется, эти формы, довольно позднія, стали входить въ употребленіе только тогда, когда въ трехъ косвенныхъ падежахъ уже установились окончанія *амъ*, *ами*, *амъ*. Вѣроятно это преобладаніе окончанія, начинающагося съ *а*, на которомъ было удареніе, хотя и не вызвало, но по крайней мѣрѣ значительно поддерживало и для именительнаго ударяемое *а*. И такъ скажемъ, вслѣдствіе трехъ падежей «берега́мъ», «берега́ми», «берега́хъ» вышло наружу также для именительнаго «берега́». Нельзя однакожъ утверждать, что упомянутыхъ трехъ падежей было достаточно для воспроизведенія именительнаго на *а*; въ такомъ случаѣ примѣровъ именительнаго на *а* было бы гораздо больше. Что же мы видимъ? Мы замѣчаемъ условія, сильно ограничивающія окончаніе *а*. Подробно и внимательно распространяется о нихъ Я. К. Гротъ въ Фил. Разысканіяхъ³ I. 441—они доказываютъ, что окончаніе на *а* зависитъ еще и отъ различныхъ другихъ факторовъ, кромѣ помянутыхъ трехъ косвенныхъ падежей. Самымъ важнымъ изъ этихъ условій я считаю неударяемость окончанія въ род. падежѣ ед. числа. Разница же между «голоса» и «голосá», «пóгреба» и «погреба́», «óкорока» и «окорока́» напоминаетъ очень живо такое же различіе у существительныхъ средняго рода: «сло́ва» и «слова́», «по́ля» и «поля́», «мóря» и «моря́», «зѣрка́ла» и «зеркала́», «дѣрева́» и «деревá». Спрашивается, не дѣйствовала ли тутъ въ самомъ дѣлѣ аналогія окончанія средняго рода на *а*? Но это дѣйствіе я бы во всякомъ случаѣ распространилъ только на слова, обозна-

чающія конкретные предметы, какъ: бока́, глаза́, дома́, лѣса́, рога́, хлѣва́, берега́, вертела́, волоса́, вѣра́, города́, жолоба́, жернова́, колокола́, короба́, кузова́, образа́, острова́, погреба́, полога́, пояса́, тормоза́, терема́, черепа́; и на такія слова, которыхъ абстрактное значеніе можетъ перейти въ конкретное: года́, вѣка́, края́, цвѣта́, голоса́, вечера́, холода́, откупа́, промысла́ и т. д. Напротивъ для словъ, обозначающихъ живыя существа, какъ: конюха́, повара́, пристава́, сторожа́, перепела́, тетерева́, и для всѣхъ иностраннѣ словъ такого же значенія, какъ: доктора́, мастера́, цензора́, профессора́ — ближе и естественнѣ думать, что они развивались подъ вліяніемъ формъ: учителя́, писаря́ и т. д.

Да извинитъ читатель эту растянутость, свидѣтельствующую лишь о томъ, что нѣтъ еще достаточно подобранныхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно въ лекціяхъ не указано, съ какихъ поръ попадаютъ примѣры на *а*; у меня по рукописи XV вѣка (1470 — 7, Уч. Зап. V. 61) отмѣчено «рукава же ризь ихъ широчи», но это можетъ быть еще двойственное число, какъ вообще въ этомъ словѣ форма «рукава» вѣроятно остатокъ дв. числа. Въ грамотѣ 1568 г. (юр. акт. 126) пишутъ: «жернова новые запасные», въ грамотѣ 1628 г. (у Иванова № 62): «на колоколне колокола».

Въ родительномъ падежѣ множ. числа хотѣлось бы нѣсколько подробнѣ узнать объ отношеніи между окончаніями мягкихъ основъ *евъ*, *овъ* и *ей*. Повидимому «рублевѣъ» («рублевѣъ» гр. 1388 г., «ств рублевѣъ»? гр. 1510 г.) и даже «рублеѣъ» (ак. юр. стр. 111. 260) старше чѣмъ «рублей», но уже въ гр. 1388 г. (гос. гр. I. 56) читаемъ «закладнии не держати» рядомъ съ «закладневѣъ», встрѣчающимся въ гр. 1362 г. стр. 44. Ср. также «сто лецовѣъ» ак. арх. эксп. I. № 66 (около 1460 г.). Старый род. падежъ сохранился не только въ «ис конь», «пятьдесятъ конь» моск. гр. 1353 г. (гос. гр. I. стр. 38 сл. «коневѣъ» 1432—43 г. Калач. I. 92), но также въ «мимо своихъ дядь» ак. юр. 1508 г. № 13, стр. 25. Существительное муж. рода

«жеревъи» пишутъ уже очень рано въ род. мн. ч. «жеревъевъ» (напр. въ гр. 1356. 1389 г. и т. д.), но «остожь», какъ существительное средняго рода, остается пока еще по старому: «шесть остожей» ак. юр. 124 (1550 г.), сегодня же говорится «деревьевъ».

Гораздо лучше и удовлетворительнѣе изложена въ лекціяхъ судьба дательнаго падежа множ. числа (на стр. 126—127) рядомъ съ предложнымъ и творительнымъ. Но и здѣсь хотѣлось бы еще узнать кой-какія подробности. Авторъ не высказалъ на словахъ того, что явствуетъ изъ приводимыхъ имъ примѣровъ: совпаденіе всѣхъ родовъ существительнаго въ окончаніяхъ *амъ*, *ахъ*, *ами* началось съ дательнаго падежа, за дательнымъ послѣдовалъ предложный, послѣдній же, подавшійся той аналогіи, былъ творительный падежъ. Кажется, не трудно это доказать и подтвердить примѣрами, что ходъ развитія новыхъ формъ дѣйствительно шелъ въ этой очереди. Легче всего было дательному падежу перейти изъ *омъ-емъ* въ *амъ*; переходъ изъ *о* въ *а* вообще самый близкій. Кромѣ того, я полагаю, и для русскаго языка не подлежитъ сомнѣнію, что первыя стали переходить въ окончаніе на *амъ* слова средняго рода, для которыхъ уже въ именительномъ падежѣ предшествовало образцомъ окончаніе на *а*; при именительномъ «сѣла» легко было дательному «сѣломъ» перейти въ «сѣламъ», при «ловица» образовалось «ловицамъ» (вм. «ловицемъ», что тогда уже переходило въ «ловицомъ») и т. д. Существительныя мужскаго рода, совпадавшія прежде въ окончаніи дательнаго падежа съ среднимъ родомъ, примкнули тотчасъ же къ нимъ и по отношенію къ новому окончанію *амъ*. Если же все это происходило такъ, какъ здѣсь изображено, тогда не нужно даже говорить о «смѣшеніи основъ на *о*, *з*, *ь* и на *а*»; никакого «смѣшенія основъ» не было, а просто дательный и предложный передѣлали свое окончаніе подъ вліяніемъ именительнаго падежа, причемъ языкъ находилъ нѣкоторую поддержку въ существовавшихъ конкретныхъ «формахъ» (не «основахъ») женскаго рода на *амъ*, *ахъ*.

Древнѣйшій примѣръ дательнаго муж. рода на *амъ* попадаетъ уже въ XIII столѣтїи, если вѣрно напечатано у Срезневскаго послѣсловїе матигорскаго паремейника 1271 года: «написахъ книги сиа азъ попъ стго дмитръя съ съимъ сконимъ *матигорцамъ*». Зато еще въ XVI вѣкѣ существовали такія формы: «холопомъ и воаромъ и мѣжикомъ» 1578 г.

Предполагая, что дательный падежъ мн. ч. былъ коноводомъ въ этомъ преобразованїи нѣсколькихъ формъ множ. числа, я опираюсь на данныя древнерусскаго языка, доказывающія, какъ мнѣ кажется, что мѣстному падежу труднѣе было уступить аналогїи, чѣмъ дательному, что въ то время, когда въ дательномъ падежѣ уже преобладало окончанїе *амъ*, въ мѣстномъ еще происходила борьба стараго съ новымъ, выходили наружу даже формы не старыя и не новыя, а какія-то среднїя, какъ доказательство, что языкъ былъ уже выдвинутъ изъ старой колеи, но на новую попалъ не сразу. Мы читаемъ въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71, VI. стр. 111) «тремъ селамъ» и рядомъ «на тихъ трехъ селѣхъ» (но также «въ ловищахъ» рядомъ съ «въ хмелникѣхъ»); тамъ же VIII (стр. 112): «ловищамъ» и рядомъ «на всихъ угодьѣхъ»; тамъ же XV (стр. 114): «по малымъ озеркамъ», XVIII: «у перевѣсницахъ» рядомъ съ «въ ручѣхъ»; тамъ же № 75 (1494 года): «къ пустошамъ», «дѣтамъ» (чаще въ это время еще «дѣтемъ»), но «на пустошѣхъ». Въ грам. 1555 г. (Калач. юр. б. I. 82—83): «къ селищамъ», «въ селищахъ», но также «въ полѣхъ». Въ одномъ послѣсловїи 1380 г. (у Срезн. 266) примѣръ «о людьскыхъ тажестѣхъ» представляетъ такую же среднюю форму. Сл. въ полоцк. гр. 1409 г. «на конѣхъ». Въ тактиконѣ 1397 года читаемъ уже «о раздорахъ» 6^a (именит. «раздоръ» ib.)¹⁾ Въ толк. еванг. 1441 г. (сѣверномъ):

¹⁾ Примѣръ «при первыхъ князахъ», приводимый въ русско-ливонскихъ актахъ на стр. 13, принадлежалъ бы къ древнѣйшимъ примѣрамъ, еще изъ XIII столѣтїя, но—вопервыхъ грамота сохранилась въ спискѣ съ конца XIV столѣтїя, вовторыхъ же въ подлинникѣ написано «при первыхъ княхъ», что еще не даетъ полнаго права читать «князахъ».

«по селахъ сконъ ходащимъ», 103^о, «въ градѣхъ и селахъ» ib. 104^а Въ домостроѣ существуютъ рядомъ «въ коровѣхъ» и «въ коровьяхъ», рядомъ «въ мешечкахъ» и «въ сѣндѣкахъ».

Говоря о колебаніяхъ, замѣчаемыхъ въ окончаніи мѣстнаго падежа множ. числа, нельзя обойти молчаніемъ формъ на *охъ*. Кажется, онѣ встрѣчаются преимущественно въ западнорусскихъ текстахъ XV и XVI столѣтія, напоминаютъ же собою наклонность древнепольскаго языка къ этому окончанію. Въ псковской судной грамотѣ читаемъ: «на приказникохъ» § 14; въ ипатской лѣтописи² 590: «въ ладохъ», часто у Скорины: «домоухъ, станухъ, мехохъ, радохъ, изыкоухъ» и т. д. (Владиміровъ, стр. 283). Съ этими народными формами западнорусскаго нарѣчія (или хоть бы только книжными, но проникшими въ письменность не изъ церковнославянскаго языка, а скорѣе изъ польскаго) не слѣдуетъ смѣшивать формы церковнославянскія на *охъ*, которыя занесены въ письменность въ этотъ позднѣйшій періодъ времени по образцу южнославянскихъ текстовъ того времени, въ которыхъ мѣстный на *охъ* встрѣчался не рѣдко. Такъ мы читаемъ въ одномъ церковномъ (апокрифическомъ) текстѣ XV вѣка «по мѣстоухъ» (Тихонр. отреч. кн. II. 371), въ одномъ текстѣ XVI вѣка «въ началникоухъ» (Бусл. ист. хр. 730).

Послѣдній, примкнувшій къ аналогіи, о которой рѣчь идетъ, былъ творительный падежъ; примѣры окончанія *ами* встрѣчаются изрѣдка уже въ XIV и XV столѣтіяхъ: «съ поллами» западнор. грам. 1883 г., «съ лугами», ib. «копьями изведоша», Бусл. ист. хр. 706, «орлами землями и пожнями и ловици и хмельниками» двин. грам. XV в. (ак. юр. 111), «съ сѣнными наволоки и съ вобровыми ловици и съ полѣшими лѣсами и съ путиками» ib. 115, «землями и пожнями и ловищами и всѣми угодьями» ак. юр. 39 (1532 г.). Старыя формы оставались долго въ употребленіи, въ особенности *ыми* не легко и не скоро поддалось общей аналогіи. Въ грамотахъ 13—14 вѣка часто попадаются формы: «мужьми», «коньми». Съ тѣхъ поръ, какъ окончаніе *ами* стало брать верхъ для всѣхъ существительныхъ

безъ различія, окончаніе же на *ы* еще не прекратило существованія, языкъ началъ терять чутье для различія обоихъ окончаній. Такимъ образомъ могли появиться мимоходомъ и такія формы, какъ: «съ двѣма комнаты» ак. юр. 1568 г. стр. 126; или въ псковской грамотѣ «подъ полуѣвъ» (вм. «полуѣвами»).

XVI.

Въ склоненіи мѣстоименій есть формы, о происхожденіи которыхъ можно сомнѣваться и предлагать различныя объясненія. Авторъ лекцій (на стр. 133—4) не затрудняется объяснять род. падежъ «меня», «тебя», «себя» вліяніемъ существительныхъ мужескаго рода. По его мнѣнію «меня» образовалось по образцу родительнаго «коня». Не считаю возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій не обнаруживаетъ никакихъ точекъ соприкосновенія со существительными мужескаго рода. Дательный падежъ на *ь* и творительный на *ою* напоминаютъ скорѣе склоненіе существительныхъ женскаго рода на *-а* (женъ, женою). Формы «меня, тебя, себя» должны быть объясняемы иначе, т. е. по моему онѣ вышли, какъ уже сказано выше на стр. 49, изъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ». Что же касается формъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ» въ качествѣ родительнаго падежа — примѣровъ не очень много, но все же столько, что они должны обратить на себя вниманіе — эти формы могли бы дѣйствительно состояться подъ вліяніемъ стариннаго окончанія родительнаго падежа женскаго рода на *ь* («доушѣ»), если бы этому толкованію, предлагаемому проф. Соболевскимъ, не мѣшало то важное обстоятельство, что склоненіе мѣстоименій, какъ видно изъ обоихъ выше приведенныхъ окончаній *ь* и *ою*, не примыкаетъ къ существительнымъ женскаго рода съ мягкою согласною, съ мягкими окончаніями. Какъ скоро въ дательномъ падежѣ существуетъ

«мнѣ, тобѣ, совѣ», въ творительномъ же «мною, тобою, собою», трудно допустить, чтобы въ родительномъ падежѣ на преобразованіе окончанія могли вліять слова типа «душа», вмѣсто типа «жена». Другими словами, допустивъ съ авторомъ «лекцій» вліяніе существительныхъ женскаго рода на образованіе родительнаго падежа ед. ч. мѣстоименій личныхъ, мы непремѣнно ожидали бы не «менѣ», «тебѣ», «себѣ», а «менъ», «тебъ», «себъ». Поэтому для объясненія этихъ формъ надо искать другихъ причинъ. Сказать ли, что въ окончаніи ѣ просто отразилось вліяніе дательнаго падежа? Припомнимъ себѣ, что и въ дательномъ падежѣ существуетъ такое же колебаніе между окончаніями е и ѣ («тебѣ — тебѣ»). Но возможно еще и другое соображеніе. Я указалъ выше (см. стр. 51) на примѣры употребленія буквы ѣ въ такихъ случаяхъ, гдѣ потомъ народное произношеніе изъ прежняго е образовало звукъ я («всаре — всаря»). Спрашивается, не передавали ли очень многочисленные формы именительнаго падежа мн. ч. на ѣ, а также и упомянутыя родительнаго «менѣ, тебѣ, себѣ» именно это переходное состояніе между е и я?

Мѣстоименіе перваго лица ед. числа «азъ» чередовалось уже въ XII столѣтіи съ народною формою слова я (я). Въ грамотѣ 1130 года (Мстислава и Всеволода) читаемъ рядомъ: «азъ мьстиславъ», «азъ долъ» и по народному «а се я всеволодъ». Причина отпаденія согласной з (по произношенію иногда с) въ лекціяхъ Соболевскаго не указана. Я нахожу ее въ аналогіи мѣстоименія перваго лица съ одной стороны съ «ты», съ другой стороны съ косвенными падежами тѣхъ же мѣстоименій (перваго и втораго лица). Произношеніе формы «азъ», съ консонантическимъ окончаніемъ, не находило опоры нигдѣ въ ближайшей области подходящихъ сюда словъ; всѣ формы оканчивались чистыми гласными (ты, мнѣ, мене, мена, мною). Вотъ по моему причина, почему языкъ пожертвовалъ согласною также въ формѣ «азъ». Помнится, какъ въ моемъ родномъ городкѣ дразнили произносившихъ по словенски «яз» (вм. обыкновеннаго «я»), прибавляя въ насмѣшку «тиз» (т. е. «ты» втораго лица съ такимъ

же э), желая этимъ какъ будто сказать, кто произноситъ «яз», тотъ долженъ произносить и «тиз». Я вижу въ этой психологической чертѣ самое наглядное доказательство для того, что дѣйствительно «ты» могло повліять на «азъ» или «язъ» и передѣлать его въ «я» (я).

Относительно именительнаго падежа множ. числа мѣстоименій оканчивающихся на ъ («тѣ», «онѣ», «всѣ») авторъ не высказался опредѣленно; онъ говоритъ только, что это окончаніе состоялось «подобно именамъ» (на стр. 134). Стало быть — подобно именамъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ (напр. «душѣ»)? Такъ ли? Вотъ съ этимъ объясненіемъ я никакъ не могъ бы согласиться. Не подлежитъ, думаю, ни малѣйшему сомнѣнію, что «тѣ» — выводъ языка, сдѣланный для именительнаго падежа изъ совокупности косвенныхъ падежей, обнаруживающихъ всегда передъ окончаніемъ основу формъ «тѣ». Какъ въ «тѣхъ», «тѣмъ», «тѣми» всѣ роды безъ различія совпадали въ одной формѣ, точно такъ и для именительнаго новообразованная форма «тѣ» совместила въ себѣ всѣ роды безъ различія. Число примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ, можно бы увеличить множествомъ другихъ, изъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, но они не даютъ ничего новаго. Прибавлю только, что основа «тѣ» такъ крѣпко засѣла въ языкѣ, что на основаніи ея развились нѣкоторыя новыя формы: въ грамотѣ 1462—1505 г. (у Калачева юр. быт. I, 170) читаемъ нѣсколько разъ «тѣе земли», «на тѣе земли»; даже въ единственномъ числѣ «тѣю деревню», «тѣю землею» (въ грамотѣ 1473 г. ак. юр. № 411).

Впрочемъ въ склоненіи мѣстоименія «тѣ» видно также вліяніе склоненія обыкновенныхъ прилагательныхъ. Когда въ именительномъ мн. числа пишутъ «тии людѣ» грам. витеб. риж. о. 1300, или «тне люди» рус. лив. акт. стр. 13, или «тін люди», «тін людѣ» грам. галицкая у Головацкаго № 1 (1375 года), или же въ винительномъ «тые люди», «тые конѣ», грам. вит. р. о. 1300 г., «тые люди дали есмо» гал. гр. 1375 г. ib. № 5, «оу тии часы» гр. 1388 г. ib. № 8—9, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь вліяли формы

прилагательнаго склоненія. Это вліяніе распространилось также на косвенные падежи множ. числа. Мы читаемъ преимущественно въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ памятникахъ: «кнѣзь тынхъ» р. лив. акт. 13, «тымъ мнихомъ» 1375 г. Голов. гал. гр. № 5, «отъ тыхъ масопѣсть» ib. № 8—9 (1388 г.), «тыми же колоколь» рус. лив. ак. 1407 г., «тыхъ именов» югозап. гр. 1438 г. № 20, «къ тымъ селомъ» ib., «къ тымъ имѣньамъ» ib., «во всихъ тыхъ имѣньахъ» 1442 г. № 25, «о тыхъ имѣньахъ» ib. № 39 (1503 г.), «на тыхъ мостѣхъ» ib. № 55 (1510 года). Изрѣдка попадаются тавія же формы въ грамотахъ новгородскихъ и московскихъ: «ис тыхъ селъ» новг. гр. 1327 г., «с тыхъ», «тыхъ» ib. 1373 г., «къ тымъ своводамъ» ib. 1305 г., «тыми волостми» моск. гр. 1328 г. № 25, «тыми», «тымъ» ib., «у тыхъ людин» 1353, № 24, «ис тыхъ мѣсть» 1356 г. № 25. Это двоякое склоненіе стоитъ въ связи съ двоякимъ именительнымъ падежомъ ед. числа. Старинное «тъ» могло остаться не тронутымъ въ своемъ окончаніи, принявъ изъ косвенныхъ падежей лишь слогъ «то» для опоры: получился именительный падежъ «тотъ» (напр. «тътъ товаръ» смол. гр. 1229 г., «тотъ въ сто, а тотъ потагнетъ» новг. гр. 1270 г. Шахм. 243, «тотъ дастъ ѿѣтъ» Срезн. 263). Къ этому именительному принадлежитъ правильное старинное склоненіе. Но «тъ» могло также, поддавшись вліянію прилагательныхъ, передѣлать именительный падежъ изъ «тъ» въ «тъи», «тъи», «той». Форма «тъи» встрѣчается дѣйствительно иногда въ грамотахъ новгородскихъ (въ грам. 1305 и 1327 гг.), но гораздо чаще въ грамотахъ западно-русскихъ, напр. въ витебско-рижской о. 1300 г. «тъи товаръ», «тъи конь», въ галицкой 1375 г. «той млинъ», ib. 1401 г. «той рокъ». Въ грамотахъ южно-русскихъ попадаются, какъ еще нынѣ въ языкѣ южно-русскомъ, обѣ формы рядомъ: напр. у Головацкаго, въ грамотахъ отпечатанныхъ въ Научномъ сборникѣ, пишутъ: «тъи листъ» № 1 (1350), «на той день» № 8—9 (1388), «оу тыжь днѣ» № 13 (1398), «тъи листъ» № 20 (1400), «той слювъ» № 23 (1388), «на той рокъ» № 24

(1401) и т. д., но тамъ же рядомъ: «тотъ миръ», «тотъ ѿповѣсть», «тотъ истиньчын» № 1, «тотъ овѣздилъ» № 4 (1371), «на тотъ рокъ» № 7 (1386), «на тотъ листъ» № 8—9, «тотъ зыскалъ», «тотъ стратилъ» № 24 (1401).

При существовавшей формѣ «тъи», «тои» простая послѣдовательность заставляла языкъ итти еще дальше, онъ образовалъ для женскаго рода форму «таи», для средняго «тоѳ»: «таи швиди» гр. 1300, «таи околица» лит. гр. 1387. Срезн. 267, «оуца таи волость» ів., «таи половина» грам. 1403 г. у Голов. № 26, «тоѳ узеро» ів. № 19 (1392—1429), «тоѳ село» лит. гр. 1387; для винительнаго падежа ж. р. форму «түю»: «про түю жалову» р. лив. а. 1284, «тбю жь правдѳ» гр. 1350 г. Голов. № 1, «тбю землю», «оу тбю землю» ів. № 26 (1403), «оусю түю дань» лит. гр. 1387 г.; для винительнаго средняго рода множ. числа «таи»: «оу таи ловишча» ів. № 18 (1392), «оуца таи село» лит. гр. 1387 г.

Для винительнаго падежа ж. р. ед. ч. существуетъ также форма «тоѳ», она появляется довольно поздно, кажется, не раньше XVI вѣка, ср. напр. «тоѳ кавалу», «тоѳ свою отчину» кал. I. 197, 199 (1547 г.), «на тоѳ деревню» ак. юр. № 183, стр. 198 (1585 г.), «тоѳ пустошь» кал. I. 75 (1593 г.); это «тоѳ» конечно не что другое какъ родительный падежъ ж. р., колебавшійся уже давно между «тоѳ» и «тоѳ». Какъ это случилось, что это *e* произносится *ѳ* вм. ожидаемаго *я*? Проф. Соболевскій думаетъ (стр. 57), что здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы средняго рода на *о* — моѳ, твоѳ, своѳ. Едва ли это такъ. Аналогическія вліянія происходятъ обыкновенно внутри рода или внутри падежа. Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь на родительный падежъ ж. рода вліялъ родительный же падежъ м. рода, т. е. что *тоѳ* поддалось вліянію произношенія *тоіо*, или, лучше сказать, *еіо* вліяло на *еѳ*.

Что касается формъ множ. числа съ основнымъ *и* вм. ожидаемаго *н* въ такихъ памятникахъ, какъ новгородскія, московскія, двинскія грамоты, то мнѣ сдается, что здѣсь вліяніе про-

исходило не съ окончаній мягкихъ на твердыя, а съ именительнаго падежа на косвенные. Мы присутствуемъ такъ сказать при борьбѣ именительнаго падежа съ косвенными, при борьбѣ для существованія. Именительный падежъ «ти», «вси» напрягаетъ свои силы и на время притягиваетъ къ себѣ даже косвенные падежи: «тимъ», «тихъ», «тими»; «всимъ», «всихъ», «всими», но силы его вскорѣ истощаются и онъ самъ уходитъ со сцены, уступивъ мѣсто новой формѣ, свидѣтельствующей о перевѣсѣ косвенныхъ падежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ двинскихъ грамотъ XV вѣка, въ актахъ юридическихъ № 71: «тими землями» IV, «всимъ тимъ сабрамъ» V, «тихъ селъ», «тихъ земель», «на тихъ трехъ селѣхъ», «ти три села», «на ти земли» VI, «на всихъ угодыхъ» VIII, «со всимъ володѣнемъ», «со всеми угоды» X. Въ доказательство, что здѣсь формы вляли другъ на друга, можно привести примѣръ ib. XI. «цѣмъ владѣлъ... тѣмъ владѣти», гдѣ подъ вліяніемъ формы «тѣмъ» вышло даже «цѣмъ».

Гдѣ о мѣстоименіяхъ рѣчь идетъ, не лишне было бы упомянуть словомъ о параллелизмѣ между *totъ* — *той* и *seъ* — *сей*. Форма «сеъ» существуетъ преимущественно въ юго-западныхъ текстахъ: «на сеъ листь» гал. грам. 1398 г. № 13 у Голов., «на сеъ нашъ листь» ib. № 26 (1403 г.); въ юго-зап. актахъ: «сеъ мои записъ» № 48 (1508), «сеъ нашъ листь» ib. № 59 (1512). Примѣръ «такоже и сеъ сложилъ» Бусл. ист. хр. 750 — выходитъ уже изъ рамки юго-западнаго края, сл. также у Кал. I. 187 «сеъ списокъ», то же самое ак. юр. 28. Я нашелъ также «сеси»: «кто на сеси листь позритъ» грам. 1421 г. у Голов. № 32. Въ той же грамотѣ читается также довольно рѣдкая форма «тонъ»: «а тонъ листь далъ панъ Васко». Винительный падежъ ж. рода мѣстоименія «съ» въ церковно-славянскомъ языкѣ былъ «снѣжъ» — «съжъ», въ русскомъ «сю» и даже «сюю»: «сюю грамоту» читаемъ въ литовско-русской гр. 1387 г. рядомъ съ «сю грамоту» Срезн. 266. 267, «сю кабалу» Кал. I. 201 (1547 г.). Есть также «сее» (рядомъ съ «тое»): «сее грамоту» ак. арх. эксп. I.

380^б. Въ грамотѣ полоцкой 1264 г. «сюю грамоту» теряетъ значеніе потому, что тамъ же есть также «сию». Именительный ж. рода «си»: «грамота си» русско-лив. ак. 131 (1407 г.); сл. ак. арх. эксп. I. 389^а. Средняго рода мн. числа: «по са мѣста» Кал. I. 222 (1561 г.).

Авторъ приписываетъ мѣстоименію «тотъ» значеніе члена уже для древне-русскаго языка (стр. 158). Приводимые примѣры мало убѣдительны. Въ сущности мѣстоименіе не лишняя прибавка, оно выдвигаетъ существительное какъ нѣчто читателю уже знакомое, съ нарочнымъ указаніемъ на него. Обыкновенно о такомъ словѣ, снабженномъ мѣстоименіемъ, заходила уже рѣчь въ предыдущемъ. Въ примѣрѣ изъ лѣтописи сказано: «смердовъ жалуете и ихъ конни», поэтому въ продолженіи разсказа можно было прибавить: «начнетъ смердъ тотъ орати лошадыю тою». Точно такъ во второмъ примѣрѣ: «въшедша два лаха на увозъ... лаха та ловашета его». Подобныхъ примѣровъ очень много. Въ этомъ смыслѣ написалъ также Аблесимовъ, на котораго авторъ ссылается: «коней ищу... а кони-та, кони-та какіе добрые были». Вся разница въ томъ — и за это указаніе мы признательны автору — что встарину мѣстоименіе еще склонялось, въ новомъ же языкѣ остались лишь нѣкоторыя формы его, преимущественно *то*. Если же говорить о употребленіи мѣстоименія въ качествѣ члена, отчего не указать на то «тотъ», которое въ русскомъ языкѣ служитъ опорю для существительнаго, имѣющаго возлѣ себя относительное предложеіе? Вѣдь и въ этомъ случаѣ мѣстоименіе играетъ роль члена, такъ какъ, судя по другимъ языкамъ, безъ него можно обойтись. Примѣры такой прибавки мѣстоименія имѣются уже въ старомъ языкѣ, напр. въ грамотѣ витебско-рижской о. 1300 г. читаемъ: «а имуть тѣ того чловека, кто развои оучинилъ», «про тую дѣтину, что товаръ его былъ съ развоиниковымъ товаромъ», «тын товаръ штдан, что еси взалъ».

XVII.

Относительно склоненія прилагательныхъ и причастій надо будетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-что прибавить. Напримѣръ, желательно бы увидѣть по примѣрамъ, какъ долго въ старомъ языкѣ именное склоненіе прилагательныхъ продолжало существовать на ряду съ формами сложными. Встарину писали: «поясъ золотъ» моск. гр. 1328, стр. 32, «поясъ великии золотъ» ib. 1356, стр. 40, «ковшъ великии золотъ» ib., «чечакъ золотъ» ib., «дати ти путь чистъ» моск. гр. 1368, стр. 48, «блюдо серебряно» ib. 1328, стр. 32, рядомъ съ «блюдо великое» ib., «шапка золота» ib. 1356, стр. 40, «сабли золота» ib. рядомъ съ «шапка золотая» 1328, стр. 32, «чепь золоту колчату» 1356, стр. 40, рядомъ съ «коровочку золотую» 1328, стр. 32, «поясъ сердониченъ» 1328, стр. 31, рядомъ съ «кожухъ черленъин» ib. 32, «на черечатѣ шолку» рядомъ съ «въ великомъ свертцѣ» ib.; сл. «по чепи по золотѣ», «по поясу по золоту» ib. 1356, стр. 40. Въ актахъ юрид. № 103 (1540 г.): «ель же на поклапю» рядомъ съ «ель поклапу» стр. 136, ib. № 104 (1556): «земла добра» рядомъ съ «земла среднаа» стр. 138; «сушило велико» ib. № 86, 126 (1568 г.). Въ ипат. лѣтописи 473: «созда церковь камену» рядомъ съ «свати церковь камену». Сл. еще Кал. I. 548 (раньше 1459 г.): «лошакъ рыжъ, лысь», ib. 573: «меринъ каръ, кобыла вур», ib. 540 «мерина темнофра, да мерина рыжа, да кобылу карю, да кобылу чалу».

Такая же свобода существовала въ выборѣ формы для прилагательнаго въ аппозиціи: «ожерелье на цахъ, на золотыхъ, разрушано съ ахонты и зъ жемчуги» моск. гр. 1509 г. стр. 406; «приде Лестъко к Белзу, увѣженъ Александромъ» ипат. 487; «кто на пиръ придетъ пити незванъ» ак. арх. эксп. I, № 143, стр. 115а.

Потеря именнаго склоненія у причастія настоящаго и прошедшаго времени, о которой на стр. 156—7 рѣчь, не можетъ

быть названа особенностью древне-русского языка по отношению ко всѣмъ примѣрамъ, приводимымъ авторомъ: иные изъ нихъ несомнѣнно существовали уже въ южно-славянскихъ подлинникахъ. Отъ вниманія автора несомнѣнно не ускользнула попытка профессора Ю. Шмидта объяснить формы на *-и* при дательномъ самостоятельномъ ед. числа какъ остатокъ консонантческаго окончанія этого падежа (К. З. XXVI, 369, 370). По моему съ почтеннымъ лингвистомъ нельзя согласиться, но наблюдение его доказываетъ многочисленность отступленій отъ правильного употребленія причастія въ дательномъ падежѣ, замѣну его окончаніемъ на *-и* или на *-е*. Если бы объясненіе Шмидта было вѣрно, мы ожидали бы какъ остатокъ консонантческаго дательнаго только окончаніе на *-и*, но какъ извѣстно, въ старинныхъ текстахъ это окончаніе чередуется съ окончаніемъ на *-е*. Колебаніе же между *и* и *е* могло произойти оттого, что въ именительномъ множ. числа употреблялись оба окончанія, для окончанія *и* кромѣ того направлялся въ единственномъ числѣ именительный ж. рода. Раньше другихъ пошатнулся конечно дательный самостоятельный, напр. въ первой новгор. лѣтописи (фототип. изд. стр. 77) читаемъ: «кнѣзю же очютивъше» (вм. очютивъшю), или же тамъ же на стр. 215: «фоминѣ нѣ исходаче»; въ особенности въ множ. числѣ чутье для правильной именной формы утратилось очень рано, ее стали замѣнять формою сложною, напр. «слюцимъ послы межи собою о мирѣ, Олговичемъ же и Половцемъ не дадүцимъ миритиса... столцимъ же имъ до вечера» ипат. 301. Гдѣ не было нарочно выраженного дательнаго имени или мѣстоименія, тамъ и причастіе покидало форму дательнаго, довольствуясь окончаніемъ на *и*: «повелѣ имъ ездачи воевати» ипат. 468, «не погнетши пчелъ меду не фдѣтъ» ів. 509, «назадъ фдучи приставаютъ къ берегу» акт. арх. эксп. I, № 263, стр. 293 (1563 г.), сл. ів. № 65 (о. 1460) «кому будетъ стати фдучи». Есть также примѣры на *е*: «тѣмъ поуѣдъ извераче оучинити, а друтъи ковати изверивше тѣмъ» смол. грам. 1330 г., рядомъ съ «правити емоу поемъши дѣтскъи». Замѣна винительнаго падежа

номинальнаго склоненія тѣмъ же окончаніемъ на *и* видна также въ примѣрахъ, подобныхъ слѣдующему: «видѣвъши же книгини его примѣши мнискыи чинъ» ипат. 472. Позднѣйшимъ шагомъ, кажется, была утрата чутья для разницы числа, напр. «уже буду не исправнѣ, исправнѣ читите» еванг. синод. 1357 г., «радуется заецъ извѣгши ис тенета» маргар. 1499 г. послѣсл., «Некрасъ живучи въ той отчинѣ да тѣ деревни запустошилъ» Кал. I. 219 (1576 г.), *ibid.* 176 (1534 г.): «меня не жалужа а нарочачи нгумену да велѣлъ». «не хода на судъ помирились» акт. арх. эксп. I, № 263 (1563 г. стр. 292), и наоборотъ «везучи дорогою веречи не учну» ак. юр. № 200 (1655), или тамъ же, стр. 164 (1559 г.): «вы въ тѣхъ разбойниковъ имали жъ да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрѣпко казнили».

Остатокъ стариннаго винительнаго падежа имен. склоненія сохранился въ оборотѣ «влѣжачь»: ак. юр. № 61 стр. 102 (1676 г.).

Не понимаю, почему авторъ (стр. 157) называетъ форму «видя», «увидѣвъ» — старою, окончаніе же *и* въ «идучи», «видѣвши» — формою новою? Я не вижу для этого названія ни малѣйшей причины въ исторіи рус. языка. Вѣдь формы «видя» или «увидѣвъ» настолько же новы для существительнаго женск. рода или мн. чис., на сколько стары формы «идучи», «видѣвши», если онѣ относятся къ существительнымъ женскаго рода или множ. числа! Ново развѣ то, что языкъ уже не отмѣчаетъ разницы рода или числа, и давая предпочтеніе той или другой формѣ, руководится соображеніями другого свойства. Такъ напр. форму на *чи* любить простонародный и, подражая ему, книжный языкъ въ концѣ предложенія: «взяться за дѣло *умтючи*» Тург., «ступиль... переваливаясь какъ бы *крадучись*» *id.*, «сердце изныло на родителей нашихъ *глядючи*» *id.* Точно такъ форма на *ши* становится все болѣе правиломъ у глаголовъ возвратныхъ: «она стосковалась не *простившись* со мною какъ слѣдуетъ» Аксак. сем. хр., «старикъ долго ходилъ *задумавшись*» *ib.*, «они станутъ тосковать *разставшись* съ семействомъ» *ib.*; «поднявшись съ постела, мы

имѣли возможность не заѣхать въ село», *ib.* «не дождавшись охлажденія, уходилъ отъ меня» Гонч., «обувшись, взявъ ружье и осторожно отворивъ дверь... вышелъ на улицу» Турген., «сидѣлъ скорбившись *ib.*, «уже промотавшись, онъ въ п. не порывался» Гонч., «повертѣвшись около себя опять улеглась» *ib.*, «закутавшись въ плащъ, погрузилась въ мечть» *ib.*, «прснувшись на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей» Толст. Невозвратные глаголы употребляютъ безъ различія формы на *-въ* или на *-вши*, хотя и здѣсь второе окончаніе кажется выразительнѣе, поэтому дается предпочтеніе ему, когда оно выставлено въ концѣ: «жутко умирать *не полюбивши*» Тург. У глаголовъ перваго разряда длинныя формы на *-ши* уже потому почти исключительно въ употребленіи, что короткія совпадали бы съ причастіемъ другого рода: «протекши болѣе двухъ тысячъ пяти верстъ, впадаетъ въ Касп. море» («протекъ» совпадало бы съ церковносл. «протекль») Пушкин., «зажеши свой лагерь, пошелъ обратно» («зажегъ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «зажегль») *id.*, «строевую службу онъ прошелъ, протерши лямку» Гонч. («протеръ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «протерль»), «она сидѣла *подпершись*» Толст.

Къ примѣрамъ особеннаго употребленія несклоняемой сравнительной степени прибавляю форму «вольши» возлѣ «воле»; значить встарину языкъ останавливался пока еще на одной изъ правильныхъ формъ именительнаго падежа, такими же были «воле» изъ средняго, «вольши» изъ женскаго рода: «котораа деревна волши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню волши корму и побороеъ положатъ» ак. арх. эксп. I. № 150, стр. 121 а, «вольши того» ак. юр. № 70, стр. 109 (1678 г.), «а волши того есми денегъ у нихъ не имывалъ» Кал. I. 176 (1534 г.), «верьсты по дѣ и по три и волши» *ib.* 211 (1547 г.).

Говоря о судьбѣ формъ прилагательныхъ на *-зи* и *-ьи* (стр. 159—160), профессоръ Соболевскій употребляетъ такія выраженія, по которымъ можно бы вывести заключеніе, что формы

на *-ой, -ей* водворились въ великорусское нарѣчіе лишь въ теченіе XV столѣтія, вытѣснивъ мало по малу бывшія раньше въ употребленіи окончанія *-ый* и *-ий*. Можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ такъ и было въ литературномъ языкѣ. Но вѣдь цѣль изслѣдованія въ родѣ «лекцій» не довольствуется изложеніемъ фактовъ, она стремится изъ-за написаннаго слова глубже вникнуть въ характеръ народнаго произношенія. Дорожа этой высокою, хотя трудно достижимою цѣлью, мы должны и въ данномъ случаѣ поставить вопросъ прямо: слѣдуетъ ли окончанія *-ой, -ей* признать въ великорусскомъ нарѣчій чертою сравнительно новою, или же они существовали въ живомъ языкѣ уже давно, но долгое время были покрыты слоемъ формъ литературныхъ? Я склоняюсь въ сторону послѣдняго мнѣнія, и какъ уже сказано выше (на стр. 29), считаю возможнымъ допустить, что въ примѣрахъ «тѣлообразной видъ» мин. 1096 г. 36^a, «нестере чюдънои» ів. 107^a, «вѣчьнои животъ» мин. 1097, 4^b, или «ночьнои вранъ», «истиньнои» пс. толст. XII в. (Лавр. 29) мелькаютъ ранніе слѣды народнаго произношенія. Что же побуждало писцовъ замѣнять въ этихъ примѣрахъ окончаніе *-и* окончаніемъ *-ои*, если не желаніе поддѣлаться подъ народное произношеніе? Можетъ быть даже не что другое какъ привычка произносить окончаніе именительнаго падежа на *ой* вводила иногда въ заблужденіе относительно косвенныхъ падежей въ такихъ примѣрахъ: «во-лѣзньноиухъ» мин. 1097, 9^a, «неистьлѣньноиухъ» ів. 14^b? Впрочемъ подобныхъ примѣровъ очень немного. Изъ раннихъ случаевъ окончанія *-ои* приведу изъ послѣсловія евангелія 1339 года (у Срезн. малоизв. пам. № 86): «кназь великои».

Въ женскомъ родѣ слова «третій» ожидали бы по аналогіи съ «перваа», «втораа» форму «третьаа», вмѣсто чего нынѣ пишемъ *третья*. Въ старомъ языкѣ можно встрѣтить также полную форму: «да третьяи бервь» акт. юрид. 1544 г. стр. 123^b, № 81.

Окончаніе родительнаго падежа прилагательныхъ на *оо* (вм. *юо*) объясняется авторомъ изъ произношенія *но* переходомъ согласной *н* въ *в* (на стр. 90). Объясненіе это не хуже другихъ

попытокъ, но пока не засвидѣтельствованы формы въ родѣ «**двороо**», какъ напр. засвидѣтельствованы слова «**осподарь**» (двин. гр. 1397, моск. грам. I. 117) или «**великою княинею**» (моск. гр. I. 147), любознательность наша остается и впредь неудовлетворенною. Столь замѣчательный фактъ русскаго языка заслуживалъ освѣщенія нѣсколькими примѣрами. Сказано же только на словахъ, что «формы съ *o* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣвернорусскихъ актахъ XV в.». Мнѣ встрѣтилось дѣйствительно въ одной подмосковной грамотѣ, относимой къ 1462—1466 г., но сохранившейся въ «современномъ спискѣ»: «**волосново чавка**», «**к правво**» (Калач. юр. б. I. № 31, стр. 107), потомъ же въ подлинной грамотѣ московской 1445—1446 г. Троиц. Серг. мон. «**к правво**» (тамъ же I. 97) и въ грам. Бѣлозерскому Кириллову монастырю 1471 г. «**переж сево**», «**ни ставленово**», «**въ волостново**», «**монастырьсково**» тамъ же № 31, стр. 113. Изъ XVI в.: «**старово ршзводу**» гр. моск. 1566 г. у Иванова № 41, (тамъ же № 65 (1630 г.): «**да подачево Ондръа**»). Много примѣровъ даетъ домострой по списку XVI вѣка: «**кнѣзѣа молодово**», «**новобрачново**», «**ветшаново**», «**зеленово**», «**тово і тово**» «**кѣаке исчево вѣдетъ**» и т. д. Въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ по списку XVII в. (въ изданіи О. Д. П. 1879, I): **накормите прохожева старца 66**, «**лѣтчева повара шинвѣ**» ib., «**иново государѣа**» 1613 г. Бусл. 1008, «**ево друзи**» 1665 Тихонр. II. 437.

Кому угодно довольствоваться объясненіемъ этихъ формъ путемъ перехода *z* черезъ *h* въ *o*, тотъ съ удовольствіемъ будетъ указывать на «повост» (вм. погостъ) какъ произношеніе Вятской губерніи, на «восподь», «восударыня» тамъ же, на «блavorодіе», «вербовой лис(т)» въ Екатерин. губерніи.

XVIII.

Прибавимъ наконецъ нѣсколько замѣчаній къ послѣдней, десятой, главѣ, излагающей «исторію формъ спряженія» (стр. 163—194). Авторъ начинаетъ съ потери имперфекта, полагая что эта потеря могла произойти въ самое раннее время. Но такъ какъ выше (на стр. 96—97) сказано, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имперфектъ формою своею значительно отступалъ отъ правильно образованной церковнославянской—то надо допустить, что въ первое время древнерусской письменности имперфектъ еще существовалъ и въ народномъ употребленіи, только формы его были, конечно, лишь терпимы, нисколько же не принадлежали къ любимымъ средствамъ народнаго выраженія. Мнѣ кажется, положеніе имперфекта въ древнерусскомъ языкѣ было нѣсколько похоже на состояніе нынѣшняго сербскаго языка, въ которомъ имперфектъ уже совсѣмъ вымираетъ, но въ литературномъ языкѣ онъ употребляется еще довольно часто и это употребленіе вовсе не обусловлено знакомствомъ писателей съ церковнымъ языкомъ, а вытекаетъ изъ живого чутья. Точно такъ, должно быть, и въ древнерусскомъ языкѣ формы имперфекта уже охотно обходились, но если иногда писали ихъ, то не потому только, что выучивались имъ изъ церковныхъ книгъ, а потому, что черпали изъ не пересохшаго еще родника живой рѣчи. Такое впечатлѣніе производятъ на меня многочисленные случаи имперфекта въ разныхъ текстахъ русскаго происхожденія, напр. въ житіи Θεодосія, написанномъ Несторомъ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и т. д. Такіе примѣры, какъ въ Лавр. лѣт. 11: «си же (Обри) воєваху на словѣнѣхъ... и насилье твораху женамъ дулѣпскимъ: аще поѣхати будаше въбрину, не дадаше въпрачи кона ни вола, но велаше въпрачи...» или тамъ же, стр. 180: «и тако изидаше изъ монастыра, взяма мало коврѣжекъ въшедъ въ пещеру и затвораше двери пещерѣ и засыпаше перстью... аще ли будаше нужное

врудѣе, то *шконцемъ малѣи бесѣдоваше*», или тамъ же, 184: «*аще кого видаше в помышленѣи, обличаше и в тайнѣ и наказаше бявустиса аще которын братъ оумышлалаше ити из манастирыа и оузраше и, пришедъ к нему обличаше мѣсль его и оутѣшаше брата аще к нему что речаше, свудашетса старче слово*», или тамъ же: «*изидаше ис цркви шедъ въ кѣлю и оуснаше и не възвраташетса в цркви до шпѣтыа. аще ли вержаше на другаго и не признаше к нему цѣтокъ, стоаше... дондеже шпоаху оутренюю и тогда изидаше в кѣлю свою*», или въ 1-й новгор. лѣтописи: «*оже куплаху по ногатѣ хлѣбъ*» 6631 (такъ часто), «*адахуоу люди листъ липовъ*» 6636 (и это часто), «*чадо свое всажаше въ ладью*» ib., «*стражѣ стрежаху день и ноць*» 6644, «*по вса дни загарашеса, не съмѣлаху людѣ жировати въ домъхъ, нъ по полю живахуть*» 6702, «*вожаше съ собою посадника*» 6704, «*жалаху по немъ... и радовахуса*» ib., «*дѣти своѣ длахуть одьренъ*» 6723 — и т. д. — многочисленные примѣры подобнаго рода производятъ на меня, повторяю, впечатлѣніе чуткаго отношенія къ живой народной рѣчи. Для подражанія языку церковнославянскому заключается въ этихъ и подобныхъ оборотахъ слишкомъ много самостоятельности и оригинальности, но и неправильность не доходитъ еще до тѣхъ размѣровъ, какіе видны въ формахъ XV—XVI столѣтій. Поэтому, мнѣ кажется, можно считать несомнѣннымъ, что формы имперфекта, въ древнерусскомъ языкѣ X—XIII вѣка жили еще въ памяти народа, хотя съ кой-какими измѣненіями противъ церковнославянскаго языка. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что на большомъ пространствѣ русскаго языка потеря имперфекта произошла не въ одно и то же время, но я не считаю возможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка, съ точностью опредѣлить или указать, съ какого конца эта потеря началась. Можно догадываться, что на сѣверозападной окраинѣ, но пока это такъ и остается простой догадкой.

Основательно возражаетъ авторъ противъ «бишь» какъ им-

перфекта; съ объясненіемъ, предложеннымъ покойнымъ Шлейхеромъ, нельзя согласиться. Но не знаю, почему не сказано, какъ другіе объясняютъ это «бишь»? Кажется, съ производствомъ частицы «бишь» изъ «баишь» (отъ глагола «баить») можно согласиться.

Аористъ могъ гораздо долѣе существовать въ живой рѣчи русской, чѣмъ имперфектъ, судя по тому, что въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ аористъ находится еще въ общемъ употребленіи, тогда какъ имперфектъ, какъ сказано, уже вымираетъ. Нельзя однакожь утверждать, что всѣ формы древнерусскаго аориста вполне совпадаютъ съ церковнославянскими. Отступленія замѣтны уже въ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ. Къ примѣрамъ, вычисленнымъ въ лекціяхъ на стр. 165, прибавимъ еще тотъ-другой. Прежде всего отмѣтимъ отсутствіе окончанія *тъ* въ третьемъ лицѣ ед. числа такихъ примѣровъ, какъ «поча княжити» 1283—4 Срезн. 237, «нача» 1350 Срезн. 259, «приа» о. 1350 Ср. 260, «въза» ів. 233, «из-д-роуки иза кмоу мечь» жит. Ник. Срезн. мал. пам. № 32, «поча оубывати сѣнца» новг. лѣт. I. 20, «въза новъи тѣргъ» ів. 40, «и приа сла вса» ів. 43, «пои дѣчерь» ів. 79. Чередованіе въ послѣднемъ глаголѣ двухъ основъ, неопредѣленнаго наклоненія «поиати» съ настоящимъ временемъ «поиму», заставило языкъ образовать иногда аористъ изъ основы, свойственной только настоящему времени, и вотъ появились такія формы аориста: «дроугъиа изма роукама» новг. лѣт. I, 31, «и ту га изма, и посла пѣакы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажеже» ів. 150, «изма дворанѣ», ів., «осѣкы ихъ възьма» ів. 156, «а дроугъиа измаша» ів. 73, «многы повиша а инъихъ измаша» 167; «поути зааша и сѣлы измаша» 68, «измаша кѣназа» 232, «и дани поима по всѣмоу върхоу... и за колокомъ възьма дань» ів. 115 (сличь на-противъ «воротивъшеса възаша всю дань» 71), «не ида къ городоу поима дары» 172, «поима около озера сѣна» 212, «оубиша ихъ мѣ, а жены ихъ и дѣти поимаша» ів. 124 (сл. «възаша дѣти ихъ» 14), «поимаша слоужьбьное еугѣне» 140,

«дворъ зажьгоша а житик ихъ понмаша» 148, «на инѣхъ се-
ревро понмаша» 150. Форму «понмаша» можно читать какъ
«понмаша» и какъ «поймаша», потому что существуютъ рядомъ
«изимаша» и «изьмаша» ib. 64, сл. «изима» 230. Такъ
«съима» ib. 6. 7 вѣроятно произносилось *сойма*, не *соима*, т. е.
сънима, сл. «перемаша» ib. 21. 59. И въ простомъ глаголѣ
рядомъ съ «аша» встрѣчаемъ также «имаша» съ нѣкоторымъ
оттѣнкомъ различія въ значеніи; послѣдняя форма стоитъ въ
связи не столько съ «имати—имаѣ», сколько съ настоящимъ
временемъ «имѣ — иметь»: «възаша на разграбленіе дѣмъ
ихъ... имаша на нихъ нѣ съ полоуторы тысаце грѣвъ» 36,
«възаша оу него... также и оу инѣхъ имаша» 42, «имаша
искоупъ князи» 239. Къ этому аористу примкнуло наконецъ
также неопредѣленное наклоніе «понмати» — хотя въ новгор.
лѣтописи еще правильно «поати», напр. 218 — со значеніемъ
совершеннаго вида, оттуда и причастія «понмаѣтъ» (читай: *пой-
маѣтъ*) или «измаѣтъ»: «а новгородѣце измаѣтъ всеволодъ... дѣр-
жаше оу себе» 115 — 116, «измаѣтъ ѿ всѣхъ посла» 165, «ако
тамо измано вачьшикъ моужъ» ib., «понде къ торожкоу понмаѣтъ
стареншикъ моужикъ» 168. И съ окончаніемъ настоящаго вре-
мени: «понма съ собою» 105. 161.

Такъ какъ аористъ былъ живучее имперфекта, то не удиви-
тельно встрѣтить иногда форму аориста тамъ, гдѣ ожидали бы
имперфектъ, напр. въ той же новгородской лѣтописи (фотол. изд.)
стр. 22: «вода ваше велика въ волховѣ а снѣгъ лежа до якова
днѣ» (вм. «лежаше»); ib. 38 «и стоа всѣхъ лѣто осмынька велика
по Ѣ. резан» (вм. «стоаше»); или же аористы отъ основъ несовер-
шеннаго и многократнаго вида, которые болѣе свойственны фор-
мамъ имперфекта, въ новг. лѣт. 61—62 читаемъ «княгину
въпоустниша въ монастырь стѣна варвары а дружиноу ко въ
погрѣвъ въсажаша» (ожидали бы «въсадиша», напротивъ при-
мѣръ на стр. 24 «оцѣ и мѣти чадо свое въсажаше» можно понять
какъ 3-е лицо ед. ч. имперфекта, поэтому и не нужно съ проф.
Соболевскимъ, на стр. 165, предполагать здѣсь смѣшеніе окон-

чаній имперфекта и аориста¹⁾; *ibid.* 202 «много оумаша и не могоша ко оумолити» (здѣсь было бы лучше «оумаху»); тамъ же «повокваша около тържоку вецисла и не догонаша тържоку» (ожидали бы по крайней мѣрѣ «не догониша», какъ 190 «сѣго ниша»), *ibid.* 204: «сѣзва вадкоу антония и посладника иванка и всѣ новгородце и запраша братик своки и всѣхъ новгородьць» (и здѣсь ожидали бы «запрашаше», т. е. «молаше»).

Примѣрами, приводимыми въ лекціяхъ (стр. 165—6), конечно еще не исчерпаны всѣ странности въ употребленіи аориста. Количество ихъ безчисленное, начиная съ смѣшенія основъ, примѣры котораго указаны выше — сравни тамъ же 29. 97 «роубоша» при неопредѣленномъ «роубити» или въ текстѣ XVI в. (Тихонр. отреч. пам. I. 10) «аз же листие берѣ» — и кончая съ полнѣйшею потерей чутья для различія лицъ, что конечно встрѣчается не раньше XVII столѣтія: яко слышахъ азъ, распалихся сердце мое Тихонр. I. 4 (XVII в.), благословенъ господь Богъ вышній иже научиша тебѣ с нашего учения мудрости» сем. мудр. I. 12 (изд. О. Л. Д. П.), введе его въ свои полаты и посади его подле себя и смотриша на него *ibid.* 14, жена его ключи украдоша и хожаше к ъному юноше *ibid.* 33, «от конскаго ржания град трясахуся (ск. о Бовѣ кор. XVII в. П. Д. П. 1879. I. 50), и т. д.

Смѣшеніе 3-го лица ед. числа въ значеніи аориста прибавкою окончанія *тъ* съ настоящимъ временемъ въ значеніи будущаго я могъ бы засвидѣтельствовать однимъ примѣромъ уже первой новгородской лѣтописи, на стр. 11: «лице кто изъ истьбы вымѣзеть, напрасно оубькнѣ вѣваше», хотя здѣсь не немислимо также будущее время въ такомъ смыслѣ: сколько разъ ни кто выйдетъ. Примѣръ, приводимый въ лекціяхъ «родить» (на стр. 165) изъ евангелія 1355 г., нельзя назвать надежнымъ потому, что точно такъ пишутъ «родитъ» вм. «роди» уже южнославян-

¹⁾ Въ другомъ примѣрѣ изъ той же лѣтописи, стр. 130: «и вса мѣста обнескаша а изъ глѣкъ гвонды вынимаша, и видѣше водоу текущую, идоша прочь» несомнѣнно надо исправить «видѣше» въ «видѣвъше».

скіе тексты (ср. Мар. ев. стр. 3. 17). Забѣтимъ кстате, что и Кириллъ Туровскій употребилъ для аориста «оумреть» 34, «поможеть» 50.

Еще обращу вниманіе на одну особенность древнерусскаго аориста, характеризующую его по отношенію къ старославянскому. Какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ памятникахъ южнославянскихъ имѣются аористы «пожрѣхъ» и болѣе употребительное «пожрѣхъ», «оумрѣхъ» и болѣе употребительное «оумрѣхъ» и т. д. (см. Миклошичъ-Брандтъ 134, Wiedemann, Beiträge 92—93, 103). Въ древнерусскихъ памятникахъ, насколько они не передаютъ буквально формы церковнославянскія, преобладаетъ аористъ перваго типа, если рѣшимся отождествить «оумроухъ» съ церковнославянскимъ «оумрѣхъ», если же не лучше будетъ, сказать, что это аористъ новѣйшаго типа на -оухъ: «оумре» (vI. оумре) мин. 1096, 010. 17, «оумре онтонъ» новг. лѣт. I. 49, «измроша» ib. 24, «измроша» ib. 127, «оумроша» еванг. 1393 г., «прострѣ» тріод. постн. Ср. 151.

XIX.

Взамѣнъ аориста и имперфекта русскій языкъ сталъ очень рано, уже въ первыя столѣтія древнерусской письменности, употреблять причастіе прошедшаго времени на -ль со вспомогательнымъ «есль» и безъ него. Объ этомъ излагается въ лекціяхъ на стр. 169—172, гдѣ достаточнымъ количествомъ примѣровъ освѣщенъ фактъ, что при 3-мъ лицѣ ед. числа глаголь «естъ» могъ отсутствовать уже въ древнѣйшее время, начиная съ надписи на тмуророканскомъ камнѣ и такихъ коротенькихъ записей въ различныхъ рукописяхъ, какъ «Лавра псалъ» (мин. типогр. библ. за апрѣль), «городѣнъ пьсалъ» 1096, «завидъ псалъ» ев. 1097, «оугриньць фалъ» (юр. ев. 1119), «а писалъ

явило» 1232 г. сл. отмѣтку «чи кдѣ дѣтина помалѣ, ѿць ѿдалѣ до сюду» парем. 1271 г. Вѣрно указано въ лекціяхъ также, что и для перваго лица могло отсутствовать «есмы», но лишь при нарочной прибавкѣ мѣстоименія «азъ» или «а»: «и азъ далѣ роукою своєю» читаемъ уже въ грамотѣ 1130 г. рядомъ съ «азъ... повелѣлъ есмь» и «се я Всеволодъ далѣ есмь». Нѣсколько позже, т. е. не раньше конца XIII столѣтія, попадаютъ уже и второе лицо ед. и мн. числа и первое лицо мн. ч. безъ «еси», «есте» и «есмы»: въ грамотѣ витебскорижской около 1300 г. (Ср. 240—241) читаемъ: «мы вашее братне не ѿбидѣли ни грабили товара... аже ты его товаръ оузалѣ... то ты ему не далѣ... а ты ему велелѣ продати... ты княжо тые коне ѿбизрелѣ ты его хотелѣ безъ измены... тотъ ты реклѣ княжо». Но рядомъ съ этими примѣрами въ той же грамотѣ еще чаще прибавляется «еси»: «еси товаръ ѿдалѣ... ты его ѿковалѣ еси и дѣржалѣ его еси... а товара еси ѿдалѣ... княже то еси неправду дѣлалѣ, забылѣ еси... шолѣ еси, товаръ еси взалѣ, и то помалѣ еси, тотъ еси неправду дѣлалѣ, что еси взалѣ, оу чемъ то еси неправду дѣлалѣ, то еси неправою думою думалѣ, и велелѣ еси, ажо еси свое крѣное челованне забылѣ, оулюбилѣ еси, ты княжо давалѣ еси, далѣ жо еси, не дослужилѣ сѧ еси, что еси самъ давалѣ». Точно такъ и къ первому лицу мн. ч. прибавляется еще чаще «есме»: «както есме не чювали... приготовили сѧ есме бѣли и рекли есме... какъ то есме не чювали».

Проф. Соболевскій отзывается (на стр. 172) о сложномъ прошедшемъ времени такъ: «мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго». Эти слова, передающія вѣрно фактическую сторону, способны вызвать возраженіе по отношенію къ дѣйствительному смыслу приводимыхъ фактовъ. Неужели авторъ лекцій считаетъ такіе примѣры какъ «далѣ есми» отраженіемъ живой народной рѣчи? неужели онъ вѣритъ въ дѣйствительность формы 1-го лица «есми»? На стр. 118 онъ оставилъ благоразумно этотъ

вопросъ нерѣшеннымъ, сказавъ только, что «есми» «мы находимъ... въ памятникахъ XIV вѣка и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южнорусскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 года». Примѣры XIV вѣка еще такъ рѣдки, что стоило перечислить ихъ. На грамоту Андрея Полоцкаго трудно сослаться, потому что она сохранилась только въ спискахъ; да хоть бы и придать значеніе подлинности нѣсколькимъ примѣрамъ съ конца XIV вѣка, какъ напр. въ грамотѣ о. 1400, гдѣ читаемъ «положилъ есми», «придалъ есми» (Срезн. обзор.² 290) — въ грамотѣ полоцкой 1396-го года: «и жъ позволѣ есми» теряетъ значеніе уже потому, что тамъ же написано еще «писана въисти» — все-таки эти примѣры, если взглянуть на нихъ критически, теряютъ значеніе уже потому, что въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, начиная съ конца XIV столѣтія, всплываетъ наружу «есми», во всѣхъ древнѣйшихъ текстахъ писалось еще только «есмы». Въ грамотахъ московскихъ 14-го вѣка постоянно писали: «есмы роздѣлъ оучинилъ», «далъ есмы» (1328 г.), «велѣлъ есмы», «положилъ есмы» (1353 г.), «писалъ есмы» (1371 г.) и т. д., только въ 15-мъ столѣтіи, да и это сначала въ спискахъ, начинаетъ появляться «есми»: «что есми съ тобою одинъ человекъ» 1433 г. № 48 (стр. 96), «а со княземъ есми любовь взялъ» ib. 97, «а что есми посылалъ» ib. 98, въ грам. 1434 г. (тоже въ копіи № 51, стр. 103): «есми далъ», въ подлинникѣ, въ двухъ грамотахъ 1434 года, № 54—55 (стр. 107—112): «далъ ти есми», «а что еще въ цѣлованкѣ будучи есми съ тобою, не додалъ ти есми», ibid. № 60 (стр. 131, 1440 г.): «далъ есми вамъ во очинѣ», «што са былъ есми отъступилъ». Такъ въ одной рязанской грамотѣ 1356 г. читаемъ «далъ есмы», «есмы въкучалъ», «есмы оучинилъ» и даже съ причастіемъ на *оу*: «возрѣвъ есмы», «сгадавъ есмы», а въ рязанской же грамотѣ великой княгини Анны (1464—1501) пишутъ «пожаловала есми». Всѣмъ этимъ примѣрамъ я не придаю больше значенія, чѣмъ пресловутому сербскому изъ XIV столѣтія, на который авторъ не пропустилъ сослаться!

Въ памятникахъ, употребляющихъ еще имперфектъ, передается также давнопрошедшее время чрезъ причастіе со вспомогательнымъ глаголамъ «*бяхъ-баше*», напр. въ новгород. лѣт. I, 79 «*оумьрль баше*», «*тоу во бяхоу вьшли соуждалицы пьлкоу*» ib. 86. Съ исчезновеніемъ имперфекта долженъ былъ выйти изъ употребленія и этотъ синтактическій оборотъ; форму «*бяхъ-баше*» замѣнило причастіе «*быль*», опять съ глаголомъ «*есмы*» или же безъ него: въ выше упомянутой грамотѣ витебско-рижской: «*приготовили сѧ есме были*», или въ грамотѣ новгородской 1270 года (Шахм. 242): «*а что были ѿиаль братъ твои*», въ смол. рижской грамотѣ около 1300 (Куникъ, Нап. № 8): «*какко есте были въ л(юбъ)ви*», въ московской грамотѣ 1388 г. (С. Г. Гр., № 33, стр. 56): «*а что ти сѧ есмъ былъ отступилъ дани въ Ростовѣ*». Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано на стр. 166, надо было заявить, что нынѣшнее вставочное *было* вынулось изъ указаннаго оборота давнопрошедшаго времени. Параллель къ этому замѣчательному синтактическому развитію представляетъ вставочное *будетъ* или *буде*, подобный же остатокъ синтактического оборота причастія на *-ль* со вспомогательнымъ глаголомъ *буду*, о которомъ говорится на стр. 167—168. Напрасно авторъ возражаетъ противъ названія этого оборота сослагательнымъ будущимъ; вѣдь названіе грамматической формы не должно обнимать всѣ случаи синтактического употребленія ея; для большинства же славянскихъ нарѣчій, въ томъ случаѣ и древнерусскаго языка, этотъ оборотъ представляетъ дѣйствительно не что другое какъ сослагательное будущее. Если въ грамотѣ о. 1300 г. (Срезн. 240) написано: «*будуть тебе княжю лиши люде тую думу повѣдали... то есть тебе княжо до-стоинно аже бытые люди казнилъ*», то здѣсь конечно рѣчь идетъ о событіи прошломъ, уже совершившемся, но написавшій изреченіе «*будуть повѣдали*» взглянулъ на этотъ фактъ съ своей точки зрѣнія какъ на нѣчто подлежащее еще повѣркѣ, какъ будто бы прибавляя отъ себя: «если окажется, что тебѣ повѣдали». Въ такомъ смыслѣ нужно понять всѣ завѣренія старыхъ записей:

«аѹи кдѣ... боудоу криво написалаъ» прол. 1262 г., «аще кдѣ боудоу изъгробивилъ» 1307 г. Ср. 242, «гдѣ будоу не исправилъ или описалса» 1369 Ср. 264, «кдѣ боудоу не дописалаъ или преписалаъ» 1370 Ср. 265. Сл. также Калач. I. 90 (1391—1425): «што емоу далаъ... или што боудет к тѣмъ поустошем потагло ннѹхъ земля», въ грамотѣ 1427 года (Ср. м. п. № 54): «мѣста потаган будутъ к литвѣ... а подати будуть давали, ино имъ и нинеча тагнути». Настоящимъ будущимъ сослагательнымъ становится этотъ оборотъ, коль скоро главное предложенье содержитъ въ себѣ будущее время; къ числу такихъ формъ принадлежитъ, конечно, также неопредѣленное наклоненіе въ значеніи повелительнаго, напр. «а коуны кмати на ннѹхъ оу истцевъ своихъ, оу кого боудеть кто коупилъ» новг. гр. (1307—1308, Шахм. 249), «взати кмоу коуны, колико боудеть далаъ по исправѣ» *ib.* (1305—1308 Шахм. 251), «кто боудеть коупилъ... кто боудеть даромъ ѿдалъ... а то поидеть бес коунъ к новоугородоу» *ib.* (1325—1327, Шахм. 262). Въ смоленской правдѣ о. 1230 г. (Срезн. 223—224): «аже оубьютъ моужа вольного, тѣ выдати разевонники, колико то нѹхъ боудѣтъ было»; (р. лив. акты, стр. 420—443): «а боудеть переже на неи не было соромъ» § 12, «аже боудеть на неи перѣе соромъ былъ» *ib.*, «што боудеть имъ соулнаъ наима, черес то имъ воле не взати» § 37 по редакціи Д. Е. Ф. (въ А. В. С.: «что имъ посоулишь, то даи а волѣ не даи»). Сущность новаго оборота заключается въ томъ, что «будеть» прекращаетъ дополнять причастіе какъ вспомогательный глаголь и присоединяется къ предложенію въ родѣ самостоятельной вставки, вліяющей на глаголь въ значеніи: *пусть будетъ* или *положимъ*, что равняется союзу *если*. Въ грамотѣ № 52 у Калачова, акты юр. быта (стр. 222, 1561 г.) читаемъ: «азъ господине того не вѣдлю, кому будеть Некрасъ лвалаъ и гдѣ у него записано». Здѣсь можно будетъ отнести къ причастію «лвалаъ», но также считать самостоятельной вставкою. Такое же двусмысленное положеніе занимаетъ будетъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «изъ лавокъ денги и пласть и сукна и вса-

кой товаръ кралъ ли, и будетъ кралъ, и кто съ нимъ товарищи были». Кал. I. 268 (1647 г.). Самостоятельное положеніе вставочнаго будетъ видѣе тамъ, гдѣ главнымъ глаголомъ предложенія состоитъ не причастіе на -*ль*, а настоящее время: «та будетъ пожилина росолнаа лежитъ пуста» грам. 1578 г. у Иванова № 42, «а будетъ наши земли... намъ очистетца» 1686 г. *ib.* № 70, «кто будетъ роду его тое вотчину похочеть выкупить, и ему та вотчина выкупать» Кал. I. 87 (1625 г.), «и бѣде вы не здадите моего изменника» о Бовѣ корол. XVII в. ПДП. I, 64, «а буде кто изъ тое вотчины возметъ крестьянина, а ж не очисти, и мнѣ дать крестьянина» Кал. I, 484 (1692), «а буде кто станеть въ тѣхъ люди вступатца, и мнѣ очистать отъ крѣпостей» *ib.* 487 (1695).

Выраженію *буде* вполне соотвѣтствуетъ нынѣшнее *если*, старшее *естъ*: «а есть де вы кто къ нему подкинулъ, и онъ де вы челобитке свое записалъ» Кал. I, 519 (1680 г.).

XX.

Указывая на разные способы передачи будущаго сложнаго (на стр. 168—169), проф. Соболевскій находить, что передача черезъ «начну» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ была очень рѣдка. Кажется, это не такъ; число примѣровъ съ *начну*, *почну*, *учну*, не меньше чѣмъ примѣровъ будущаго сложнаго съ *хочу* и неопредѣленнымъ: «а починѣть са кто ѿнихъ просити» смол. правда 1230 г. Ср. 224, «а кто почне наступати на ти земли, ино очистивати ти земли Онцифору» двин. гр. XIV—XV в. (юр. ак. № 71, стр. 111), «а кто почнетъ настоупать, ино спасъ на него» Кал. I, 441 (XV в.), въ новгород. грам. 1317 г. (Шахм. 259): «а въ которого члѣка почнутъ шкупа(ти) села, шкупити кему и доврок и худок»; въ акт. юр. б. Калач. I. № 15, стр. 35

(1673 г.): «а кои нынѣ крестьяна... живутъ и... учнутъ жить», «которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ на пустошахъ учнутъ жити» ib. 55 (1612 г.), «всѣмъ крестьяномъ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ учнутъ жити» ib. 74 (1588 г.). Эта фраза «учнутъ жити» повторяется часто (сл. Кал. I. 83: 1555 г. и т. д.); взаимѣнъ ея въ другихъ, кажется, болѣе древнихъ грамотахъ, читаемъ «нму»: напр. въ московской 1388 г.: «коли нмоу слати» стр. 56— «а хто иметъ жити людемъ старожилицевъ, и тѣмъ людемъ... ни котораа дань» Кал. I. № 30 (стр. 78, 1443 года), «кто оу ниx иметъ жити» ib. 91 (1443); сл. тамъ же I. 92 (1433 г.), 104 (1463). Сличн также Кал. I. 101 (1449 г.) «коли... оучнутъ соль продавати», «учнетъ судити», «учнутъ искати»; ib. 443 (1443): «оучнутъ ловити», а въ грамотѣ смол. 1230 г. (Срезн. 224—225): «нмоутъ са бити», «тѣтъ ли еметъ хытрити». Такое же разнообразіе и въ прошедшемъ времени: ib. 253 (1620 г.) «учалъ говорити» Кал. I, 184 (1534 г.): рядомъ съ «искати сталъ», «отефчати не стали» Кал. ib. 185, а въ галицкой грамотѣ 1401 г. «тожъ емѣ алъ шпоевѣдати» (Голов. Наук. Сборн. 1866. I. 37).

Судьба сослагательнаго наклоненія со вспомогательною частицею *бы*, превратившеюся въ неизмѣняемое словечко изъ бывшаго когда-то аориста «быхъ-быша», изложена на стр. 166—167. Не вполне точнымъ нахожу выраженіе автора, будто «старая форма сослагательнаго наклоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*». Не о прошедшемъ сложномъ рѣчь идетъ, а о измѣненіи которому подвергалась форма вспомогательнаго глагола *быхъ*. Примѣры, приводимые самимъ авторомъ, доказываютъ, что это такъ. Развѣ въ примѣрахъ «любили вы ма бысте», «грѣха вы не быша имѣли», «знали вы бысте и отца», «аще вы быша силы были бы» и т. д. можно говорить о прошедшемъ сложномъ съ прибавкою *бы*? Не лучше ли сказать, что 3-е лицо ед. числа *бы*, вслѣдствіе частаго употребленія его рядомъ съ союзомъ *а*, *аще*, примкнуло къ этимъ союзамъ какъ нѣчто нераздѣльное, причемъ «быхомъ»,

«*бысте*», «*быша*» сначала еще не опускались, а все-таки оставались въ предложении настоящими выразителями условности и заодно указателями лицъ. Только во второмъ лицѣ, сначала лишь множественнаго числа, вмѣсто «*аще бы есте*» вошло въ обычай писать также «*аще вы есте*». Происхожденіе этого оборота мнѣ представляется такъ: когда чутье для правильнаго употребленія глаголовъ «*есмь*» и «*быхъ*» начало колебаться, на форму *бысте* стали смотрѣть какъ на сложившуюся изъ *бы* и *есте*, поэтому при выставленномъ уже *бы* рядомъ съ союзомъ *аще* (или *а* или *что*) вм. повторенія полнаго *бысте* довольствовались формою *есте*, какъ мнимымъ сокращеніемъ полнаго *бысте*. Примѣровъ для *бы есте* и даже *бы естя* — количество громадное, начиная съ XIV столѣтія; два примѣра изъ московской грамоты 1353 года приведены у Соболевскаго — по образцу же множ. числа развился потомъ, гораздо позднѣе, и для единственнаго числа оборотъ *бы еси*: «*аще бы еси хотѣлъ избавити, избавилъ бы еси*» читаю въ одномъ прологѣ XVI вѣка, гдѣ конечно *еси* такая же вставка книжной мудрости, какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ; ср. «*во истинѣ былъ бы еси на сѣмъ конѣ*» Бусл. хр. 703 (XV в.), «*и со книгинами бы еси поговорилъ*» ib. 755 (1533 г.). Въ грам. 1649 г. (Кал. I. 271): «*и ты въ... сыскалъ бы еси*», въ сказаніи о семи мудрецахъ I. 10: «*прошу у тебя, что^б еси посла^а посла своего*». Встарину не знали такихъ цвѣтковъ краснорѣчія, напр. въ грамотѣ о. 1300 (Срезн. 241) писали: «*аще бы ты оу своемъ словѣ стоялъ а нашу вратню проводилъ бы, мы быхомъ не поминали*».

XXI.

Къ изложенію того, что называется «Исторією формъ настоящаго времени» (на стр. 172 — 176), позволю себѣ прибавить слѣдующее. Я былъ изумленъ, прочтя у автора (на стр. 173),

что онъ считаетъ 2-е лицо ед. числа глагольвъ дашь, ѣшь — повелительнымъ наклоненіемъ. Мнѣ до сихъ поръ казалось самымъ естественнымъ дѣйствіемъ аналогіи 2-го лица всѣхъ прочихъ глагольвъ, что и даси, ѣси, черезъ дась, ѣсь, перешло въ дашь, ѣшь. Да и единственный примѣръ, приводимый авторомъ изъ псалтыри XIV в. («до избытка ѣши») не говоритъ въ пользу его толкованія потому, что «ѣши» ужъ никакъ не указываетъ на повелительное наклоненіе. Но формы дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите, не повелительное ли это наклоненіе? Допустимъ, что это такъ, хотя легко представить себѣ, что бывшія (дадать) и существующія до сихъ поръ (ѣдятъ) окончанія 3-го лица легко могли, по аналогіи съ прочими глаголами, вполне независимо отъ повелительнаго наклоненія, развить новыя формы для 1-го и 2-го лица мн. ч.: дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите (по образцу родятъ—родимъ—родите).—Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что дадите—ѣдите для повелительнаго вовсе не употребительны, по предложенному же въ лекціяхъ объясненію выходитъ страннымъ, что формы повелительнаго наклоненія, на дѣлѣ не существующія, могли вытѣснить формы настоящаго времени.— Но повторяю, хоть бы и допустить, что нынѣшнее дадимъ — ѣдимъ формы стариннаго повелительнаго наклоненія, слѣдуетъ ли отсюда, что и дашь—ѣшь должны быть формы повелительнаго наклоненія? По моему вовсе нѣтъ. Поэтому я буду и впередъ смотрѣть на ѣшь, дашь, какъ на аналогическія формы настоящаго времени, пока мнѣ не укажутъ хоть бы на одинъ примѣръ съ окончаніемъ *жь* въ значеніи настоящаго времени. Не имѣю примѣровъ, да и у Соболевскаго нѣтъ ихъ, для настоящаго времени: ѣдимъ—ѣдите, дадимъ — дадите; — въ концѣ XIII столѣтія еще писали «даси» («или того не даси» рижск. гр. о. 1300 Срезн. 241) и мн. ч. «мы правдоу дамъ» гр. смол. 1284—1297, «мы не дамъ ни продамъ» *ibid.* Ср. 241; повелительное «даи» существовало уже въ XIV столѣтіи: «а еугагиле даи емоу» Срезн. м. п. № 20, «даите» *ib.* № 35; но для множ. числа повелительнаго наклоненія могу засвидѣтельствовать новыя формы уже примѣ-

ромъ XIV вѣка: «мы же, братіе, кажемъ» Бусл. хр. 498. Въмѣсто нынѣшняго совпаденія повелительной формы «ѣшь», съ настоящимъ «ѣшь» встарину различали то отъ другого: «не кажъ всакоа нечистоты» мин. XVI в. ОЛДП. № 11. 168; «даи свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви» Бов. кор. XVII в. ПДП. 1879 I. 54.

Какъ изъ даси вышло дашъ, такъ изъ хоши—извѣстной формы желательно-повелительнаго склоненія—вм. хошь развилось хошь по той же аналогіи обыкновеннаго окончанія второго лица на *шь*: «ты въ кавалѣ послухъ, а вѣтчину хошь выкупать назадъ»? Кал. I. 190 (1534 г.), «не могла яз Бовы прелстить хошь его повѣсь, хошь его на коль посади» Бов. кор. ПДП. 1879 I. 63. Встарину было «хоши»: «не хоши прияти» Срезн. 193 (около 1200), «въсхоши въздържанию» ефр. сир. XIII—XIV в. Къ единственному «хоши» принадлежитъ правильное множ. число желательнаго склоненія «хотимъ», вошедшее въ новомъ языкѣ въ общее употребленіе. Простонародный языкъ, а также древніе памятники, знаютъ множ. число дѣйствительнаго настоящаго времени: «мы хочомъ вѣ жаловатиса» грам. пол. 1300 г. Срезн. 241, «ижь хочемъ» югозап. гр. 1389 г., «хочютъ» грам. пол. вит. 1407 г.

Относительно глагола «дышать» было бы достаточно указать автору на Я. К. Грота (Русск. право. ⁴ 30, Филол. Разыск. ³ II. 322). Лучше всего умѣть соблюдать это различіе нарѣчіе словенское, въ которомъ *dišati—dišim—diši* значить: распространять запахъ, а *dihati—dišem*: дышать; первый глаголь ставитъ удареніе на послѣдній слогъ: *dišim, dišiš, diši*, второй на предпоследній: *dišem, dišes, diše*.

Для правильнаго настоящаго времени «слову» вм. нынѣшняго слыву укажу на примѣры, отмѣченные у меня: «што руськаа земля словеть полочькаа» вит. пол. грам. 1264 г., «деревна на которой вы стоите, словеть Борозовскаа» акт. юр. № 19 (стр. 41, 1532 г.). Къ случаямъ же утраты правильнаго настоящаго времени прибавлю гнать—гоню (вм. жену).

Окончаніе 3-го лица ед. числа безъ -тъ вовсе не такъ рѣдко, какъ могло бы показаться, судя по словамъ проф. Соболевскаго. Для меня «само собою» не «разумѣется», что многочисленныя формы безъ -тъ въ изборникѣ Святослава принадлежать не русскому, а церковнославянскому языку. Это надо было доказать. Да и самъ проф. Соболевскій не считаетъ этого вопроса столь простымъ и легкимъ, какъ казалось бы по его слегка брошенной формулѣ «само собою разумѣется». Вѣдь и онъ прибавляетъ многозначительную оговорку, окончательно разрушающую его увѣренность. Онъ говоритъ, что если не всѣ, то многія формы могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковнославянскому языку (стр. 175). Но если многія формы — церковнославянскія, то хотѣлось бы узнать, какія же все-таки русскія? Авторъ допускаетъ и самъ, что 3-е лицо единст. числа безъ -тъ особенно часто попадаетъ въ галицко-волинскихъ памятникахъ. Не будетъ ли кстати по отношенію къ этой особенности признать также изборникъ Святослава близкимъ родственникомъ галицко-волинскихъ памятниковъ? Во всякомъ случаѣ этотъ довольно важный вопросъ нуждается въ болѣе подробномъ разборѣ и изслѣдованіи. Не вдаваясь въ перечисленіе примѣровъ изъ изборника 1073 или 1076 годовъ, напомнимъ только, что и въ словѣ Исполита объ Антихристѣ, памятникѣ, отличающемся впрочемъ замѣчательною выдержанностью церковнославянскаго языка, все-же попадаются примѣры безъ -тъ: «боудѣ видѣан» 6, «хоще» 67, «да почкѣ» 73, «да не може» ib., «не поѣдаю ли землю нухъ ниини, не держа ли ю ромен» 44, «да положи еже има» 54. Въ торжественникѣ XII вѣка, въ которомъ чудо св. Николая (Срезн. м. п. № 32), нѣсколько разъ читаемъ «ю» (вм. «юсть») и также: «отъ стои оу тебе» (стр. 28). Въ житіи св. Савы только «что пророкъ вѣщакъ» 209, «да вуде бес троуда» 229, «такоже к лѣпо» 253, «что ти е» 455.

Въ обзорѣннй формъ повелительнаго наклоненія не все излагается въ такомъ видѣ, чтобы дѣйствительные историческіе про-

цессы выходили вполне ясно наружу. Во главѣ всѣхъ отступленій древнерусскаго повелительнаго отъ церковнославянскаго я бы поставилъ то, что было главною причиною ихъ, т. е. рѣшительное вліяніе 2-го лица ед. числа на 2-е лицо мн. числа. Начиная уже съ Остромирова евангелія, какъ хорошо указано на стр. 178, постоянно повторяются примѣры уравниванія 2-го лица множественнаго числа 2-му лицу ед. числа, такъ что вся разница заключалась только въ прибавкѣ къ единственному числу окончанія *-те* для множественнаго числа. Напрасно авторъ увѣряетъ (стр. 178), что «старыя формы на *-ѣмъ*, *-ѣте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.». Я съ этимъ не могу согласиться въ виду такихъ фактовъ, какъ у Срезн. м. п. № 32 (XII в.) «съ великою вѣрою понидиѣ», «идиѣ» стр. 26, въ грамотѣ смоленско-рижской о. 1297 (Кун. Нап. № 3): «какъ то мозите стояти», или въ гр. новгор. XIII в. (Срезн. м. п. № 35): «възмите», въ двинской грамотѣ XIV в. «станите на судъ» (ib. № 29), въ минеѣ новгородской 1369 года «не каѣните», въ грамотѣ новгородской послѣ 1300 (Срезн. 242): «томоу вѣры имите», въ грамотѣ витебско-рижской около 1300 г. (Ср. 241): «се мы готови, поедимъ», въ послѣсловіи одного новгородскаго евангелія 1232 года (Срезн. обзор.² стр. 106) «где боудоу помалъ са, чтите исправляюче». Даже въ новгородской лѣтописи I. 158: «и мы пондимъ». Наконецъ въ сѣверныхъ двинскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка читаемъ: «постерегите» акт. юр. 430, «возмите», 432, «не двиньте», «не обидьте», «постерегите» ib. Не хочу этимъ отрицать, что иногда оставались формы на *-те* по церковнослав. преданію, но это лишь остатки литературной формы. Какъ извѣстно, на сокращеніе окончанія *и* въ *ѣ* въ современномъ языкѣ вліяетъ удареніе, падающее на предыдущій слогъ; встарину быть можетъ случаевъ съ удареніемъ на *и* было больше, чѣмъ нынѣ. Сл. напр. у Кал. I. 217 (1555 г.): «поѣди господине за нами, и мы тебѣ укажемъ», произносилось несомнѣнно «поѣди».

Въ южнорусскихъ говорахъ сохранилась разница между «ВЕДИ» и «ВЕДѢТЕ», между «НЕСИ» и «НЕСѢТЕ» до сихъ поръ въ степени мягкости: веди, неси—ведіте, несіте; эта разница проведена тамъ же и для глаголовъ III^о и IV-го класса: гори, хвали—горіте, хваліте, гдѣ конечно горіте хваліте формы аналогическія, поддавшіяся подъ образецъ повелительныхъ ведіте, пвіте, мріте, двигніте. Сюда, должно быть, относятся также примѣры, приводимые авторомъ изъ разныхъ южнорусскихъ памятниковъ: «отвалѣте», «хранѣтеса», «творѣте», «молѣтеса». Но съ этими примѣрами не должно смѣшивать встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ формы «ицѣте», «покажѣте», «важѣте», ꙗ которыхъ чередуется съ а («ицате», «покажате», «важате»). Въ послѣднихъ примѣрахъ нѣтъ повидимому ничего діалекческаго-русскаго, это скорѣе рабское подражаніе формамъ, занесеннымъ въ древнерусскую письменность съ юга. Не всегда легко рѣшить, принадлежитъ ли форма на -ѣте къ старымъ (т. е. южнославянскимъ) или новымъ (южнорусскимъ). Напр. въ житіи св. Савы, памятникѣ, какъ уже сказано, несомнѣнно южнорусскомъ, можно бы «възицѣте» стр. 169 считать новизною южнорусскою, но такъ какъ здѣсь во всѣхъ прочихъ случаяхъ строго выдержана разница между -ите и -ѣте (напр. «идѣте», но «помолчитѣ» ів.), то можетъ быть здѣсь и форма «възицѣте» такая же, какъ въ прочихъ древнѣйшихъ памятникахъ (напр. въ Остром. ев.).

Къ примѣрамъ, доказывающимъ силу и способность стариннаго языка отдѣлить возвратное мѣстоименіе отъ своего глагола (на стр. 180), прибавлю нѣсколько ихъ изъ грамотъ, отличающихся свѣжестью народной рѣчи XVI вѣка: «а ты са на тѣхъ шлешь ли?.. на тѣхъ са, господине, шлюжъ» Кал. I, 177 (1534 г.), «истецъ и понатые со княземъ Юрьемъ за поле понмали жъ са» ів. I, 195, «на дѣло шлешь ли са» ів. 204 (1547 г.), «и князь Юръи съ ними за поле понмалъ же съ» ів. 209. Какъ и нынѣ, сокращалось возвратное мѣстоименіе изъ са въ съ, если предыдущее слово оканчивалось гласною, напр.

акт. юр. № 20 (1534 г.): «шлемса господине», «шлюсь господине», «на поле битись», «на поле битьса».

О неопредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ была уже рѣчь выше. Къ формамъ существительнаго глагола прибавлю очень рѣдко попадающуюся сокращенную «*есь*»: «у кого *есь* то серевро занималъ» моск. гр. 1433 г. (I. стр. 104).

XXII.

Профессоръ Соболевскій заканчиваетъ свои лекціи главою XI объ удареніи, съ общими разсужденіями которой я согласенъ, не знаю только, почему онъ къ ударенію хроматическому причисляетъ лишь языки санскритскій, греческій и латинскій, какъ будто бы литовскій и славянскій не принадлежали къ тому же числу языковъ съ удареніемъ хроматическимъ. Или развѣ не сохранилась до сихъ поръ музыкальность ударенія въ высокой степени въ языкѣ сербскомъ? Она существуетъ также въ языкѣ чешскомъ, съ ограниченіемъ однакожь только на долгіе слоги. Въ словенскомъ же нарѣчій, напротивъ, все болѣе преобладаетъ безцвѣтная экспираторность, взявшая верхъ также въ языкѣ болгарскомъ и русскомъ. Но съ такими общими разсужденіями далеко не уйдешь. Пора взяться за изслѣдованіе ударенія по частямъ. Въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка рѣчь конечно можетъ быть лишь объ удареніи, встрѣчаемомъ въ рукописяхъ, но какъ разъ на эту сторону вопроса еще никто не обратилъ вниманія. Удареніе древнерусскихъ рукописей, гдѣ оно появляется съ конца XIV и начала XV столѣтія и потомъ переходитъ въ старопечатныя книги, надо будетъ изучать въ связи съ рукописями южнославянскими съ одной, и съ произношеніемъ живой

русской рѣчи съ другой стороны. Въ первомъ отношеніи сдѣлано пока еще очень немного. Но и въ послѣднемъ далеко не все. Пока еще и пособій, облегчающихъ изученіе современнаго русскаго ударенія, не очень-то много. Нельзя не отозваться съ особенною признательностью о нѣкоторыхъ новѣйшихъ попыткахъ напечатать тексты простонародныхъ говоровъ съ удареніями. Къ такимъ принадлежитъ тоже прекрасное изданіе сочиненій Квитки, вышедшее подъ редакцію профессора А. А. Потемни. Неотразимый научный аксіомъ о принадлежности всѣхъ нарѣчій русскаго языка къ одному цѣлому по отношенію къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ беретъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу свою какъ разъ изъ совпаденія всѣхъ русскихъ нарѣчій въ одинаковомъ удареніи.

Этимъ кончаются и мои замѣтки. Не воображаю себѣ, что ими предметъ исчерпанъ, хоть бы въ скромныхъ размѣрахъ, намѣченныхъ ему въ «лекціяхъ». Собственно говоря, и авторъ и рецензентъ вращаются пока преимущественно въ старшихъ столѣтіяхъ русскаго языка, приблизительно до конца XV столѣтія. Позднѣйшія столѣтія внесли въ ихъ анализъ лишь очень немногое. Историческое развитіе русскаго языка, какъ онъ двигался въ продолженіе многихъ столѣтій своею письменными памятниками ознаменованной жизни, изображено здѣсь еще въ очень неполномъ видѣ. Изъ каждаго огорода по цвѣточку, выходитъ пестрый составъ, который все-таки не можетъ замѣнить впечатлѣній живого цѣлаго. Дѣйствительно, по этимъ отрывкамъ, очутившимся вмѣстѣ иногда чисто случайно, нельзя составить себѣ точное представленіе о судьбахъ, постигшихъ русскій языкъ въ различныя эпохи его жизни. Гдѣ, когда и какъ развертывалось богатство его въ словахъ и формахъ, его оригинальность въ синтактическихъ оборотахъ, его плавное теченіе народной рѣчи съ особенною силою и удачею, гдѣ ли и когда убывало этихъ качествъ его и по какимъ причинамъ — обо всемъ этомъ мы такъ и не узнаемъ ничего удовлетворительнаго изъ этихъ лекцій и другихъ подобнаго рода обзорѣній. Даже нынѣшній литературный языкъ, этотъ

продуктъ и наслоеніе многовѣковой жизни и работы всѣхъ частей русскаго народа, сложившійся при участіи какъ церковно-славянскаго языка, такъ и всѣхъ живыхъ нарѣчій, это «великое зеркало» воспримчивости русскаго духа — и онъ останется неразгаданнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты и оцѣнены всѣ факторы, принявшіе участіе въ созданіи различныхъ типовъ этого языка въ теченіе столѣтій.

Особенно важнымъ я считаю въ исторіи русскаго языка одинъ моментъ, на которомъ и остановлюсь двумя словами. Я имѣю въ виду поворотъ къ архаистическому направленію, совершившійся въ теченіе XV столѣтія въ церковнославянскомъ языкѣ, какъ органѣ древнерусской литературы. Безъ правильной оцѣнки его становится непонятнымъ то большое количество славянскихъ элементовъ, словъ и оборотовъ, которое до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Было бы ошибочно думать, что всѣ «славянизмы» нынѣшняго литературнаго языка русскаго восходятъ къ очень ранней эпохѣ. Напротивъ, по памятникамъ древнерусской письменности XII—XIV столѣтій можно прослѣдить и убѣдиться, что уже тогда въ очень внушительныхъ размѣрахъ церковнославянскій языкъ сталъ «русѣть», уступая медленно, но безостановочно, то въ звукахъ и формахъ, то въ синтаксическихъ оборотахъ, вліянію окружавшей его народной среды. Но вотъ наступила эпоха реакціи, подъ гнетомъ тяжелыхъ временъ, постигшихъ Россію, пустилъ глубокіе корни аскетизмъ и отшельничество, возобновились и ожили прерванныя на нѣкоторое время сношенія съ центрами грекославянской духовной жизни на югѣ, съ царствующимъ градомъ Константинополемъ, съ святой горой Аѳономъ, съ Иерусалимомъ. Навѣститъ эти мѣста, почерпнуть новую силу вѣры и поученія, стало завѣтной мечтой русскихъ монаховъ и безмолвствующихъ отшельниковъ. Оттуда получались опять книги, которыми дорожили болѣе чѣмъ обыкновенными дома сготовленными русскими изводами. Стефанъ Новгородецъ прямо говоритъ, что изъ студійскаго монастыря посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріодъ и иныя книги. По сви-

дѣтельству одной рукописи (Р. М. № 360) въ Константинополѣ былъ въ 1392 году списанъ русскимъ монахомъ сборникъ повѣстей и поученій (изъ патериковъ и прологовъ); въ 1421 списали тамъ же «убогій Евсеvій и непотребный Ефремъ» творенія св. Иоанна Лѣствичника, въ 1431 году какой-то «смиранный инокъ Аѳанасій русинъ» списалъ опять сборникъ различныхъ житій и похвальныхъ словъ въ одномъ монастырѣ на Аѳонѣ (Опис. сл. рук. библ. св. Троицкой Серг. лав. № 746 (III, стр. 141). Но дорожили, не только книгами, полученными съ юга, или же свѣренными съ южнослав. подлинниками, а также людей прїѣзжихъ съ юга принимали съ большимъ почетомъ. Достаточно указать на митрополита Кипріяна, на Григорія Дзамблака, на Пахомія Логовета.

Стеченіе этихъ обстоятельствъ сильно повліяло на церковно-славянскій языкъ древнерусской письменности, оно дало ему другое направленіе, оторвало его отъ слишкомъ близкаго общенія съ народною средою, вмѣсто оборотовъ простонародной рѣчи водворило пышную витіеватость византійскую. Даже на внѣшнихъ признакахъ графики отразилась эта эпоха реакціи; въ памятникахъ церковной письменности этого времени неожиданно стали снова появляться юсы и на болгарскій ладъ смѣшанное ихъ употребленіе, начали входить въ моду знаки *з* и *з*, на сербскій ладъ писалось иногда *ь* послѣ твердыхъ согласныхъ, и т. д. Но эта реформація церковнославянскаго языка захватила только сѣверовосточную и центральную Россію, московское государство; сѣверозападная же часть Россіи, великое княжество Литовское, въ этомъ движеніи участвовало гораздо слабѣе, здѣсь авторитетъ церковнославянскаго языка уступалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ то простонародной стихіи, то культурному вліянію польскому. Такимъ образомъ отселѣ выступили на сцену два русскіхъ языка: одинъ московскій русскославянскій, другой литовскій русскославянскій; стройнѣе, правильнѣе, какъ мнѣ кажется, двигался первый, въ которомъ принимали участіе только два фактора, русскій и церковнославянскій; пестрѣе, шероховатѣе

шло развитіе второго, въ которомъ помимо церковнославянскаго фона участвовала примѣсь бѣлорусская и примѣсь южнорусская, да кромѣ того на всемъ этомъ тяготѣлъ языкъ польскій. Исторія русскаго языка должна съ полною справедливостію отнести и къ этому второму двигателю культурныхъ интересовъ; не малая задача выпала на долю его, которую онъ исполнялъ при довольно неблагоприятныхъ условіяхъ съ большимъ усердіемъ.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

- Аблесимовъ 125.
Аксаковъ 128.
Брандтъ 112, 113, 137.
Будановъ В. 114.
Буслаевъ. О. И. 7, 10, 100, 106, 118, 124, 144, 146.
Веселовскій, А. Н. 83.
Видеманнъ 95, 137.
Владиміровъ 106, 118.
Востоковъ 7, 67.
Гебауеръ 20, 112.
Головацкій 38, 78, 121, 122, 123, 124, 143.
Гончаровъ 129.
Гриммъ Яковъ 1, 47.
Гротъ Я. К. 114, 146.
Даль Вл. 6, 52.
Даничичъ 98, 102.
Дзамблакъ Григорій 153.
Житецкій 10.
Ивановъ 80, 115, 131.
Калачовъ 55, 62, 66, 80, 99, 100, 104, 106, 111, 115, 117, 121, 124, 125, 126, 128, 129, 141, 142, 143, 144, 149.
Калина 102, 112.
Карскій 86.
Квѣтка 151.
Кипріанъ, митрополитъ 153.
Козловскій 28, 29, 72.
Колосовъ М. 7, 8, 18, 53.
Котошихинъ 100.
Куникъ 36, 99, 106.
Куникъ-Напѣрскій 53, 140, 148.
Лавровскій П. А. 4, 6, 10.
Лескинъ 101.
Максимовичъ 6.
Миклошичъ 20, 47, 112, 113, 137.
Напѣрскій 57.
Невоструевъ 43.
Новгородецъ Стефанъ 152.
Носовичъ 86.
Облакъ 102.
Огоновскій 75.
Пахомій, логофетъ, 153.
Погодинъ 6, 80.
Помяловскій И. В. 16, 84.
Поповъ А. 26.
Потебня А. А. 6, 10, 67, 75, 151.
Пушкинъ 129.
Смирновъ 60.
Соболевскій, А. И. 9, 10, 14, 15, 16 и т. д.
Срезневскій, И. И., 1, 2, 3, 4, 7, 26, 39, 41, 51, 53, 57, 59, 60, 68, 79, 85, 86, 96, 97, 117, 122, 123, 124, 134, 140, 144, 145, 146, 147, 148.
Тихонравовъ 26, 41, 53, 64, 95, 100, 118, 136.

Толстой 129.

Тургеневъ 128, 129.

Шахматовъ, А. А. 10, 43, 46, 48, 57, 60,
67, 80, 93, 105, 122, 140, 141, 142.

Шейнъ 48, 86.

Шимановскій 45.

Шлейхеръ 134.

Шмидтъ 127.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТА.

А. Русскій языкъ вообще.

Два главныхъ положенія И. П. Срезневскаго относительно русскаго языка 2, 3, 4.

Мнѣніе Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковно-славянскому 2, 3.

Объ отношеніи нарѣчій великорусскаго къ малорусскому 5, сл. 151.

О времени появленія русскихъ нарѣчій 4.

О галицко-волынскомъ типѣ памятниковъ 11, 17.

О говорѣ полянъ 25.

О диалектическихъ признакахъ 15, 26, 81.

Акanye 52.

Вліяніе языка церковно-славянскаго на русскій 151—152; вліяніе литерат. языка одной области на другую 94.

Возобновленіе сношеній съ югомъ 152—153.

Два русско-славянскіе языка: московскій и литовскій 153—154.

Удареніе 53, 150, 151; произношеніе неударяемыхъ гласныхъ 53.

Б. Звуки.

а) Гласныя.

Потеря носовыхъ гласныхъ 19.

Слабыя гласныя, исчезновеніе и возобновленіе ихъ 30 и сл.

Гласныя сварабактическія 33.

Стяженіе 62.

a: переходъ въ *e* 51, въ *o* 54.

e: твердое въ началѣ 28; удлинненіе 33; вмѣсто *ь* 32, *и* 33, *ь* 26, 40, 41, 44, 57; переходъ: въ *a* 48, 50, въ *ѣ* 33, 49, (*чо*, *жо*, *шо* 35, 38, 39, *шо*, *чо* 36, 39), въ *o* 48, 49, въ *я* 48, 49, 50, 51, 112; сокращеніе въ *ь* 61, 62.

и: вмѣсто *ь* 10, 11, 13, 16, 17, 26, 32, вмѣсто *ь* 13, 25, 40, 41, 44, 46, вмѣсто *ы* 78; сокращеніе въ *й*, *ь* 34, 59, 60.

o: вм. *a* послѣ плавныхъ 21, произношеніе какъ *a* 52, 53, 54, 55, начальное вмѣсто *ю* 24, вм. *ъ* 27; удлинненіе 33.

у: употребленіе вмѣсто начальн. «*оу*» 11, 17; смѣшеніе съ «*оу*» 13, 15, 16; вмѣсто *o* 16, 83, 84.

ъ—*ь*: какъ знаки 27; чуткость языка къ нимъ 28; различное значеніе гласной *ъ* 31; *ь* колеблется между *e* и *и* 32.

ь: переходъ въ *o* 19, 31, вм. *o* 27.

ы: смѣшеніе съ *и* 47; вмѣсто *и* 17, вм. *o* 17, 27; произношеніе какъ *э* 47, 48; сокращеніе въ *ь* 60.

ѣ: переходъ въ *e* 19, 32; замѣна черезъ *и* 32, исчезновеніе 70, 71.

ь: произношеніе 29, 39, 40, 42, 43, 44; южно-русское употребленіе вообще 10, 15, 16, 41, 45; вмѣсто *e* 11, 13, 14,

16, 17, 41, 46; вм. *и* 46, 49; ослабленіе въ *е* 57; — *и* = *я* — 48.
ю: вм. *ѣ* 38, переходъ въ *й* 60.
я: переходъ въ *е* 51, 52.

б) *Согласныя.*

Выпаденіе согласныхъ 66, 67.
Вставка согласныхъ 68, 69.
Отвердѣніе (*тѣ* въ *тѣ*) 73.
Отвердѣніе согласной *нѣ* въ *н* 73, шипящихъ 77, 78.
Мягкость шипящихъ 76, 77.
Диссимиляція плавныхъ 85, 86.
в: Употребленіе нач. «*въ*» вм. *у* 11; «*въ*» смѣшано съ *у* 13, 15, 81, 82, 83. *ув*. 83; *в* переходъ въ *у* 84; вм. *у* 82, 83; какъ приставка 85; выпаденіе 67.
и: выпаденіе 67, переходъ въ *в* (черезъ *н*) 131.
д: отсутствіе передъ *л*, *н* 19; выпаденіе 67.
жс: вм. сочетанія *д* 19.
жс, жд: мягкость ихъ 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
жд: вмѣсто *жс* 17.
жс, шс, чс: переходъ въ *с*, *и* 66.
жч: вмѣсто *жд* 11, 13, 15, 16, 17.
з: отвердѣніе 73, 74.
к: переходъ въ *и* 65, въ *х* 64.
л: мягкое послѣ губныхъ вм. *л* 16.
м: вмѣсто *н* 86.
н: вставочное 69, 70.
с: переходъ въ *з* 65; отвердѣніе 74.
т: переходъ въ *д* 64.
ш: смѣшеніе съ *ч* 11, 12, 41; мягкость 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
ч: вм. сочет. *т* 19; произношеніе какъ *ш* 66; мягкость 76.
ш: переходъ въ *ч* 65.
ш, ш: мягкость 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
щ: предпочтено русск. *ч* 20;—упрощеніе въ *ч* 66.

в) *Сочетаніе гласныхъ съ согласными.*

Первое полногласіе 19—22.

Сочет. *ло, ро* вм. *оло, оро* 21.
Второе полногласіе 22—23.
Мягкость, различная степень ея: *лѣ—нѣ, лѣ—нѣе*, но—только *ре* 28.
Сочетанія *ръ, лѣ* — *ре, лѣ* 44; *чо, жо* 35—37.
Сочетаніе *ръ, ерь* вм. слоговыхъ *ръ, рѣ* 71, 72.
в: въ оборотѣ «*вотъ*»—68, 69.
ы—и 78.
кы—ки 78.
кѣ, скѣ, ски—кѣ, сѣ, смѣ 78, 79.
оѣ—оѣ — *ои—ой* 57.
ре вм. *ре* 28.
ся—си 56.
скѣ: переходъ въ *ще* 66.
хы—хи 78.
чь вм. *еѣ* въ окончаніи 36.

В. *Формы.*

О склоненіи вообще 101, 102; склоненіе именное прилагательныхъ 126.
Имен. ед. ч. на: *и, ѣми* 104, *ѣи, ѣи, ѣи* 29, *ои, ей* 130; мѣстоим. 119—124;—мн. ч. на: *н* 9, 51, 121, *ове* 109, 110, *ѣа* 111, 112, 113, *а* 111, 113, 114, 115, *е* 110, *а* 111; вторженіе винительнаго 109, 110; имен. двойств. числа на *у* вм. *а* 106.
Родит. ед. ч. на: *а, у* 102, 105; согласн. основъ 106; *н* 9, 57, 119, 120; *оѣ* 57, 123, *ои* 57; *и* 58; сложн. прилаг. 88; на *ю, во* 130, 131; на *я* 49, 119; смѣшеніе съ дательнымъ-мѣстнымъ 107;—мн. ч. на: *нѣ* 73, *овѣ, еѣ, ей* 115, 116;—двойств. числа на *ою, у* 90.
Дат. ед. ч. на: *у* 102, *ови, еѣи* 102, 106, 107; сложн. прилаг. 89; причастій на: *и, е* 127;—мн. ч. на: *ѣмѣ* 72, *омѣ* 103, *амѣ* 103, 116, 117.
Винит. ед. ч.: 108, на: *и* 128;—мн. ч. на: *н* 9; мѣстоим. 121.
Звател. ед. ч.: существованіе и исчезновеніе 104, 105.
Творит. ед. ч. на *мѣ* и *мѣ* 72; мн. ч. на: *ами, ѣми* 118, *и* 119.

Мѣстн. ед. ч. на: *ъ* 103, 109; *у* 108; смѣ-
шеніе съ родит. 107;—мн. ч. на: *ахъ*,
нахъ 117, *охъ* 118.

Формы мѣстоименія *тебе*—*тобѣ*, *себе*—
собѣ 91, 92; род. *меня*, *тебя* 49, 119;
род. *мечь*, *тебѣ* 120; имен. мн. ч. *ты*
121; имен. мн. ч. *тии* 121.

Прибавочное мѣстоименіе *тоѣ* 125.

Форма числит. на—*мя* 101.

2-ое лицо ед. ч. на: *ши* 92, 93, дашь,
ѣшь 145.

3-ье лицо ед. ч. безъ *ть* 147, на *ти* 10,
11, 13, 14, 26.

1-ое лицо мн. ч. на: *ме* 94, 95, *мы* 95,
96, *мо* 96.

Имперфектъ вообще и потеря его 132,
133.

Оконч. имперфектъ—*шеѣ*,—*хуть* 93,
94.

Оконч. имперф.—*ахъ*,—*яхъ* 96, 97.

Оконч. 2 л. дв. и мн. ч. *шѣта*, *шѣте* 97.

Аористъ вообще 134, 135, на *охъ* 137.

Аористъ на *тъ* 94, 136, 137.

Аористъ 3 л. ед. ч. безъ *тъ* 134.

Потеря чутья для различія лицъ въ
аористѣ 136.

Формы взаимѣнъ аориста 137, 138, 139.

Формы прошедш. времени безъ вспом.
глагола *есмы*, *еси*, *есть*, *есмы*, *есме*,
есте 137, 138, *есмы*—*есми* 139.

Давнопрошед. вр., перед. чрезъ прича-
стіе и вспом. глаг. *бѣхъ*—*бѣше* 140,
быхъ—*есмы* 140.

Сослагательное будущее 140, 141.

Будущее сложн. съ *начну*, *почну*, *учну*
съ неопред. 142, 143;—съ *иму* 143.

Форма неопред., отступаетъ отъ цер-
ковнослав. 100.

Форма неопред. *ити*—*итѣти*—*итти*
100.

Неопредѣл. накл. какъ повелит. 141.

Повелит. накл. 145, 148.

Повелит. накл. на:—*и*,—*ите* 149.

Желательно—повел. накл. *хоши*—*хошь*,
хотимъ 146.

Вставочное «будеть» 141, 142.

Форма «есми» 101.

Сослагательное накл. съ частицею «бы»
143, 144.

О формѣ супина 99.

Причастіе наст. вр. на—*ущій* 20, на
—*а* 98; дѣспричастіе на—*чи*,—*вши*
128, 129.

Отдѣлене возвратнаго мѣстоименія отъ
глагола 149.

Г. Слова.

Авлриана,—яноу 85.

Агатицу 77.

азъ—изъ—я 120.

алефесова 32.

алюбо—альбо 60.

антиохинскіи 78.

апостольскѣи 79.

ardýti 21.

бджолá—бчолá 37.

бедъ (род. мн. ч.) 41.

безо 28.

берегу (мѣст.) 108.

березѣ (мѣст.) 79.

берестѣанѣ 51.

берми (вм. бервми) 67.

берох 136.

бесерменскѣи 85.

бесѣдоваше 133.

бешью (вм. бошью) 27.

бискупови 107.

бичова 37.

бишь 134.

блговѣрьнооумоу 89.

блажонѣ 36.

богаче 66.

божини 58.

божьствьнооумоу 89.

божьюмъ 38.

боле—бола 49.

больши 129.

болѣзньныхъ 130.

бораний—бараний 55.

боранъ—баранъ 55.

борздо 86.

боровѣ 51.

- бору (мѣст.) 108.
 борьке 80.
 бохъмитъ 85.
 бою (род.) 105.
 бояра 113.
 боаромъ 117.
 боарѣ 51.
 боара 111.
 боаштаса 76.
 брате (зват.) 105.
 брати, братиѣ (зват.) 105.
 братья 111.
 бродъ (род.) 105, (мѣст.) 108.
 бждемы и мы 95.
 буди—будъ 33, 39.
 боудѣше 41.
 боудыше 97.
 будаше 132.
 булъ вм. былъ 56.
 быша-быше-бышь 59, 60.
 бѣхъма 27.
 бѣльѣ 49.
 бѣсѣдами,—доум 41.
 бахъ, баше, бахоу 140.

 в него 83.
 в мнозъ земли 33.
 вальтромѣа 85.
 варагъ 25.
 Василеви 107.
 Василювъ 38.
 вашее братие 57.
 вашего, вашомъ 39.
 вдарыли 83.
 вдеса 82.
 везучи не учну 128.
 великии 78, 126, — кое, —ко, комъ 126.
 великои (м.) 130.
 величанинъ 76.
 велаше 132.
 веньць 41.
 веньценосьць 41.
 вереме 54.
 верою 41, къ вѣре 42.
 версѣ 80.
 верхъ 23.
 верьбныи 71.

 верьтешъ 71.
 весемоу 32.
 весу (мѣст.) 108.
 весѣлие 16.
 ветчаны 65, ветчина 65.
 вже 83.
 вжити 82.
 вжитки,—ове 82.
 взверзи 71.
 видити, видивше, видилъ, видивъ 41.
 видаше 133.
 внимаючи 47.
 винное вины 57.
 виси 32.
 Витебъще 66.
 вівця—воовця 85.
 вкажетъ 83.
 вказали 83.
 Владычкѣ 80.
 влѣжачъ 128.
 вмерлое 83.
 вмомъ, на вмѣ 83.
 внеде 53.
 вничъжи 82.
 во вѣжасѣ 82.
 вов покои 83.
 во вчаны 83.
 во вѣспѣнне 82.
 во вѣстѣхъ 82.
 воеваху 132.
 вожаше 133.
 Волга-поволжие-поволожье 23.
 Волзѣ 80.
 володимерьское волости 57.
 волосново 131.
 Волоцѣ 80.
 Волхевъци 80.
 волъжба, волшебный 71.
 Волъчкови 107.
 (оу) вольное жены 57.
 вольха—ольха 69.
 Вондроникова—Ондронъ 69.
 Вонъчифоръ—Онъчифоръ 69.
 воовчихъ 85.
 (за) воовьца 85.
 вопришину—опричъ 69.
 воронѣй 48.

восемь 85.
 вострый 85.
 воскъ (мѣст.) 78.
 вотъ 85.
 вотчина—отчина 68.
 вреда 45.
 вредить 45.
 время,—ени,—еньхъ 21, 45.
 временае (мѣст.) 109.
 вретнщама 45.
 врочища 83.
 врадника 83.
 всажаше 133.
 вси, всимъ, всими, всихъ 41, 124.
 вѣи 17.
 всакии, всакые 58.
 всакое неправды 57.
 всякъ—však—всакъ 74.
 вудѣль—удѣль 69.
 вчинили, вчиниша 83.
 вчорá—учорá 37.
 вчы 83.
 вчинити 83.
 вчѣньемъ 82.
 въ что въблечемса 84.
 въ вѣшею 82.
 въгодѣно, въгодити, въгодить 84.
 въготоваю 82.
 въдова—въдовицамъ 71, 76.
 въ юго брата 82.
 възвншающа 47.
 въздръжаніе 76.
 възьма, възьа, възьаша 134.
 въ ихъ снѣвца 82.
 възлѣзоушомъ 36.
 възмолю 82.
 възмрете 82.
 възмыса 82.
 възнидѣ 41.
 възсажаша 135.
 възскоре 26.
 възступатци 53.
 възтроба 82.
 възчинены 84.
 възчьто 70.
 Выгнать—Игнать 69.
 възлѣзеть 136.

вымалъ, выметьса 70.
 выша 37.
 възкл. (*vьлкъ)—волкъ 22.
 възсемъ 41.
 възсехъ 42.
 възде 26.
 въздѣ—въде—въди—въдь 58.
 възликааго, възличствна 41.
 възблѣудъ 16.
 възмы 95.
 възтъхааго 41.
 възчной (животъ) 130.
 Въшере—Вѣшеры 54.
 възшьшеоמוу 89.
 галичанѣ 51.
 Геворгн 85.
 гнать—гоню 146.
 гнѣвъ, гневъ 41, 44.
 гнееть 54.
 году (род.) 105.
 гонѣнне 16.
 горазнѣе 67.
 горныи 58.
 городицкей 48.
 городкѣ 80.
 горожанъ 77.
 господá 113.
 господине, господо (зват.) 105.
 гостевн 107.
 гость (винит.) 108, гостя—гости (род.) 106.
 государыни 104.
 градѣх 118.
 гражанѣ 51.
 границами 78.
 грошювъ 38.
 грывенъ 47.
 грѣхъ 45.
 дадаше 132.
 далъ ѡсмь 138.
 дати—дать 34.
 дашь 145.
 даажуть 133.
 двума—двумя 101.
 двума—двумъ 91.

дву—двухъ—двохъ 90.
 деи—де 59.
 делеса, делесъ, делесы 26.
 дензѣ 80.
 день, дни—дню 33.
 деревенъ 73.
 деревье 50.
 деревья 113.
 державу 71.
 держаль 78.
 держаніе, держати 78.
 держи, держить, дѣржахуса 71.
 дерзну, дерзнувъ 71.
 десницею 41.
 дитя 46.
 дівојка—девіса 46.
 дни (род.) 106.
 днина 71.
 днѣе 112.
 добра 126.
 доведчи 128.
 догонаша 136.
 долга—дологъ 23.
 долгу (мѣст.) 108.
 долженъ 36.
 доловъ—долови 59.
 долото 22.
 домачадецъ 54.
 домовъ—домови 59.
 домохъ 118.
 донъдеже—донъдеже—дондеже—донде
 73.
 дорозѣ 80.
 дорошкою 64.
 досаждать 20.
 досташетца 53.
 дочи—дочь 59, 104.
 древо, древа 45.
 другѣи 48.
 друзья 113.
 дрыва 27.
 душевнои 39.
 душию 77.
 дюжій 75.
 дѣвж, двоу—двою 90.
 дѣждь, дѣждю, бездождю, 17.
 дѣжча, одѣжчивъ, бездожъчѣемъ 17.

дѣстѣ—дѣскѣ 79.
 дѣщѣрь 17.
 дышать 146.
 дѣржащомъ 36.
 дѣржати 76.
 дѣлницю 78.
 дѣла—*дела—*дѣла—для 61.
 дѣржалъ 77.
 дади (род.) 106.
 дадь 115.
 Еванъ 54.
 ево 131.
 единъ—одинъ 24.
 ѣдинеми 42.
 ездачи 127.
 езеро—озеро 24.
 елень—олень 24.
 Елефѣрии 46.
 емшо 37.
 ѣсме, есме 94, 95.
 ѣсмъмы 95.
 ѣсмъ—ѣсми 139.
 есмá, естá 48.
 есь 150.
 железо 41.
 женьскѣ 78.
 жеребевъ 116.
 жернова 115.
 жесточаютъ 76.
 живучи 128.
 живахуть 133.
 житьѣ 49.
 жо—ажо 37, 77.
 жолудокъ 37.
 жона 35, 37.
 жонъ 77.
 жоны, съ жоною—жанá, жанóю, жаны
 36.
 жребии 45.
 жреба 45.
 жрець, жерца—жреца 32.
 жы (вм. же) 54.
 жьнчюгъ 86.
 Жаворонковича 78.
 жалобилиса 77.

жалобоу 77.
жаловали 77.
жалаху 133.

загарашеса 133.
заецъ 51.
зайца—заца—заца 52.
закладнии—закладневъ 115.
закону (род.) 106.
залетчи 65.
запраша 136.
засыпаше 132.
затвораше 132.
защититель 17.
zbięrać—збірати 46.
звѣрье 112.
згадць 80.
зегзицы—зегзуля—зазуля 67.
зеленово 131.
змлин, змлиж 67, 68.
знамѣние 16.
знахоръ 55.
зодчій 71.
золобоу 28.
золобѣ 78.
золотъ, золота—золоты 126.
золоту—золотую 126.
зѣдати—назѣда—съзѣданому 71.
зѣлие 16.
зѣмное 16.
зѣмныхъ 16.
затевы 107.

игрець—игрыца—игреца 32.
иже—ижъ 59.
ижченахъ, ижченоуть 17.
избѣгши (м. р.) 123.
изведаче 127.
изверивше 127.
известъ—извистъ, извистью 47.
извлече 45.
извѣщѣние 16.
изедень 26.
изидаше 132.
изма, измаша, изымаша 134.
измавъ 135.
измаилтанѣ 51.

измьроша 137.
изо обож 28.
изоостанеть 28.
изыинной 57.
иза 134.
илвовѣскыи 61.
Илеѣино 54.
имамы 95.
имаша 135.
имашеть 97.
имыхоути и 97.
инемъ 42.
иново 131.
инои 57.
инокнажцомъ 39.
инъ, ини, ино—и онъ, и они, и оно 62.
irti 21.
ис—съ 61.
иску (мѣст.) 108.
истеннаго 53.
истинной (им. м. р.) 130.
истребе 45.
исходаахоуть 97.
исходаче 127.
исъшѣние 16.
ищѣдше 70.
ищѣло 70.
ищѣте—ищате 29.

к—х 64.
камени (род.) 106.
камену—ную 126.
каменье—каменя—каміння 50.
камѣние 16.
камѣнное 17.
карь—карю 126.
Келесиа 32.
клѣчья 112.
клѣчаръ 76.
Клѣсови 107.
Клосови 107.
ключникъ (вм. ключникъ) 66.
кнуте 50.
кназь, кнаже, кнажо (зват.) 105.
кнажо 77.
кназьа 49.
кназья 113.

- книжнѣю 131.
 кобилѣ 47.
 кожедо 32.
 козланѣ 51.
 колико—козько 60.
 козьке 80.
 колокола 115.
 коломенское 57.
 колье 50.
 кольсница 32.
 комнаты 119.
 конатъ—канатъ 55.
 конехъ 117.
 концанию 41.
 ковца (род.) 76.
 концати 77.
 конь—коневъ 115.
 конь, на конь (вин.) 106.
 коньми 118.
 конѣцъ 56.
 копьями 118.
 корабѣхъ—ьяхъ 118.
 корени (род.) 106.
 королеви 107.
 корчовемъ 38.
 корьномъ 72.
 Корѣла 46.
 корѣниѣ 16.
 (ис) которое земле 57.
 которой 57.
 которыхъ—которы 58.
 кошюно 77.
 крепость 41.
 крестьяна 51.
 крилосъ 85.
 криницу 78.
 крове (род.) 106.
 кружево—круживо 47.
 крѣвѣ 41.
 крышонъ 77.
 крыштати са 76.
 крѣпко 45.
 кузнеца 54.
 кумовья 113.
 купленѣ 58.
 куплаху 133.
 купыше 97.
 коушномъ 36.
 Кълбагъ 25.
 кънѣцъ 27.
 кънажо 37.
 къназомъ 36.
 къюръ (вм. куръ) 80.
 къюю 80.
 ламскемъ 79.
 Ларивонъ 85.
 латина 113.
 лахти—лохти 64.
 лаяна 113.
 Левонтии 85.
 легивонъ 85.
 лежа (вм. лежаше) 135.
 лѣтѣшті 20.
 лещовъ 115.
 листвѣ 113.
 листи (мѣст.) 40.
 листѣ (род.) 105.
 литоргии 72.
 лише—лишь 59.
 лицу 77.
 ловищами 118.
 ловищамъ 116.
 лодья 21, 104.
 лому (род.) 105.
 лотка 64.
 лошедь 52.
 лучами 118.
 Лугѣ 80.
 лѣтчева 131.
 лысти—лысты 47.
 лысь 126.
 львовчане 78.
 льжажъ—легчажъ 33.
 лѣ, нѣ—ля, ня 29.
 лѣсами 118.
 лѣсу (мѣст.) 108.
 лаховѣ 51.
 лахохъ 118.
 любодѣица 76.
 мажюсаша 77.
 монастырьсково 131.
 маноты 33.

- мати—мать 59, 104.
 матигорьцамъ 117.
 мачоха 37.
 медведеви 107.
 межю 77.
 межю—межи; межы—межь 60.
 мелко 21, 22.
 мене 48, 49.
 меншому 39.
 менѣе—мне 33.
 меня 48, 49.
 Мера 113.
 местѣхъ 26.
 метъ—мостъ 22.
 мехохъ 118.
 мешечкахъ 118.
 Микитоу,—ѣ 86.
 Микулаю 86.
 миру (мѣст.) 108.
 младенѣць 56.
 младъ 21.
 млеко 45.
 (со) млыны 47.
 могошати 94.
 могоуцоуоумоу 89.
 моее 57.
 мои—моей 33, 58.
 молодово 131.
 (съ) молоду 106.
 молодшого,—ому 39.
 молоко 21, 22.
 молошого—щюю 39.
 молѣниѣ 16.
 монастырьскѣ 79.
 московское 57.
 мостѣ (род.) 105.
 мошку (« ») 105.
 мразъ 21.
 мѣжникомъ 117.
 мужье 112.
 мужьми 118.
 мужьскоѣ дчери 33.
 мужья 49.
 мужа 76.
 Моурома 113.
 мускѣ 66.
 мху (род.) 105.
 мѣлчаннѣ 76.
 мѣлѣваще 22, 23.
 мыслише 97.
 мѣстохъ 118.
 мѣстьчаны 78.
 мѣщанѣ 113.
 матежю 77.
 матѣжь 17.
 навчи 82.
 навчыш 83.
 надро—надрѣхъ 93.
 найму (мѣст.) 108.
 наказаньямы сѣ 95.
 наказаше 133.
 намѣстници 80.
 напред 45.
 народѣмъ (дат. мн. ч.) 72.
 наслажѣнии 16.
 наследовавъ 41.
 наследье 41.
 наслѣдникомъ 40.
 насѣльниикъ 17.
 наоугинъ 84.
 наоупати 82.
 научиша (иже, ед. ч.) 136.
 нача 134.
 началникохъ 118.
 наше 57.
 нашего,—оумоу,—омъ 37, 38.
 нашѣмъ,—ѣи 17.
 нашу 78.
 нашуомъ 38.
 небреже 45.
 незванъ 126.
 неистѣльнѣноихъ 130.
 нельзя 48.
 нѣмѣштѣи 20.
 немцомъ 36, 37.
 немьрьцамъ 76.
 неразрушонъ 36.
 неревьскемъ 79.
 неряха 74.
 несоуменьнѣмъ 32.
 нетлинии 40.
 вѣтленнѣ 41.
 нечистнѣмъ 32.

- нечѣстывыхъ 47.
 нижа 37.
 низу (мѣст.) 108.
 ничего 38.
 новгородской 57.
 новгородскоубоу 89.
 Новей городокъ 48.
 новобрачново 131.
 ношинъжъ 32.
 нощной (им. ед. ч. м. р.) 130.
 ноуждае 76.
 нынче—нынѣча—нонѣча 52.
 нынѣча—нынеча—нынича—нынча—
 —нынче 61.
 нѣ 17.
 нѣи 17.
 нѣмь 17.
 нѣмецкей 48.
 натешъ 70.
 натцовъ 39.
 нюи, нюмъ 38.

 обашолы—обашоль 60.
 обестити—обвѣстити 67.
 обца, обидный, обидѣть 20.
 обижать 20.
 обижать 20.
 обищимъ 32.
 обладающоу 89.
 облекостасъ 45.
 ублекчаемъ 64.
 облещьмы съ 44, 95.
 обличаше 133.
 обоихъ 90, 91.
 обонаемы 95.
 обраштаютьсѧ съ 76.
 обрете 41.
 обраштемь 95.
 обыскавъ 128.
 огонь, огни—огонь 23.
 одвѣкъшъ (род.) 83.
 одеждахъ овьчахъ 76.
 удиной 57.
 одирнь—одернь—одерень 54.
 одолевъ 41.
 ожо 36.
 окромѧ 48.

 онѣскіе 66.
 Опоцкей 48.
 оприсно—опрочъ—опроче 69.
 опроче—опрочъ 59.
 «орзъ»—21.
 орити 21.
 вроужемъ 53.
 оскѣверниша 71.
 оскѣпнищю 79.
 оскѣпомъ 79.
 осподарь 131.
 усподара 85.
 останошнему 66.
 останьке 80.
 Осташкови 107.
 остожей 116.
 остръ—остеръ 23.
 острѣщи 46.
 осожѣнии 16.
 оссжаемъ 78.
 осѣдлати 16.
 Фверьеже 71.
 отнь—отна—отнѣ 71.
 ото вности 82.
 отонмутъ 28.
 Фпоуху 133.
 Фпоустааше 97.
 отсуду 74.
 отыинмутъ—отонмутъ 70.
 отчовъ 37, 77.
 отъвращати съ 76.
 отъврести 100.
 отълоучася 76.
 оть—ать 54.
 вхвочъ 86.
 вче—аче 54.
 очервьлена 71.
 очнуться 67.
 очютивъше (кнѣзю) 127.
 ошнбъ—хоботь 22.

 падѣниѣ 16.
 патреарсѣ 53.
 пенье 50, 54.
 перевѣснцахъ 117.
 переимаша 135.
 перелѣзчи 65.

- перо—пѣро 37.
 первая—первое, первии 71.
 перьсехъ 71.
 перьсты, перьсти, перьстѣ, перьстены
 71.
 печемы са 95.
 печерьскемь 79.
 печать,—и 78.
 писку (мѣст.) 108.
 писалъ 137.
 питателеницю 32.
 птицами 32.
 плахъ 21.
 плечи—плече 53.
 пшицю 77.
 плохъ 21.
 плѣнити 45.
 пни (род.) 106.
 побѣдоносечи 32.
 побѣжченоу 17.
 повелѣтъ жсмь 138.
 повелѣнижмь 41.
 повчахъса 82.
 повѣтраж 54.
 погнетши 127.
 погребѣ 41.
 погъмбѣниж 16.
 подоиметь 28, 70.
 подражати 76.
 подачево 131.
 поемъши 127.
 поесницѣ 52.
 поженъ, поженка 73.
 поживемы 95.
 поима, поимаша 134, 135.
 поймавъ 135.
 покажѣте са 29.
 покаитеса 30.
 покамѣста—покамѣсть 60.
 поклажей—поклажее 58.
 поклонѣниж 16.
 поклапу,—ую 126.
 полехчили 64.
 полехъ 117.
 поломонарь 85.
 полонъ (род.) 105.
 полохъ 21.
 Полоцкъ—Полотьска—Полтескъ 32.
 полубы 119.
 пользевати—пользовать 74.
 польза, пользѣ—пользы 73, 74.
 Поли 113.
 полами 118.
 поможеть 137.
 попява—понѣва 39.
 поперегъ 65.
 поперекъ 21.
 поплачѣмы 95.
 попь, попье, попьамъ 49.
 попь новгородское 33.
 попѣче са 41.
 пораждаж 76.
 поромъ—паромъ 55.
 порутчикъ—порутчикъ—поручикъ 66.
 поруцѣ 80.
 посадникѣ 80.
 послужѣниж 16.
 послушати 76.
 пострѣшиса 46.
 потокнетъса 33.
 потребно 45.
 погрѣба 21.
 поту (род.) 105.
 поучати 76.
 поча 134.
 почертъ 100.
 почивающому 89.
 почоншы 38.
 почиети—почисти 100.
 поча 134.
 пошлинникъ 80.
 пом 134.
 правово 78.
 правдивоумоу 89.
 прабца 76.
 пре 45.
 прегрешинию 56.
 преда 45.
 предасть 45.
 преднее 45.
 предъ 45.
 преже 45.
 преидѣ 41.
 прелестъ 45.

предложю 45.
 преподобне 45.
 преславноѣ 45.
 престависа 45.
 престоль 45.
 преступають 45.
 приближають ми са 76.
 привѣде 41.
 пригождаться 20.
 пригожо 39.
 приидаше 97.
 принимши 128.
 приказникохъ 118.
 прилежати 76.
 прилнаше 133.
 приложѣние 16.
 приницати 76.
 прискерьбна 71.
 прислѣшаетъ 78.
 приставе 144.
 пришодъши 78.
 приы 134.
 приыхомы 95.
 прозებაа 51.
 прозерливьма 71.
 прокладдаться 20.
 проповѣдатель 32.
 прорицахомы 95.
 проскѣпомъ 79.
 простъре 137.
 прохожева 131.
 проче—прочъ 59.
 прочетчи 65.
 прѣ—пре—пере 44.
 прѣображаемъ са 76.
 дрѣщениѣ 45.
 псалъ, фаль (безъ ѣсть) 137.
 цустошѣхъ 117.
 пугвица — пуговка — пуговица 62.
 поуе (род.) 106.
 путиками 118.
 путикѣхъ 80.
 пшонó 37.
 пытаемы 95.
 пьрвои 57.
 пьрвиѣ 40.
 пьсалъ (безъ ѣсть) 137.

пѣщъ 41.
 патма 91.
 радовахуса 133.
 радцами 78.
 ражчегъса 17.
 раз—21.
 разнѣваите 53.
 раздорахъ 117.
 раздѣлившомъ 36.
 различинъ 32.
 разнѣвавъ 67.
 разрушано 126.
 разоумѣхомы 95.
 раскѣпиласа 79.
 распалихса (сердце) 136.
 расоудимы 95.
 ратнои 57.
 ратьникътмъ (дат. мн. ч.) 72.
 гаван 21.
 ребнику 54.
 река 41.
 реку—ръку—рку 61, 62.
 ремени (род.) 106.
 ремениць 53.
 речаше 113.
 Ржову 39.
 рижанъ 77.
 Ризѣ 79.
 робчюща, робчете 86.
 ровный 21.
 ровньгъ 21.
 родительницъ (вм.—це) 32.
 родить 136.
 родительъ 32.
 роз—21.
 розвѣ 21.
 розчестиса 100.
 розчетъ—по розочту 23.
 рокъ (род.) 105.
 росквелю 79.
 ростовѣць 56.
 рублевъ,—овъ,—ей 115.
 роукава 115.
 рухледъ 52.
 ручѣхъ 117.
 роуце (мѣст.) 42.

роуци (твои) 40.
 рѣгъ 27.
 рыболове,—ова 51.
 рыжъ,—а 126.
 рѣзъ (род.) 105.
 рѣки (мѣст.) 80.
 рѣкъ 80.
 рѣчкѣ 80.
 рѣцѣ 80.
 рюшита 75.
 радохъ 118.

Савке 80.
 саженъ 73.
 сбудащета 133.
 свату (зват.) 105.
 свекровья 113.
 свидинии—свидении 40.
 свидѣтельствоуютъ 17.
 свожи 57.
 своие 53, 57.
 своии, своюмъ 38.
 свѣдительство 27.
 свѣдчю 78.
 свѣрзи 72.
 себе—собѣ 91.
 себе—собе 48, 49.
 себѣ 91.
 себа—соба 49.
 севера 26.
 сево 131.
 сегодня 106.
 сее 57, 124.
 сей 124.
 селамъ 116.
 селахъ 118.
 селищахъ 117.
 селѣхъ 117.
 семь—седмь 33, 66.
 сердоничень 126.
 серебряно 126.
 серегѣрьскыи 46.
 сеси 124.
 сесь 27, 124.
 сесьць 26.
 сидѣть, ѿсидѣть 46.
 силе твожи 42.

сиж, съж—сю, сюю 124.
 сказывашъ 62.
 скербъ,—емъ,—ащема 15, 17, 26.
 скитскыи 78.
 сконцаниа 41.
 скъръбъ 22, 23.
 сладокъ 21.
 слепоту 41.
 слову, словеть 144.
 словѣсноую 17.
 словѣсна,—ааго, словѣси 41.
 слоужитѣль 17.
 слоужашта 76.
 слышавъ—слышевъ 51.
 слышымъ (описка) 77.
 слыщимъ (послы) 127.
 Смоленскъ,—Смоленска—Смоленскъ 32.
 Смоленске 79.
 Смоленщце 66.
 Смольнѣскѣ 79.
 смотриша (3 л. ед. ч.) 136.
 سموщающомъ 36.
 сматѣниѣ 16.
 сноповѣ 50.
 сносъ 80.
 солома—шолома 75.
 сосназѣ 80.
 сочевица—чечевица 75.
 списку (мѣст.) 108.
 сповѣде 26.
 спусте 54.
 срѣдценѣи очи 32.
 срѣдца (род.) 76.
 среднаа 126.
 средокрѣтнюю 45.
 средоу 44, 45.
 среды 45.
 сроку (род.) 105.
 срѣбро 16.
 ставленово 131.
 станохъ 118.
 старейшимъ 26.
 старейшомоу,—ѣи 36, 39.
 старешомоу 39.
 старишина—старшій, старшина 61.
 старово 131.
 старожилцовъ 39.

- старцю (заповѣдь) 77.
 старцю 77.
 старѣишій, старѣшина—старишій 61
 стергающе 71.
 стожье,—ья 50.
 сторовъ—здоровъ 66.
 стом,—аше 133, 135.
 страже 112.
 стрегоущимъ 45.
 стрежаху 133.
 стричи 46.
 строгъ 21.
 студень 75.
 стьза, стьзы 74.
 судокъ—судакъ 55.
 суду (мѣст.) 108.
 соудъ 25.
 соудъмъ (дат. мн. ч.) 72.
 соужона 36.
 сѣндѣкхъ 118.
 сучья 113.
 свѣрьшонъ 77.
 свѣрьши 71.
 свѣжате 29.
 сѣма 135.
 сѣмаешъ 70.
 сѣмѣху 133.
 сѣворимы 95.
 сѣчюнутиса, сѣчюнутиса 67.
 сыновья 113.
 сыновѣ 51.
 сыновѣцъ 56.
 сѣвѣрьнѣи 17.
 сѣвѣрьскыи 17.
 сѣдло 16.
 сѣи 17.
 сѣлнаи 17.
 сѣмъ 17.
 сюда 74.
 ся—си—съ 56, 59.
 см 125.
 тажо 36.
 Татарва 113.
 татарѣ—татаровѣ—татарова 51.
 тате (род.) 106.
 там—тое 123.
 твориць—творѣць—творецъ 56.
 твораху 132.
 тебе—тобе 48, 49, 92.
 тебе—тобѣ 91.
 тебѣ 91.
 теба 48, 49.
 телеснымъ,—ымъ 26.
 темъ, техъ 41.
 тенето—тоното 22.
 ти, тимъ, тихъ, тими 124.
 тоба 49.
 тово 131.
 тое обиды 57.
 толико—только 60.
 тонъ 124.
 Торжокъ,—а,—у—торожка,—торожку
 23.
 тотъ, тѣтъ 122, 125.
 требующимъ 45.
 треи 33.
 трема 91.
 третьимъ 130.
 тридцетъ 54.
 троицкои—троецкои 53.
 троужатиса 76.
 трѣба 21.
 трѣбоуемы 95.
 трѣзвъ 21.
 трѣтнему 17.
 трѣтьюю 17.
 трясяхуса (градъ) 136.
 тою 123.
 Тѣбрь 46.
 тчанные 66.
 тѣй, тѣй, той 122.
 тѣкомо—толко 33.
 тѣчерь—тѣчери 64.
 тѣжь 122.
 тѣмъ, тѣихъ, тѣхъ, тѣми 122.
 тѣсечю 51.
 тѣ, тѣе, тѣю 121.
 тѣлообразной (м. р.) 130.
 тѣмъ—цѣмъ 124.
 тѣплотою 41.
 тѣчааше, тѣкоущихъ, потѣкоша 41.
 тягнути—тянуть 67.
 тажестѣхъ 117.

тажа 77.

оу, у 82, 83, 84.

ув, оувъ 83.

убѣженъ 126.

оувидити 41.

увошоль 83.

увтагли 83.

углу (мѣст.) 108.

угодѣхъ 117.

угодьями 118.

оугринъ 25.

оудастъ 82.

оудержаниемъ 76.

уже—ужь 59.

ужо 36.

ѣздоумаль 82.

узрадовалоса 83.

узречем 83.

оузраше 133.

оузревъ 41.

узавшы 83.

оузати, оузаль 82.

оумаша 136.

оуклонѣниѣ 16.

оукрадоша (3. л. ед. ч.) 136.

оукоупѣ 82.

(съ) оуладикою 47.

оулѣсти 82.

улицы (вм.—у) 54.

оумершую 77.

уміегаѣ—умірати 46.

оумреть 137.

оумьремы 95.

оумьрохъ,—е,—оша 137.

оумышлалше 133.

оумакъчаша 76.

оуношю 77.

оухвотишаса 86.

оупразними са 95.

оупрашаше 84.

упрекъ 21.

оуражонъ 36.

Урождай 20.

Урошныя (вм. урочныя) 66.

оусее, оусею, оусемъ, оусемь, оусехъ,

оусеми, оусю, оуса, оуси 82.

оуселенам 84.

оуселатьса 84.

оусквѣрнимъ са 84.

оускрича 82.

оуснаше 133.

оусобицю 77.

оусприяти 82.

оуспѣниѣ 16.

оуетни (мои) 40.

оустокъ 82.

оусхочеть 82.

усхочеть 83.

оусакии 82.

оутвържонъ 36.

оутѣшаше 133.

участки 80.

оучистившеса 84.

ушла (в ложницу) 83.

Фольварокъ 85.

Фрола 85.

халкидоньскіи 78.

халтулареви 85.

харотью, харотьяхъ 33.

хлѣбницу 77.

хмелникѣхъ 80, 117.

хмельниками 118.

хода (—помирились) 123.

ходаще 97.

хозяйева 113.

холопомъ 117.

хольмлани 51.

хота—хоте, хоти—хоть 59.

хочемъ 146.

хочомъ 37, 77, 146.

хочютъ 146.

хоци—хошъ 146.

хрепомъ 64.

Хроль 85.

хрьстолюбивоумоу 89.

царевъ 51.

целомоудры 41.

церкви 104.

цетвертомъ 41.

- чалу 126.
 чево 131.
 червчатъ 126.
 череве (мѣст.) 42.
 через—чересь 65.
 черленыи 126.
 чернецъ, черница—чернеца—черенца 23.
 черноризиць 53.
 черный 23.
 черныцю 77.
 чести 100.
 четвертъка—четверка—четверга—чет-
 вергъ (вм. четвертокъ) 65.
 численныѣ 58.
 числительскѣмъ 79.
 чистъ 126.
 чоботомъ 38.
 чоло 37.
 чолобитъе 37.
 человека,—вѣка 77.
 чоловѣкъ 37.
 чортковичъ 38.
 чортъорышскыи 38.
 чотирѣ 37, 38.
 чревѣ 45.
 чтець, четца 32.
 чтюнь 38.
 чърнычьскѣмъ 79.
 чъстимоѣмоу 89.
 чъстахоу 97.
 чѣмъ 17.
 чѣсть 56.
 чювали 77.
- чюдьной (м. р.) 130.
 чюдѣса, чюдѣсь 41.
 чюжа 77.
 чюжее женѣ 33.
 часть 76.
 чыати 76.
- шепъчюща 77.
 шолку (мѣст.) 108.
 шоломъ 75.
 шолудивий 37.
 шоль, шодъ, по—, при—, 37, 77.
 шти—шьети 66.
 шюльжичновъ 38.
- щеголь 66.
 шокá 37.
- ѣдучи 127.
 ѣдчи 65.
 ѣзу (мѣст.) 108.
 ѣшь 145.
- юсмы 38.
- шбыко 17, 27.
 швленооооу 89.
 швлѣние 16.
 адущю 38.
 адахоу 133.
 шзыкохъ 118.
 ястребъ—астрабъ 52.
 аша 135.

